М. С. КАЦЕР

БЕЛОРУССКАЯ АРХИТЕКТУРА

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА АН БССР

М. С. КАЦЕР

БЕЛОРУССКАЯ АРХИТЕКТУРА

Исторический очерк

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БССР
Редакция научно-технической литературы
Минск 1956

ВВЕДЕНИЕ

Искусство, созданное белорусским народом, является прекрасным материалом для изучения жизни народа, его культуры и быта. Оно повествует нам о его героической борьбе против социального и национального угнетения, о его любви к своей Родине, языку и культуре. О большом значении культурного наследия в деле создания советской культуры говорил на съезде комсомола в 1920 г. вождь трудящихся всего мира В. И. Ленин. «Пролетарская культура, указывал он, должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» *.

В настоящее время в деле создания искусства социалистического реализма культурное наследие приобретает большое значение. Оно является прекрасной школой для мастеров советского искусства, неиссякаемым родником знания и опыта. Без детального и внимательного изучения этого наследия невозможно создать советское искусство.

Исключительно большое значение имеет архитектурное наследие в период бурного строительства и восстановления городов и сел Белоруссии, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками. Внимательное изучение богатого опыта архитектурного строительства белорусского народа, созданных им памятников архитектуры является одним из необходимых условий развития советской белорусской архитектуры, социалистической по содержанию и национальной по форме. Изучение строительной техники и стилистических приемов поможет нашим архитекторам глубже проникнуть в сокровищницу народного искусства, откроет возможность использования лучших достижений народного творчества для создания простых по конструкции, удобных для жизни и работы архитектурных сооружений.

Отмечая большое значение художественного наследия в деле развития белорусского советского социалистического искусства, необходимо подчеркнуть, что советская культура в своем развитии опирается только на прогрессивное, демократическое направление в культуре прошлого, на те элементы, которые содействовали освободительной борьбе трудового белорусского народа, укрепляли его национальное самосознание, усиливали дружественные связи с великим русским народом, двигали культуру по пути прогресса.

* В. И. Ленин. Задачи Союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г., том 31, стр. 262.

* * *

В искусствоведческой литературе до настоящего времени не ставился вопрос о периодизации истории белорусской архитектуры. В связи с этим считаем необходимым изложить нашу точку зрения на эту важную проблему.

История архитектуры Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции делится на несколько периодов, тесно связанных друг с другом, образующих единый неразрывный процесс развития. Первый период этого многовекового процесса составляет архитектура восточнославянских племен: кривичей, радимичей и дреговичей, живших в период первобытно-общинного родового строя на территории Белоруссии; второй — архитектура западных областей периода Киевского государства, с IX по XI в.; третий — архитектура западных областей Руси периода феодальной раздробленности, с XII по XIII в.; четвертый — архитектура периода формирования белорусского народа, с XIV по первую половину XVI в.; пятый — архитектура второй половины XVI до первых трех четвертей XVIII в.; шестой — архитектура последней четверти XVIII — первой половины XIX в.; седьмой — архитектура второй половины XIX в. до 1917 г.

В первый период архитектура развивалась в условиях первобытно-общинного родового строя. Первый этап этого периода характеризуется отсутствием классов и классовых противоречий, второй — разложением родового строя и зарождением в его недрах феодализма. Со второго же периода по шестой, т. е. с IX до середины XIX в., архитектура развивалась в условиях феодализма, а с седьмого периода — в условиях капитализма.

Рассмотрим, насколько соответствует эта периодизация фактическому развитию истории архитектуры Белоруссии и вкратце обоснуем ее фактами из гражданской истории и истории культуры и архитектуры.

Возникновение архитектуры на территории Белоруссии относится к тому периоду, когда люди впервые перешли от собирательства и охоты к подсечному земледелию и животноводству. Переход от бродячего образа жизни к оседлому потребовал сооружения более прочных и долговечных построек. Большое значение для строительства и ведения хозяйства имело изобретение способа плавки и ковки железа. Едва ли возможно было при помощи каменного топора и долота выстроить себе хижину из бревен или вырубить участок леса для посева сельскохозяйственных культур. Несомненно, что появление железного топора значительно содействовало протрессу строительства. Стало возможным создавать срубовые землянки или наземные избы. Подобные сооружения были найдены на городище около деревни Оздятичи на реке Березина, около деревни Кордон, Сиротинского района, и вблизи городского поселка Петриков.

Наукой пока не установлено, когда впервые начали укрепляться славянские поселения. Несомненно, однако, что строительство укреплений было вызвано необходимостью защитить поселение, его жителей от враждебных племен и хищных зверей. Вполне возможно также, что укрепления периода разложения первобытно-общинного строя были выстроены представителями господствующей верхушки и являлись их опорными пунктами в борьбе с угнетенным народом, восстававшим против господ. Укрепления эти состояли из земляных валов, рвов и оград из кольев или бревен. Остатки таких укрепленных поселений в виде городищ сохранились во многих местах на территории Белоруссии.

Начало периода архитектуры западных областей Киевского государства IX — XI вв. отмечено такими фактами и событиями истории, как включение современной территории Белоруссии в состав Киевского государства, развитие феодальных отношений, принятие христианства, распространение живописи и письменности, а также начало церковного и монастырского строительства. В это время возникают города Полоцк, Туров, Минск, создается храм Софии в Полоцке, Туровское евангелие и другие произведения искусства и письменности. Большое внимание уделяется строительству укреплений вокруг поселений и созданию крепостей.

Конец же периода архитектуры запад-

ных областей Киевского государства и начало нового периода архитектуры западных областей Руси времен феодальной раздробленности XII—XIII вв. определяются такими историческими явлениями и фактами, как дальнейшее развитие феодальных отношений, укрепление местной феодальной знати, рост тенденций к изолированности от объединяющего центра — Киева. На территории Белоруссии возникает несколько феодальных княжеств. В связи с ростом ремесла и торговли быстро растут города.

В городах, монастырях, дворах князей и феодалов создаются архитектурные сооружения, памятники ювелирного, живописного искусства, переписываются и пишутся книги. Главнейшими из этих произведений искусства являются: Спасо-Евфросиньевская церковь и Борисоглебский монастырь на реке Бельчице в Полоцке, Коложская церковь и церковь на Замковой горе в Гродно, Благовещенская церковь Витебска, церковь на Замковой горе в Минске, Каменецкая башня; монументальные росписи храмов Витебска, Полоцка и Гродно, Эфесская и Купатицкая иконы, крест Евфросиньи, литературные произведения Кириллы Туровского, а также многочисленные предметы народного творчества, обнаруженные в городищах. Как и в предыдущий период, большое внимание в это время уделялось созданию крепостей и городских укреплений.

Историческая наука пока еще не определила точной границы начала периода феодальной раздробленности. Во всяком случае, грань эта лежит где-то между половиной XI и началом XII в. Наиболее ранним памятником архитектуры западных областей Руси периода феодальной раздробленности является храм, руины которого были открыты на Замковой горе в Минске археологом В. Р. Тарасенковым. Дата основания храма, по его определению, начало XII в. Наиболее же поздним памятником следует считать башню в Каменецке, выстроенную в 80-х годах XIII в.

Архитектура этих периодов представляет собой базу для развития белорусской архитектуры. С особой четкостью черты белорусской архитектуры проявились в XII—XIII вв. В этот период наиболее интенсивно происходило постепенное накопление новых черт, свойственных архитектуре Белоруссии.

Период формирования белорусского народа и его культуры принято в исторической науке датировать XIV—XVI вв. В эти же века происходило формирование белорусской архитектуры. В связи с дальнейшим развитием феодальных отношений, а также включением Белоруссии в состав Литовского княжества происходил быстрый рост магнатского землевладения. Усиливается процесс закрепощения белорусского народа. В результате роста ремесла и торговли, расширения торговых связей с соседними странами росли города, расширялись их территории, усложнялась планировка, совершенствовалась строительная техника. Большое внимание в это время уделялось строительству городских укреплений, замков и собственно крепостей.

Характерным для этого периода является более широкое распространение грамотности среди господствующей прослойки, создание и переписка книг, украшенных миниатюрой (Оршанское и Мстижское евангелия), исторических повестей (Александрия), «Лексиса» Зизания, полемических книг, произведений станковой и монументальной живописи (росписи Супрасльской церкви). Возросшая потребность в книгах вызвала необходимость издания их типографским способом. Начало этому было положено Скариной, издавшим в 1517—1525 гг. несколько книг, украшенных гравюрой. Выдающимися архитектурными сооружениями этого периода были замки в Мире и Гродно, крепости Туровля и Сокол, укрепления Полоцка и Витебска, церкви в Маломожейкове и Сынковичах.

Окончание этого периода архитектурного развития и начало нового — архитектуры второй половины XVI — первых трех четвертей XVIII в. ознаменовалось, прежде всего, насильственным введением унии (Люблинской 1559 г. и Брестской 1596 г.), открывшей возможности для наплыва в Белоруссию католического духовенства и польских магнатов. Усилился социальный и национальный гнет над бело-

русским народом, что вызвало мощную волну народных восстаний, прокатившуюся с особой силой во второй половине XVI и в первой половине XVII в.

Выдающимися явлениями культурной жизни этого периода являются, прежде всего, расцвет народного декоративного творчества (иконостас церкви Николая в Могилеве), дальнейшее развитие станковой и монументальной живописи, создание белорусской грамматики и полемического сочинения «Фринос» Мелетием Смотрицким, а также создание графических произведений В. Вощанки, М. Вощанки и других.

В архитектуре этого периода появляются новые типы храмов: например, базиликальные крестово-купольные с двумя башнями у фасада (церковь Богоявления в Могилеве), крестовые в плане, завершенные одной или пятью главами (Богоявленная церковь Кутеинского монастыря), базиликальные с двумя башнями у фасада (Катерининская церковь в Минске). Одновременно происходит усиленное строительство дворцово-замковых ансамблей, способных выдержать осаду иноземных войск и отрядов восставшего трудового народа (замки в Быхове и Ольшанах), а также грандиозных городских укреплений (Полоцк).

Присоединение Белоруссии к России в 1772—1795 гг. внесло большие изменения в жизнь белорусского народа: ускорилось его экономическое и культурное развитие, усилилось плодотворное влияние передовой русской культуры на белорусскую. В это время в Белоруссии появляются сатирические произведения «Тарас на Парнасе» и «Энеида навыворот», широкое распространение получило народное творчество, развивается портретная и пейзажная живопись.

Большое значение в деле строительства имели мероприятия по планировке городов, проведенные в Российской империи, в том числе и в Белоруссии, в конце XVIII и в начале XIX в. Наиболее интересными архитектурными сооружениями этого периода являются дворцы в Гомеле и Снове, собор Петра и Павла в Гомеле, собор Иосифа в Могилеве и др. Происходят резкие изменения в архитектуре. К этому времени стиль барокко приходит в упадок, распространяется новый стиль — классицизм.

Грань между периодом архитектуры конца XVIII — первой половины XIX в. и периодом второй половины XIX и началом XX в. определяется такими явлениями общественной жизни, как освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г., крестьянское восстание в Белоруссии в 1863 г., ускорение развития капитализма, а в связи с ростом промышленности, торговли и проведением железных дорог — рост городов и расширение их территории.

Под влиянием русской демократической литературы развивается белорусская литература, главнейшими представителями которой являются Францишек Богушевич, Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, Тетка и др. Одновременно с литературой развивается реалистическая живопись. Крупным достижением этого периода является деревянная резьба, украшавшая дома крестьян и городских мещан.

* * *

Прежде чем приступить к изложению темы, необходимо вкратце остановиться на литературе по белорусской архитектуре. Литература эта может быть разделена на несколько видов. Немаловажное значение в условиях Белоруссии для изучения истории архитектуры имеют книги и брошюры по истории и этнографии, в которых содержатся описания или упоминания памятников белорусской архитектуры. Например, в книгах «Россия» (т. IX), «Живописная Россия» (т. III), изданных под редакцией Семенова, «Белоруссия и Литва», изданной Батюшковым, «Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии» Без-Корниловича, в трехтомном издании «Опыт описания Могилевской губернии» Дембовицкого, в памятных книгах Витебской, Полоцкой, Могилевской, Гродненской и Минской губерний приводятся на основе архивных данных сведения о белорусских городах, об отдельных сооружениях и ансамблях. Эти описания и ссылки на документы в ряде случаев приобретают значение первоисточ-

ников, так как большинство архивных фондов, послуживших основой для публикации этого материала, а также памятников архитектуры, упоминаемых в этих книгах, уничтожено.

Искусствоведческая литература о памятниках и ансамблях белорусской архитектуры по своему подходу к предмету исследования делится на две группы. К первой относятся статьи и брошюры, написанные преимущественно историками, этнографами, служителями культа или просто любителями. В них иногда подробно описывается история строительства и возникновения здания, жизнь и деятельность фундаторов, магнатов и духовных лиц, на средства которых проводилось строительство; описываются события, связанные с памятником. О самой же архитектуре здания, его стиле, плане и конструкции в этой литературе, как правило, ничего не говорится. Отдельные же искусствоведческие оценки, например, что здание выстроено в византийском, итальянском или готическом стиле, скорее запутывают изучение памятника, чем помогают правильной его оценке. Большинство подобных статей посвящено церквам и монастырям. К ним относятся: брошюра «Бялыничский Рождества Богородицы монастырь» Ф. Жудро, статья «Пинский Успенский монастырь», помещенная в «Могилевских епархиальных ведомостях», статья «К истории Лукомского монастыря», напечатанная в «Виленском календаре», и другие. Большинство этих брошюр и статей имеет чисто описательный характер, анализ памятников отсутствует или дан бегло. Никаких проблемных вопросов в указанных работах не ставится.

Для изучения истории белорусской архитектуры значительно больший интерес представляют статьи и книги, в которых даны описания или анализ памятников архитектуры. К сожалению, такой литературы слишком мало для того, чтобы при ее помощи составить хотя бы приблизительное впечатление о белорусской архитектуре исследуемого периода. Наиболее ценными из них являются статьи: «Древние храмы Витебска и Полоцка» Павлинова, напечатанная в «Древностях» (т. VI), «Белорусские художественные мастера в Москве XVII в.» С. В. Бессонова, напечатанная в «Известиях АН БССР», «Витебский Успенский собор» Сапунова, «Белорусская архитектура XI—XII вв.» Н. И. Брунова, помещенная в сборнике статей по белорусской культуре, и др. В первой статье помещены чертежи и дан анализ крестовых, одноглавых и пятишатровых храмов Витебска, а во второй, впервые в искусствоведческой литературе, указано на то значение, какое имели народные белорусские мастера в деле развития русского и белорусского декоративного искусства.

Особую группу составляет литература, написанная буржуазными белорусскими и еврейскими националистами. В ней обычно процесс развития белорусской архитектуры трактуется как следствие иностранных влияний; белорусская архитектура рассматривается как окраинная по отношению к архитектуре Франции, Италии и Германии, в то же время она изолируется от русской и украинской. Немногочисленные сведения фактического порядка утопают при этом в рассуждениях о «плодотворности» влияния архитектуры западноевропейских стран на белорусскую. Развитие истории белорусской архитектуры рассматривается как единый поток, лишенный классовых противоречий; роль трудового народа в деле создания белорусской архитектуры замалчивается. Характерна в этом отношении статья Щекотихина о памятниках архитектуры Минска XVII—XVIII вв. В этой статье основными создателями белорусской архитектуры выступают представители господствующего класса Польши. Главное внимание в статье автор уделяет католическим монастырям, гражданская же архитектура рассматривается поверхностно.

Из числа польских ученых архитектурой Белоруссии интересовались Иодковский, написавший путеводитель по Гродно, а также статьи «Замок в Мире» и «Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси», помещенные в «Древностях» (т. VI) и другие. В статьях и брошюрах польских ученых рассматриваются, главным образом, костелы, монастыри и дворцово-замковые ансамбли. В буржуазной Польше был издан ряд брошюр — путеводителей по городам Белоруссии (Новогрудку, Слониму, Свиру, Пинску,

Жировицам и другим). Иногда в них встречаются интересные фактические данные. Однако большинство статей и брошюр носит поверхностный, дилетантский характер, а сама архитектура трактована тенденциозно, с явной целью доказать «прогрессивную» роль польских панов, буржуазии и католического духовенства в деле развития белорусских городов. Главное внимание в этих литературных источниках уделяется прославлению классовых и национальных врагов белорусского народа — представителей господствующего класса буржуазно-помещичьей Польши. В то же время замалчивается тот факт, что они привели белорусские города к упадку, что результатом их господства явились разорение и обеднение населения, деградация архитектурного строительства, гибель памятников белорусской архитектуры.

Для изучения истории белорусской архитектуры большой интерес представляет публикация архивных документов по истории Белоруссии. Наиболее важными из них являются: «Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов», «Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией», «Археографический сборник документов, относящихся к северо-западной Руси», издаваемый при управлении Виленского учебного округа, «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской», «Витебская старина», изданная Сапуновым, и другие — всего около ста томов.

В этих книгах помещены инвентари имений (Делятичи, Подберезье, Вядец), замков (Могилевского, Мирского, Кобринского), а также городов (Полоцка, Витебска), местечек и деревень. В инвентаре иногда подробно перечисляются здания того или иного ансамбля, указываются их расположение, степень сохранности и т. д. Вопросы же конструкций и стиля зданий в этих документах не затрагиваются.

Изучение истории белорусской архитектуры представляет большие трудности, которые заключаются, прежде всего, в слабой изученности белорусской архитектуры, в отсутствии исследований даже по наиболее важным памятникам (собор Софии в Полоцке, собор Петра и Павла в Гомеле, дворец в Гомеле и Снове), а также обобщающих работ по истории белорусской архитектуры и ее отдельным периодам. Эти трудности еще больше усугубляются гибелью большинства памятников белорусской архитектуры, в особенности раннего периода. Большим тормозом в изучении белорусской архитектуры является установившийся под влиянием литературы буржуазных националистов ложный взгляд на белорусскую архитектуру, как на архитектуру, механически перенесенную на белорусскую почву из западноевропейских стран (Германии, Италии и Франции), архитектуру, созданную без участия народных масс, оторванную от народа, от ее базы, материальной основы общества.

Естественно, при таком положении автор не смог решить все главнейшие вопросы истории белорусской архитектуры. Еще недостаточно разработаны такие вопросы, как деревянная архитектура, народное декоративное искусство, связь белорусской архитектуры с древнерусской, а также с современной русской, слабо выяснено взаимоотношение белорусской архитектуры с архитектурой соседних стран: Украины, Литвы, Польши, Чехословакии и Латвии, а также с архитектурой западноевропейских стран. Вместе с тем автор надеется, что его работа окажется полезной не только для практиков-архитекторов, но и для широких кругов советской общественности.

Глава I

Архитектура первобытно-общинного строя на территории Белоруссии

Культура первобытно-общинного строя племен, живших на территории Белоруссии, была довольно высокой. Об этом свидетельствуют остатки многочисленных поселений первобытного человека: стоянок, селищ и курганов, а также предметов материальной культуры из камня, кости, железа и бронзы, обнаруженных археологами на территории Белоруссии.

Из всех видов культурной деятельности первобытного человека менее всего нам известна архитектура. До сего времени ученым не удалось обнаружить ни одного более или менее сохранившегося сооружения того времени. Письменные же документы почти не касаются вопросов строительства. Таким образом, единственным источником для изучения строительства являются остатки сооружений первобытного человека в виде городищ, селищ, курганов и частей отдельных построек: столбов, бревен, очагов жилья, открытых на этих поселениях.

Основными типами жилищ первобытного человека палеолита лесной и лесостепной полосы Восточно-европейской равнины были круглая яма, заслон от ветра, шалаш и землянка. Подобные постройки, по всей вероятности, создавали первые жители, появившиеся на территории Белоруссии в период верхнего палеолита, за 20—30 тысяч лет до нашего времени.

На стоянках первобытного человека вблизи деревни Бердыж, Чечерского района, на реке Сож, в местечке Юровичи, Мозырского района, на реке Припяти были обнаружены кремневые ножи, резцы, наконечники копий, костяные иглы, а также большое количество костей мамонтов, лошадей, быков, медведей и других животных. Все эти предметы свидетельствуют, что основными занятиями человека того времени были охота на животных, рыбная ловля, сбор съедобных плодов и корней.

Предметы, найденные на стоянках в Белоруссии, однотипны с предметами, обнаруженными на некоторых стоянках того времени в районах РСФСР и УССР, расположенных вблизи границы БССР. Это дает возможность предполагать, что и жилища первобытного человека на всех этих стоянках были однотипны или во всяком случае мало чем отличались друг от друга. О характере жилых и служебных построек того времени мы можем судить по рас-

копкам палеолитической стоянки у села Тимоновка вблизи Брянска. Жилище на этой стоянке представляло из себя землянку размером около 5×3 метра и глубиной в 3 метра. Сверху землянка покрывалась бревнами, засыпанными землей. Посреди землянки помещался очаг, а над ним в настиле пробивалось отверстие для выхода дыма. Вход в землянку делался через специально вырытую траншею. На стоянке в деревне Елисеевичи, Брянской области, обнаружен подобный вход в землянку длиною 6,5 метра и шириною в 1 метр. Для предохранения от осыпания стены этого прохода были закреплены крупными костями мамонта. Наряду с жилищем на стоянках около села Тимоновка обнаружены кладовые в виде конусообразных ям глубиной около 2,5 метра, диаметром в верхней части 3,5 метра. Подобные кладовые, по всей вероятности, покрывались конусообразным шатром.

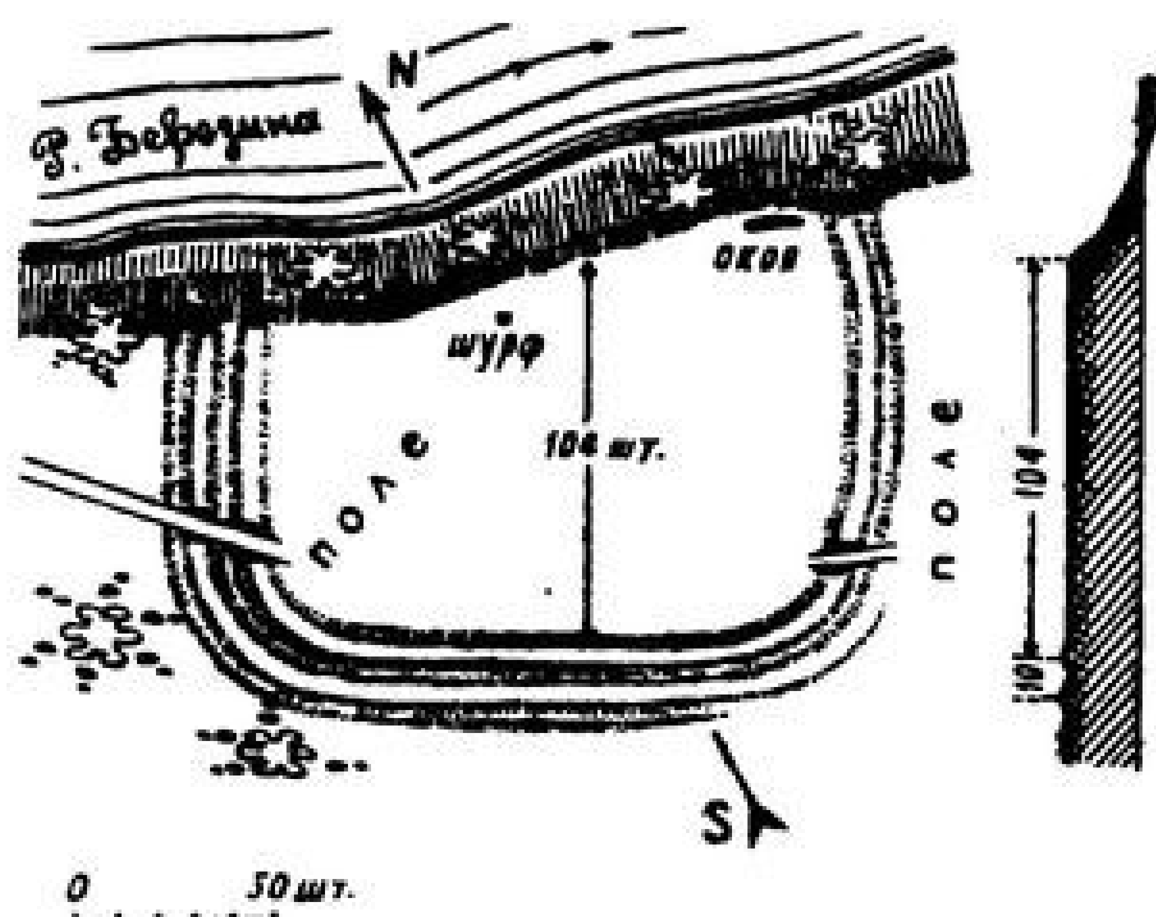

Рис. 1. План городища около деревни Углаты.

Из предметов искусства представляет интерес женская статуэтка из кости, найденная на стоянке в деревне Гагарино, Воронежской области, и черепа слонов, украшенные геометрическим орнаментом, обнаруженные на стоянке в Елисеевичах. Оба эти предмета свидетельствуют о том, что человек того времени умел создавать предметы искусства.

Необходимыми предпосылками дальнейшего более высокого развития строительного дела и, следовательно, становления архитектуры первобытно-общинного строя были: а) переход от охоты и собирательства к подсечному земледелию и животноводству и, в связи с этим, переход от бродячего и полубродячего образа жизни к оседлому, б) совершенствование орудий труда, овладение способом плавки железа, появление железного топора и других более сложных орудий по возделыванию земли и обработке дерева, в) усложнение хозяйственной деятельности человека, вызвавшей необходимость создавать различные производственные постройки, склады, жилище, помещения для животных.

Переход от бродячего или полубродячего образа жизни к оседлому вызвал необходимость сооружать более долговременные постройки. В связи с появлением построек различного назначения: жилья, хлевов, складов, крепостных стен и палисадов, печей для обжига керамической посуды и плавки железа происходит развитие строительства. Возникают различные типы сооружений, отличающиеся друг от друга конструкцией, строительными материалами и внешним видом. Появляются зачатки композиционного размещения жилищ в поселении. Устанавливается связь между сооружениями определенного типа, вырабатывается принцип группировки отдельных сооружений по признаку их хозяйственного назначения. Об умении людей того времени возводить жилье свидетельствуют и письменные источники. Как пишет римский историк Тацит, племена венедов (предков славян), живущих между германцами и сарматами, уже в первом веке умели строить дома.

Эти письменные данные подтверждаются и археологическими находками. Так, на городище около деревни Оздятичи (I—V вв.) обнаружены жилища двух типов: землянки размером 10×3 метра и наземного жилья с очагом. Покрытие землянки было сделано из бревен накатом, поддерживаемых изнутри столбами. Сверху бревна были засыпаны землей. Около землянки обнаружены остатки глиняной домны для плавки железной руды, а также железные наконечники копий, серпы, рыболовные крючки, осколки лепной глиняной посуды,

шлак от плавки железа и другие предметы, свидетельствующие об интенсивной и разнообразной хозяйственной деятельности обитателей городища. Остатки жилья с очагом и многие предметы из железа, глины, а также из костей животных и рыб были обнаружены и на городище вблизи деревни Загорцы, Меховского района. На городище Барсучья Горка (III—VIII вв.) около Днепра, недалеко от Могилева, было обнаружено несколько очагов, окруженных каменной кладкой, и куски полуобожженной глины, служившие в свое время обмазкой стен, а также фрагменты деревянных столбов и другие предметы.

Жизнь славянина была тяжелой и суровой. Она проходила в непрерывной борьбе с природой, хищными зверями, в борьбе с соседними племенами за плодородные поля, богатые дичью леса и реки. В таких условиях охрана жилища, имущества, а также своей жизни и жизни своих сородичей имела первостепенное значение. В целях защиты от хищных животных и соседних враждебных общин некоторые поселения первобытно-родового строя укреплялись земляными валами, на вершине которых иногда воздвигались деревянные заборы или частоколы. С внешней стороны вала рылся глубокий ров. Остатки подобных укрепленных поселений называются городищами. В особенности много укрепленных поселений на территории Белоруссии было создано в 1 тысячелетии н. э., в период патриархально-родового строя и его распадения.

Несмотря на большое значение, какое имеют городища для изучения сельского хозяйства, ремесленной деятельности, культуры и быта первобытно-общинного строя, до сего времени они слабо исследованы, не датированы, не изучена последовательность их исторического развития. Все это в значительной мере затрудняет анализ их застройки и планировки.

Городища Белоруссии расположены обычно рядом с водными бассейнами или в непосредственной близости от них: одни из них находятся прямо на берегу рек, например городища около деревень Углаты и Прыгань, в местечке Свислочь, другие — на высоких мысах, при впадении одной реки в другую, например городища около деревень Новоселки, Бельчавицы, Крюково, а также около Полоцка. Ряд городищ был построен на берегах или островах озер. К ним относится городище в Браславле, возникшее на острове Браславского озера. Многие городища располагались вблизи болот или на холмах, окруженных болотами, как, например, городище Черкасовское, около деревень Горовые, Буйнич и Семков-Городок.

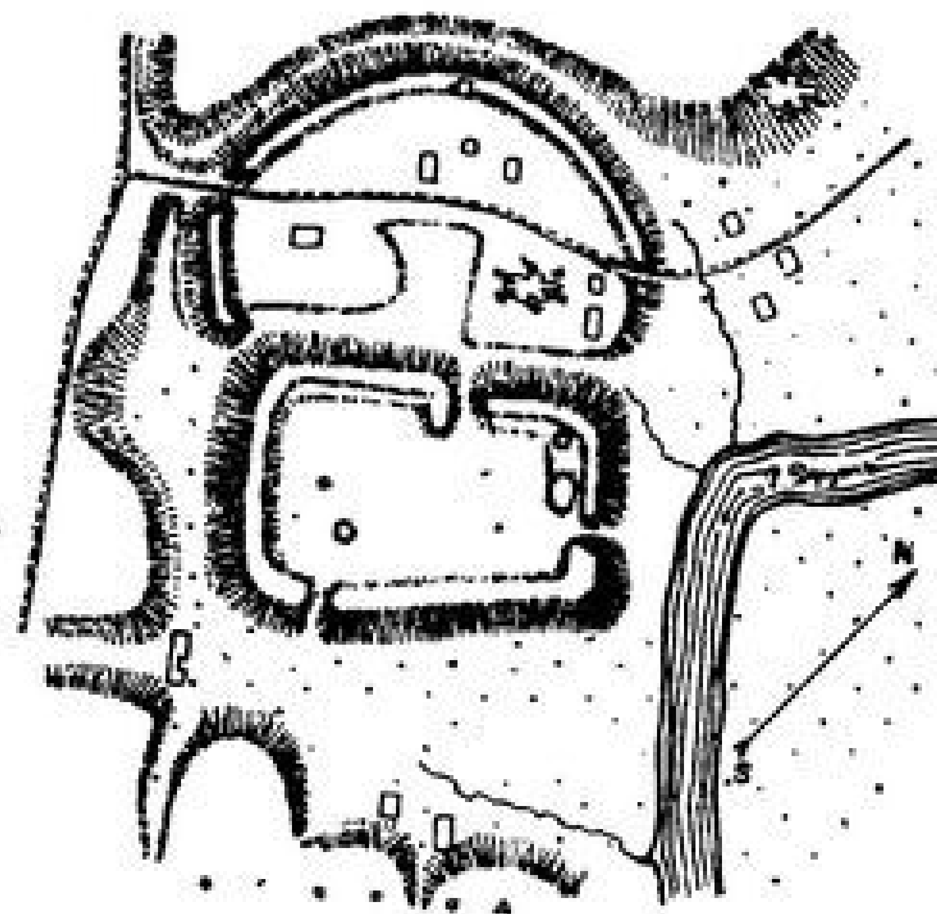

Рис. 2. План городища в г. Друцке.

Вторая особенность городищ состояла в том, что они, как правило, создавались на возвышенностях, на холмах среди болот и полей, на высоких обрывистых берегах рек и озер. Например, городище Острошицкий Городок расположено на холме в 5 метров высотой, городище около деревни Новоселки — на высоком мысу при слиянии двух рек, а городище в деревне Лучино — на высоком обрывистом берегу реки Днепра. Столь настойчивое стремление строить укрепленные поселения на возвышенностях, на берегах рек, озер, болот или на их островах объясняется рядом причин как хозяйственного, так и оборонного характера.

Во-первых, в реках и озерах было много рыбы, а окружающие их заросли изобиловали дичью. Во-вторых, для обитателей укрепленного поселения необходима была вода для людей, скота и для целей производства (например, глиняной посуды). Эти обстоятельства имели значение, главным

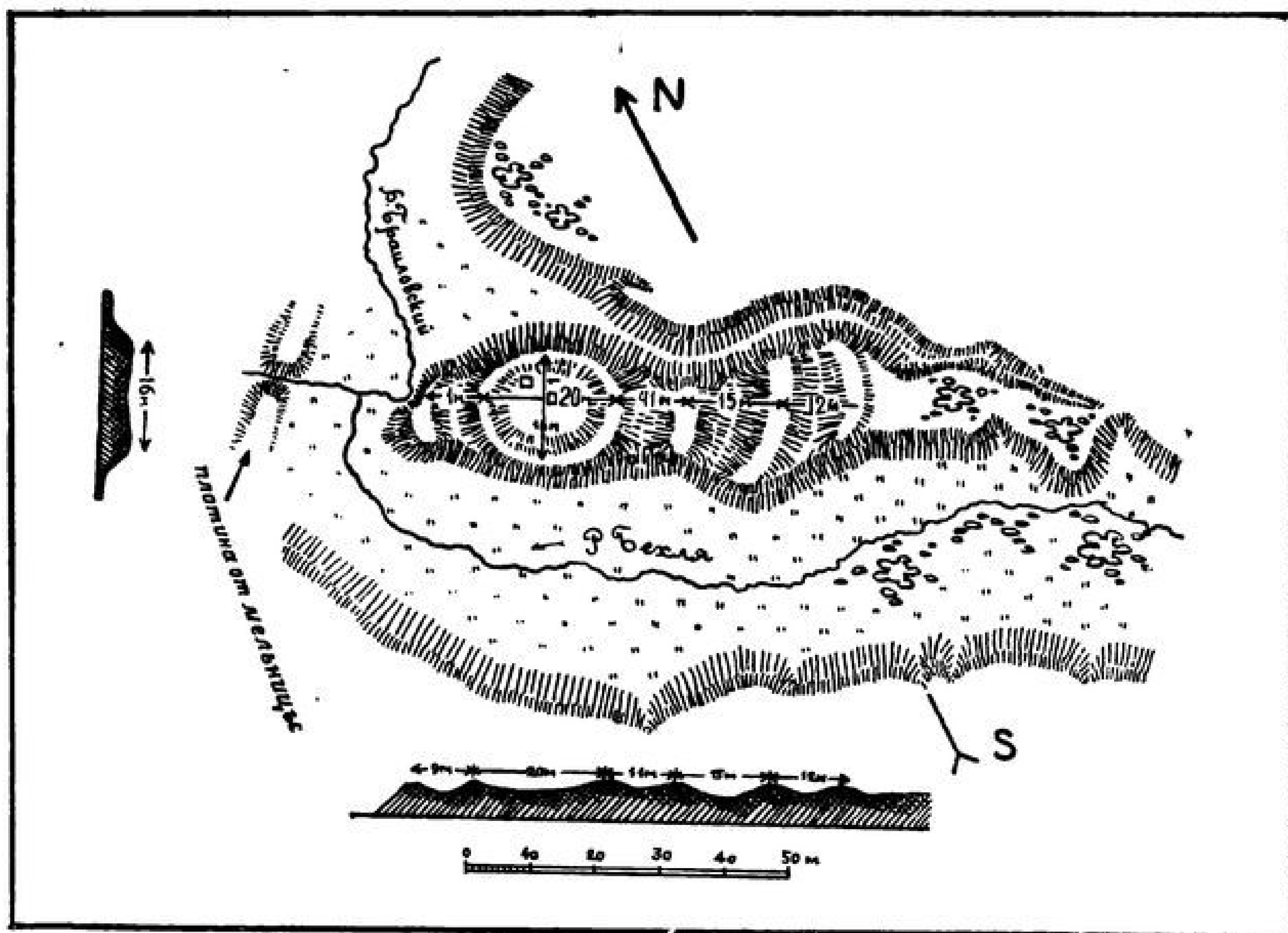

Рис. 3. План городища около деревни Крюково.

образом, для наиболее ранних городищ. В-третьих, реки являлись наиболее удобным средством для сообщения, торговых и культурных связей с соседними народами. Кроме того, водные бассейны с их более или менее крутыми берегами, окруженные болотами и непроходимыми зарослями, являлись естественными преградами, затруднявшими продвижение вооруженному противнику.

Холмы и другого вида возвышенности, на которых создавались укрепленные поселения, обрабатывались во всех случаях так, чтобы еще больше увеличить высоту холма с помощью подсыпки земли. Кроме того, вокруг холмов устраивались глубокие рвы. Это отчетливо видно на примере городища Острошицкий Городок, где холм, на котором расположено городище, был подсыпан с целью увеличения его высоты, а его краям придан крутой склон. О том, что крутые склоны холмов и водные бассейны использовались в оборонных целях, говорит и следующее обстоятельство. В городищах около деревень Дашковка, Бельчавицы и Лучино, расположенных на берегах рек, валы и рвы были сооружены только с напольной стороны, а со стороны обрывистого берега реки ни валов, ни рвов не было. Реки с их крутыми берегами не хуже, чем искусственные рвы и валы, могли служить препятствием для вторжения врагов в поселение.

Рассматривая планы городищ, мы видим, что наиболее распространенной их формой является овал. Имеются городища с треугольными планами. Большинство их расположено на высоких мысах при впадении одной реки в другую, как, например, городище около деревни Новоселки,

городища, расположенные на склонах холмов (Азаричи, Черенки и др.). Часто встречаются городища с прямоугольными планами, например Острошицкий Городок и Прыгань. Большинство же городищ имеет неправильную форму.

Сравнивая планы городищ с участками, на которых они расположены, мы видим, что в подавляющем большинстве они зависят от рельефа этого участка. Так, окончание мыса, на котором расположено городище Прыгань, имеет прямоугольную форму, определившую собой план городища. План городища Товкач повторяет овальную форму холма, расположенного среди болот. Зависимость планов от рельефа особенно отчетливо выражена в городищах около деревни Сосенки и около деревни Крюково. План городища Сосенки, повторяющий собой форму холма, имеет вид полудуги, а в плане городища Крюково повторяются все изгибы холма, на котором это городище расположено.

Городища с их хозяйственными и жилыми сооружениями, обнесенные земляными валами и деревянными оградами, были первыми архитектурными комплексами, едиными по своей планировке, тесно связанными с окружающим ландшафтом.

Значительный интерес для изучения строительной деятельности первобытнообщинного строя имеют культовые сооружения в виде остатков языческих капищ и курганы. Трудолюбивые славяне были тесно связаны с природой. Все окружающие явления и предметы природы по их верованию были наделены чудодейственной силой, одухотворены и делились на представителей злых, враждебных человеку сил и добрых, оказывающих ему помощь. Одни из них, по мнению человека того времени, мешали его трудовой деятельности, насылали на него болезни, смерть, неурожай, падеж скота, другие — оказывали помощь в работе и на войне, излечивали от болезней, спасали от смерти людей и домашних животных. Как тех, так и других необходимо было умилостивить при помощи жертвоприношений и заклинаний. С этой целью и организовывались жертвоприношения. Местом отправления языческого культа были не только капища и требища, но и окружающая природа: реки, ключи, озера, камни, деревья и, наконец, курганы, могилы вождей племени, родоначальников, витязей и волхвов. Из числа предполагаемых остатков языческих капищ наиболее интересным является возвышенность, находящаяся недалеко от деревни Юхновичи, б. Слонимского уезда. Диаметр этой возвышенности равен 18 метрам, высота около шести. Ее верхняя площадка была усеяна осевшими камнями, а также лежащими и стоящими каменными бабами.

Интересны также камни с различными надписями и крестами. Правда, кресты и надписи на этих камнях были высечены позже, около X—XIII вв., однако своеобразная форма некоторых камней, легенды, сложенные вокруг них, свидетельствуют о их более древнем происхождении.

Наиболее интересным из них являлся Оршанский камень, находившийся между Оршей и Кохановым, называемый в народе «Роговольдов камень». На плоской его стороне был высечен шестиконечный крест с надписью: «В лето 6679 (1171) мая, в 7 день доспень крест сий: Господи! помози рабу своему Василию в крещении именем Роговольду Борисову».

Длина камня 2 метра, ширина 1,5 метра. Камень лежал на земле. Однако в прошлом, как свидетельствуют отдельные авторы и народное предание, Роговольдов камень был помещен на четырех столбах. Так, ректор Оршанской иезуитской коллегии Дезидерио Ришардо, изучавший этот камень, в своем донесении графу Н. П. Румянцеву писал: «Надгробный камень утвержден на четырех столбах, а многие старики помнят, что под ним можно было проходить и что дети, гуляя, бегали под ним».

Известный археолог Тышкевич по этому поводу говорит, что камень стоял, как он узнал у местных крестьян, на четырех столбах и в совокупности имел вид животного. Впервые он был открыт в 1794 г., а в 1805 г. над ним местными крестьянами была поставлена часовня. Камнем этим интересовались многие ученые. Киркор утверждает, что это настоящий дольмен наподобие дольменов, найденных на территории западноевропейских стран. Это, на наш взгляд, вполне возможно. Тем более,

что подобный мегалитический памятник был найден в Галиции, на Украине, недалеко от Монастырщины, вблизи реки Серет.

По своему происхождению курганы Белоруссии делятся на несколько видов. Возникли они в самые разнообразные исторические эпохи. Нас интересуют те курганы, которые имели или могли иметь какое-нибудь отношение к строительной деятельности славянина.

Курганов на полях Белоруссии сохранилось довольно много, о них белорусский народ сложил немало легенд. В белорусской народной устной литературе существует довольно богатый отдел народного творчества о курганах и их истории. На материале этого народного творчества нашими поэтами и писателями написаны исторические поэмы и повести, в том числе поэмы Янки Купалы: «Могила льва», «Бондаревна» и «Курган».

В 1927 г. вблизи Минска, в районе деревень Рылевщина и Петровщина, во время раскопок было обнаружено, что большинство курганов сделано по одному и тому же плану и имело довольно сложное построение. Наиболее типичным из них является курган № 1. Его высота была равна 4,5 метра, окружность 53 метра. Нижний слой, служивший фундаментом для кургана, состоял из плотно утрамбованной глины, толщиною 17 сантиметров, которая была насыпана непосредственно на грунт. На этом основании лежал второй слой белого песка, примерно такой же толщины, по всей вероятности служивший подстилкой для покойников, так как на песке были обнаружены три трупа: два мужских и один женский. Около трупов лежали топор, женские украшения и остатки огнищ из сожженного хвороста, соломы и шерсти. Над покойниками, последовательно одна над другой, снизу вверх были насыпаны три куполообразных насыпи примерно равной толщины. Насыпь, покрывающая непосредственно покойников, была сделана из белого суглинка. Следующая над ней насыпь состояла из красной глины. На вершине этой насыпи было найдено огнище. Верхняя насыпь, состоящая из сероватого суглинка, имела на вершине углубление, в котором было обнаружено третье по счету огнище. Вокруг огнища были разбросаны кости домашних животных: телят, свиней, кур и осколки битой посуды из глины. На вершине этого кургана, с северной стороны, имелись два отверстия диаметром в 8 сантиметров, уходившие в глубину на 4 метра. Внутри отверстия найдены остатки сгнившего дерева *. Какой вид имело и для чего предназначалось деревянное сооружение, остатки которого обнаружены в кургане, сказать пока невозможно.

Курганы с деревянными сооружениями на вершинах обнаружены и в других местах Белоруссии. Так, в нескольких курганах в урочище Горки, в Припятском Полесье и в курганах Сейского могильника были найдены остатки деревянных столбов, а также пепел, железные и глиняные предметы **.

О том, что эти деревянные сооружения создавались одновременно с курганами и имели культовое назначение, свидетельствуют письменные источники. Так, арабский ученый Ибн-Фалден говорит, что каждый из руссов во время прибытия судов к месту остановки на реке Итиле, выйдя из корабля, прежде всего подходил к деревянному столбу, имеющему лицо, похожее на человеческое, и в честь благополучного прибытия приносил ему благодарственную жертву. Далее Ибн-Фалден говорит, что он видел холм, воздвигнутый руссами в память покойника, на котором стояли столбы с надписями имен покойников.

Кроме подобного вида погребальных сооружений, найдены курганы с каменными и деревянными сооружениями внутри и снаружи. В одном из курганов Моховского могильника в Припятском Полесье обнаружены остатки деревянной гробницы размером 2 $\times$ 1,5 метра. По углам этой гробницы были найдены фрагменты деревянных столбов в виде круглых пятен, с заметными остатками сгнившей древесины.

На берегах рек Бобра и Березины встречались довольно часто могилы со

---

* Сербаў. Археалагічныя раскопкі ў акрэсасцях Мінска, Гісторыка-археалагічны зборнік, Мінск, 1927 г.

** Чтения в историческом обществе Нестора летописца, кн. 6, Киев, 1892 г.

сводами, сделанными из камня, а также курганы, обложенные снаружи камнем, с остатками покойников внутри. Более сложное надгробное сооружение, сделанное из каменных плит, было найдено в деревне Зыково (б. Минской губернии). Из этого перечисления наиболее характерных погребальных сооружений славян следует, что по своему виду они довольно разнообразны и были распространены по всей территории Белоруссии.

В древности гробницы строились многими народами в разных частях земного шара, как, например, пирамиды в Египте, дольмены на Британских островах, гробницы и мавзолеи в Греции и Риме. Для славянина-язычника, как и для названных народов древности, веровавших в загробную жизнь, возведение погребальных сооружений имело такое же значение (если не большее), как и возведение жилых строений. Этим объясняется сложность конструкций культовых построек, торжественность погребального ритуала, а также богатство и разнообразие предметов домашнего обихода, вооружения, обнаруживаемых в этих сооружениях, назначение которых было служить в загробном мире покойнику так, как они служили ему при жизни.

Процесс становления архитектуры на территории Белоруссии продолжался в течение тысячелетий. Основой этого процесса было развитие материальной основы общества. Архитектура развивалась параллельно с ремесленной деятельностью человека, постепенным совершенствованием ремесел: гончарного, ткацкого, ювелирного, обработки дерева, железа, камня. Создавая орудия труда, первобытный человек стремился делать их не только удобными для работы, но и красивыми. Он украшал их орнаментом, создавал скульптурные изображения людей, животных, изображал их на орудиях труда и оружии. Подобный же процесс, надо думать, происходил и в строительстве. Свою хижину человек украшал орнаментом, придавал ее наружному виду излюбленную форму.

Архитектура первобытно-общинного строя развивалась в условиях бесклассового общества, когда еще не было деления на эксплуататоров и эксплуатируемых, на бедных и богатых. Этим она отличается от архитектуры последующих общественных формаций: феодальной и капиталистической. Правда, в период разложения патриархального рода появляется общественное неравенство, возникает деление общества на господ и угнетенных, что не могло не отразиться на архитектуре. Однако пока у нас нет еще необходимого фактического материала, по которому можно было бы дать полный анализ развития архитектуры первобытно-общинного строя.

Глава II

Архитектура западных областей Руси IX—XIII вв.

Объединение восточнославянских племен в единое Киевское государство оказало исключительно благотворное влияние на развитие экономики и культуры русской земли.

Русская культура уже в период Киевского государства достигла высокого расцвета. К этому времени относится распространение на Руси письменности, появление древнерусской литературы, живописи, архитектуры, широкое развитие ремесла и других видов художественной деятельности. Культура русского народа в тот начальный период стояла на уровне передовой культуры Европы. За короткий промежуток времени в русских городах были созданы первоклассные архитектурные памятники, ставшие известными не только внутри страны, но и за границей. Киевская Русь превратилась в политически сильное и экономически развитое государство.

Особенно большое значение для развития древнерусской, и в том числе западнорусской культуры, имел Киев — мать городов русских. В период Киевской Руси Киев был ведущим культурным центром страны. У киевских мастеров западнорусские мастера учились строить храмы и дворцы, писать иконы, создавать ювелирные изделия.

Русский народ, занимавший обширную территорию от Мурома до Гродно, от устья Днепра до Невы, создавал единую культуру: литературу, живопись и архитектуру, говорил на едином языке. Это положение относится не только к периоду Киевского государства, но и к периоду феодальной раздробленности. Несмотря на раздробленность русской земли в XII—XIII вв. на отдельные феодальные княжества, культурное единство русского народа не было уничтожено. Как и в предыдущий период, русский народ сплоченно работал над созданием своей культуры, творил песни, живописные и литературные произведения, воспевающие единство русского народа, героев-патриотов, защищавших русскую землю от иноземных захватчиков. Наиболее полно выражает идею единства Русской земли гениальное произведение древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве». В этом гимне единству русского народа отображены чаяния русских людей того времени — жить и работать в единой семье, общими силами давать отпор захватчикам, вместе делить радости и горе.

Архитектура Киевского государства

представляет собой новый этап развития зодчества восточнославянских племен. В первобытно-общинном строе в условиях разрозненных друг от друга родовых и племенных объединений архитектура в каждой такой общине развивалась изолированно. Опыт одной общины в деле строительства не всегда становится достоянием другой. После же объединения восточнославянских племен в одно государство становится возможным более широкий обмен опытом. В связи с общим развитием экономики, увеличением продуктивности сельского хозяйства, ростом ремесла и торговли, возникновением и ростом городов появляется потребность строительства зданий для жилья, ремесленной деятельности, торговли, а также помещений для хранения продуктов и изделий ремесла.

Если в условиях бесклассового общества строительство было направлено на удовлетворение запросов всего населения общины, то при феодализме оно в значительной части служило интересам господствующего класса. Появление новой социальной прослойки — класса феодалов вызвало необходимость сооружения феодальных усадеб как в сельских местностях, так и в городах. Выделение из общей массы городских ремесленников и торговцев господствующей верхушки повлияло на общий характер городского строительства, значительное место в котором заняло возведение домов и усадеб богатых горожан.

Обострение социальных противоречий, изменение характера войн, совершенствование военной техники также не могли не отразиться и на крепостном строительстве. В связи с обострением классовых противоречий крепости начали строить не только для защиты от нападения враждебных племен, но и для защиты феодалов от угнетаемого ими трудового народа; увеличился размер крепостных сооружений, усложнилась техника их строительства.

Значительное влияние на архитектурное строительство оказало принятие христианства. Появляются новые типы архитектурных сооружений (церкви и монастыри), получившие в последующие столетия широкое распространение в городах и селах западных областей Руси. В строительстве начали более широко применяться камень и кирпич; возникают архитектурные сооружения, украшенные живописью.

Возникновение новых видов построек вызвало к жизни увеличение строительных специальностей, содействовало усовершенствованию строительного дела. Б. А. Рыбаков приводит список профессий, существовавших в крупных городах домонгольской Руси. В этом списке из ремесленных специальностей архитектурно-строительного профиля упоминаются плотники, огородники (строители городских стен), мостники, столяры, каменщики, кирпичники, плиточники и др. *. Одновременно показаны инструменты для обработки дерева: тесло столярное, рубанок, пила (для кости и малых поделок. — М. К.), долота различных видов, резцы, секиры, топоры и сверла. Разнообразны были также инструменты и по обработке камня.

Постройки и предметы домашнего обихода были преимущественно деревянными. Из дерева строились жилье, хозяйственные постройки, церкви, дворцы, крепостные стены, настилались мостовые, делались лодки, мосты, колеса и т. д. При таких условиях обработкой дерева занималось все население деревень, так как все необходимые вещи для своего хозяйства, за исключением наиболее сложных (например, колеса), делал сам хозяин. В отличие от деревни, в городах обработкой дерева занимались не только сами хозяева, но и ремесленники, выполнявшие заказы горожан по возведению зданий или работавшие на рынок. Однако, несмотря на столь широкое развитие ремесла по обработке дерева, до нас, к сожалению, мало дошло деревянных изделий того времени, что сужает возможности их исследования. Это, как правило, полусгнившие части бревен, досок, плах, открытые на городищах Минска и Гродно. Например, во время раскопок на Минском замчище (1945—1951 гг.) было обнаружено много вытесанных топором досок, плах из расколотых на две части бревен, а также целые бревна от жилых и хозяйственных построек.

Строительная техника была простая.

* Б. А. Рыбаков. Статья «Ремесло», История культуры древней Руси, Москва, 1948 г., стр. 166.

Почти все работы при постройке зданий, обработка бревен, изготовление плах и досок производились топором. Углы зданий рубились в «обло»: для более плотной

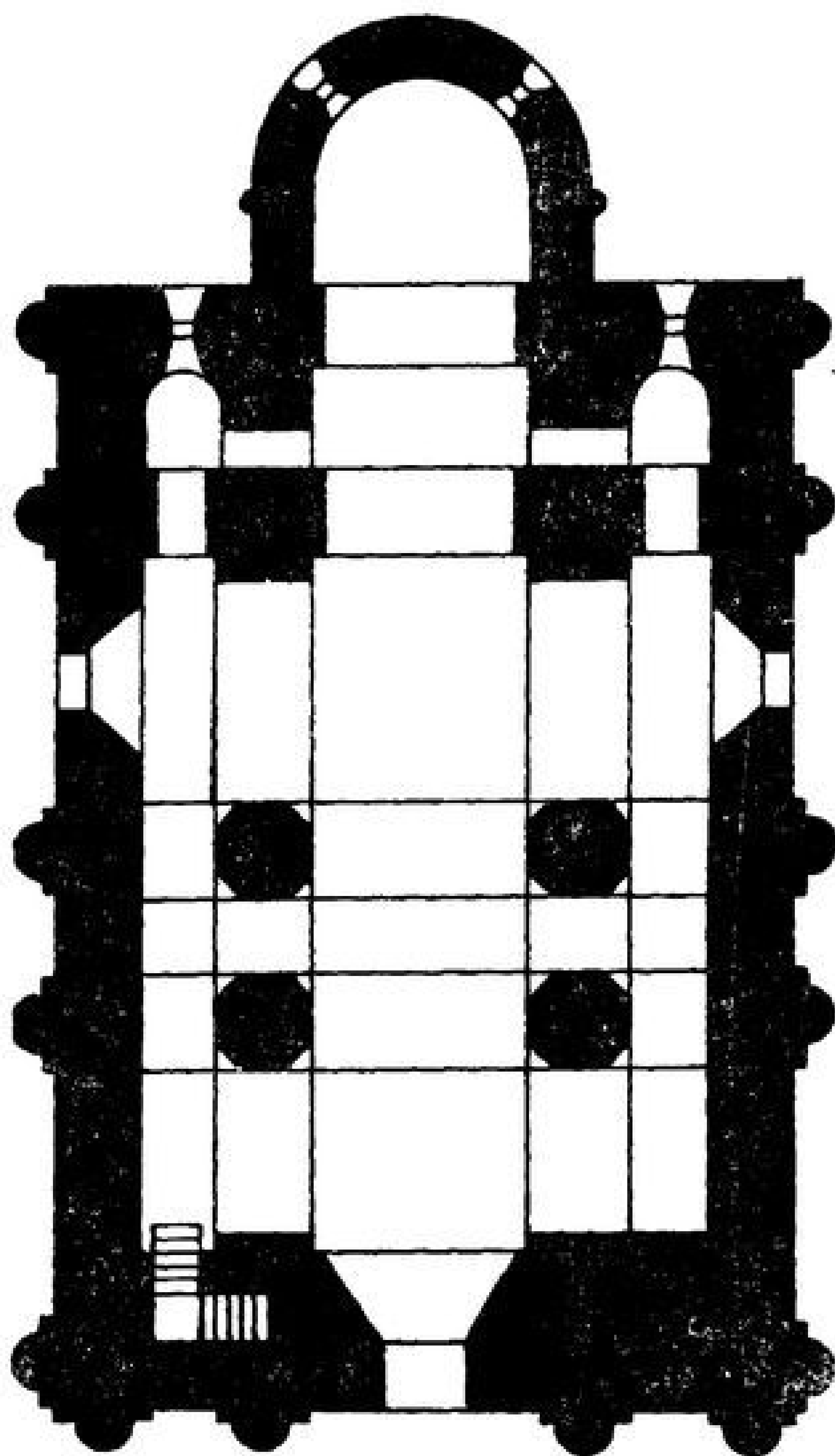

Рис. 4. План Спасо-Евфросиньевской церкви XII в. в Полоцке. Архитектор Иван.

пригонки бревен друг к другу во всю длину каждого бревна делались пазы. Здания возводились обычно без фундаментов, прямо на земле. Подобный способ рубки зданий, сложившийся, по всей вероятности, еще в период первобытно-общинного строя, применялся и в XIX в. Это говорит об исключительной устойчивости главнейших приемов деревянного строительства.

Значительный интерес для изучения строительного дела представляют мостовые. Так, на Минском городище во время археологических раскопок было обнаружено несколько слоев мостовых, расположенных друг над другом. Произошло это по следующей причине: по мере того, как действующая мостовая изнашивалась, покрывалась слоем отбросов, над ней создавалась другая, которая, в свою очередь, через некоторое время заменялась новой мостовой. Делались мостовые из бревен, чаще отесанных, или кругляков, которые клались непосредственно на почву или на лаги, скрепленные с настилом шипами. Иногда же мостовые делались из широких плах, слегка отесанных топором. Из известных нам древесных пород наиболее часто применялась сосна. Мостовые эти интересны не только с точки зрения изучения строительной техники того времени, но они дают нам некоторые сведения о планировке городов и о застройке их улиц. Они свидетельствуют о сравнительно высоком уровне благоустройства древнерусских городов.

В области каменного строительства наблюдается появление новых строительных материалов и совершенствование их производства. Основными материалами каменного строительства в это время были естественный камень и кирпич. Причем камень употреблялся как в обработанном, так и в необработанном виде. Обработка камня могла быть элементарной, состоящей в дроблении больших валунов на малые для строительства стен и фундаментов (церковь на Минском замчище XII в.). Более сложная обработка заключалась в создании при помощи обтесывания камня прямоугольных блоков. Такие каменные блоки были применены при строительстве Благовещенской церкви в Витебске и в облицовке внутренних стен церкви на Минском городище. Интересный способ обработки камня существовал в Гродно. Коложская церковь и церковь на Гродненском городище (XII—XIII вв.) в нижних своих частях выстроены из плитнякового кирпича и больших разноцветных валунов до метра длиной. С наружной стороны эти камни гладко отшлифованы. Этот факт свидетельствует о том, что разно-

цветные валуны употреблялись не только как строительный материал, но и для декоративных целей.

Широко было развито производство плитнякового кирпича. Из кирпича с некоторым добавлением камня были выстроены такие постройки, как храм Софии, Спасо-Евфросиньевская, Борисоглебская и Пятницкая церкви в Полоцке. Связующим веществом во всех случаях был известковый раствор с некоторым добавлением примесей.

Наибольшее развитие в это время получили такие города, как Полоцк, Витебск, Гродно, Туров, Пинск, Брест, Минск. Все они расположены на крупных реках, связывающих западнорусские города с соседними странами: Византией, Скандинавией, Польшей, а также с соседними городами русской земли: Киевом, Черниговом, Смоленском, Новгородом и др. Наряду с этим начинают развиваться такие города, как Усвят, упомянутый впервые в русских летописях в 1021 г., Орша — в 1067 г., Друцк — в 1092 г., Лукомль — в 1078 г. и др.

Обострение социальной борьбы, междуусобные войны и войны с иноземными захватчиками вызвали необходимость укрепления городов и феодальных поместий. Происходит интенсивная работа по созданию городских крепостей, перестраиваются и расширяются старые укрепления. Расширение границ городов за счет появления торгово-ремесленных посадов влечет за собой и расширение сети городских укреплений. Вблизи старого детинца возникают укрепления посадов. Планы городов усложняются.

Об этом красноречиво свидетельствуют планы многих городищ, сформировавшихся в этот период. Так, например, план городища Друцка делится на два укрепленных района. Показательно в этом отношении городище Турова. Состоит оно из двух частей. Наиболее древняя часть городища имеет треугольную форму и расположена на мысу. С напольной стороны к нему примыкает второе городище овальной формы, возникшее, как это можно судить по археологическим находкам, в более позднее время. Внутри этих укреплений строились жилые и хозяйственные постройки для жителей города, княжеские терема и храмы. Характер застройки городов того времени более полно мы можем проследить на примере города Гродно.

Городище Гродно расположено на высоком холме при впадении Городнянки в Неман. С трех сторон оно окружено реками, а с четвертой — глубоким рвом. Внутри городища сохранились руины храма, выстроенного из плитнякового кирпича, остатки деревянных зданий в виде бревен, плах, столбов и досок, а также руины неизвестного здания. Профессор Н. Н. Воронин, производивший раскопки в Гродно, предполагает, что эти руины являются фрагментом одной из крепостных башен Гродно, что вполне возможно, так как уже в то время город был укреплен мощными стенами и башнями.

В Минске городище расположено при впадении реки Немиги в Свислочь, на невысоком холме. Со стороны Свислочи холм этот имеет обрывистый спуск, а со стороны города — пологий. Минское городище расположено в центре современного города. Поэтому на нем в течение нескольких столетий происходило интенсивное строительство, в результате чего городище постепенно потеряло первоначальный свой облик.

В XI—XIII вв. Минск играл довольно видную роль в политической жизни страны: он был крупным ремесленным, культурным и торговым центром западных областей Руси. Материалы раскопок дают право утверждать, что в городе уже в то время было широко развито кузнечное, каменотесное, гончарное и другие виды ремесел, что горожане вели оживленную торговлю с соседними странами. Вся территория города была застроена усадьбами, а главные улицы и площади, как было указано выше, вымощены деревянными плахами и бревнами.

Укрепления городов были преимущественно деревянными и состояли из рубленых заборов или тынов, вкопанных в землю. Вместе с тем в отдельных городах создавались крепостные постройки из камня. Первым из известных нам каменных сооружений крепостного зодчества западных областей Руси является башня Каменецкой крепости.

Как повествует об этом Густинская летопись 1288 г., крепость Каменец была выстроена Владимиром Васильевичем, княжившим во Владимире-Волынском в 1271—1289 гг.: «И за Берестье сруби город на пустом месте, нарицаемом Лесна и нарече ему имя Каменец... създа в нем столп камен высотою 17 сажней. Подобен удивлению всем зрящим на нь» *. Таким образом, крепость была сооружена из дерева, а столп — из кирпича на небольшом холме вблизи обрывистого берега реки Лесны. В конструктивном отношении это чисто крепостное сооружение. Его мощные, большой толщины стены были прорезаны в четыре яруса окнами-бойницами. Размеры окон разные, и расположены они в шахматном порядке: в первом ярусе окна помещались под окнами третьего яруса, во втором — под окнами четвертого. Стены башни в настоящее время лишены какихлибо декоративных украшений, за исключением верхней части, где имеется пояс, охватывающий сооружение со всех сторон. Башня завершена зубцами. Внутри она имела несколько этажей, соединенных деревянной лестницей. Со стен башни в ясную погоду открывался вид на 10—15 километров. Поэтому она могла служить сторожевым пунктом или наблюдательной вышкой. Вместе с тем башня выполняла роль укрепленной цитадели. Подобные башни существовали и в других городах. Так, в Ипатьевской летописи за 1277 г. говорится о походе южнорусских князей на Гродно, около крепостных стен которого стоял «столп бо бе камень стоя, перед воротами города и бяху в нем заперлися прузи (прусы. — М. К.) и не бысть им мимо он пойти к городу». В Бресте, по словам летописца, столп был каменный и «высотою яко и Каменецкий», а также в Турове, разрушенный в 30-х годах XIX в. **.

Большое значение в это время придавалось культовому зодчеству. В населенных пунктах русской земли были выстроены десятки монастырей и церквей. Наиболее известными из них являются: Черниговский собор, храмы Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке, Елецкий монастырь, Коложская церковь в Гродно, Успенский собор во Владимире, Борисоглебский монастырь и Спасо-Евфросиньевская церковь в Полоцке и многие другие.

Высокая строительная техника, умение создавать прочные и устойчивые, сложные по композиции сооружения являются отличительной чертой русской архитектуры того времени. Она в особенности поражает своей красотой и монументальностью, высокохудожественной живописью (храм Софии в Киеве, церковь Нередица в Новгороде), богатством декоративных мотивов (церковь на Нерли, Коложская церковь в Гродно и др.).

Величайшим архитектурным сооружением древней Руси является храм Софии в Киеве, выстроенный Ярославом Мудрым в первой половине XI в. Кроме этого, Ярославом были выстроены в Киеве Ирининская и Георгиевская церкви, Золотые ворота и ряд других сооружений. Уже во второй половине XI в. храм Софии был обстроен галереей. Впоследствии он неоднократно горел, перестраивался и ремонтировался. Последнее крупное строительство в храме было произведено в XVII в. В это время наружный вид его приобрел барочный оттенок.

План храма квадратный и разделен внутри столбами на отдельные пространственные ячейки, сгруппированные вокруг среднего объема. Все внутренние стены храма расписаны высокохудожественной фресковой и мозаичной живописью. Снаружи он имеет вид сложного по композиции монументального сооружения, увенчанного системой больших и малых куполов.

Храм Софии в Киеве оказал большое влияние на архитектуру древней Руси. По его образцу были выстроены храмы Софии в Полоцке и Новгороде. Многие строительные приемы, характер украшения внутренних стен живописью, планировка и конструкция стен и сводов, примененные в Киевской Софии, были заимствованы архитекторами городов древней Руси.

---

* П. С. Р. Л., т. II. Изд. 2-е, СПБ., 1908 г. стлб. 925.

**. Ф. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии, Труды IX археологического съезда в Вильно в 1893 г., Москва, 1895 г.

У нас нет никаких данных, чтобы судить о характере культовой архитектуры западнорусских областей IX—X вв. Однако это не значит, что она не существовала вовсе. Отдельные ученые, как, например, Голубинский и Несецкий, в своих исследованиях приводят данные о том, что в ряде западнорусских городов, до появления каменного храма Софии в Полоцке, существовала христианская церковная архитектура и что деревянный храм Софии в Полоцке был заложен Киевским князем Владимиром или его сыном Изяславом*.

Первой из числа известных культовых построек западных областей Руси является храм Софии в Полоцке. К сожалению, в настоящее время от него сохранились только отдельные части фундамента, фрагменты столбов, склеп и три абсиды. Но и эти фрагменты ярко свидетельствуют о большом размере и величественном виде памятника. Строгая и в то же время изящная обработка абсидных стен в виде пилястр и ниш слоистого профиля придает формам стен легкость, устремленность вверх. Каждая абсида в отдельности представляет собой целостное, пластически законченное произведение.

Храм Софии расположен на высоком берегу Западной Двины, в центре древнего Полоцка, где находился кремль — средоточие политической и культурной жизни Полоцкого княжества. Выстроен храм из плитнякового кирпича и камня, связанного толстым слоем известкового раствора. В плане сооружение представляет квадрат, разделенный внутри столбами на пять нефов. Стены внутри были расписаны фресковой живописью, отдельные фрагменты которой сохранились до настоящего времени.

Если план храма Софии нам хорошо известен, то его первоначальный вид, конструкции стен и их завершения мы знаем мало. Некоторые сведения о внешнем виде этого храма мы можем почерпнуть из литературных источников. Так, в Воскресенской летописи за 1506 г. сказано, что храм Софии в Полоцке был создан из камня и имел семь глав. В дополнение к летописным сведениям имеются два изображения храма Софии. Одно из них сделано Пахоловичем во время осады г. Полоцка польским королем Стефаном Баторием в 1579 г. На рисунке храм имеет высокий корпус, увенчанный большим барабаном. Последний напоминает скорее надстройку в виде второго яруса над основным корпусом. Были ли другие главы, на миниатюрном рисунке различить невозможно. На этом рисунке храм окружен четырехугольной крепостной стеной с башнями. Его размеры значительно больше окружающих построек, благодаря чему он господствует над всеми строениями Полоцка.

Наибольшее количество памятников церковной архитектуры западных областей Руси падает на XII в. От этого столетия сохранились Благовещенская церковь в Витебске, Спасо-Евфросиньевская — в Полоцке, Коложская — в Гродно, а также развалины храмов на замковых горах Гродно и Минска.

По своей конструкции, планировке, способу организации внутреннего пространства, а также наружному виду храмы западнорусской архитектуры однотипны с храмами других русских городов, например Киева, Новгорода и Владимира. Все они имеют прямоугольные планы с одной или тремя абсидами с востока и притвором с запада. Внутренние столбы, делившие храмы на три нефа, служили опорой для сводов и глав. Кровли храмов всегда были волнистыми и завершались барабанами с главой. Храмы эти имели центрическую композицию, компактный объем, крепкие, толстые стены с небольшим числом очень узких оконных проемов-щелок.

Большинство памятников культовой архитектуры западных областей Руси имеет удлиненные планы, разделено внутри шестью столбами и заканчивается с востока одной или тремя абсидами. В памятниках западнорусской архитектуры средние нефы по сравнению с боковыми значительно шире, чем в памятниках архитектуры других русских городов. Эта особенность оказала влияние на организацию внутреннего пространства, преобладающее значение в котором получил средний неф, а бо-

* Н. Кайгородов. Полоцк и его церковно-исторические древности, «Светильник», № 2, 1914 г.

ковые в ряде случаев превратились в узкие проходы. Храмы западнорусской архитектуры характеризуются разнообразием плановых решений и богатством конструктивных приемов. Например, все нефы Благовещенской церкви разделены на

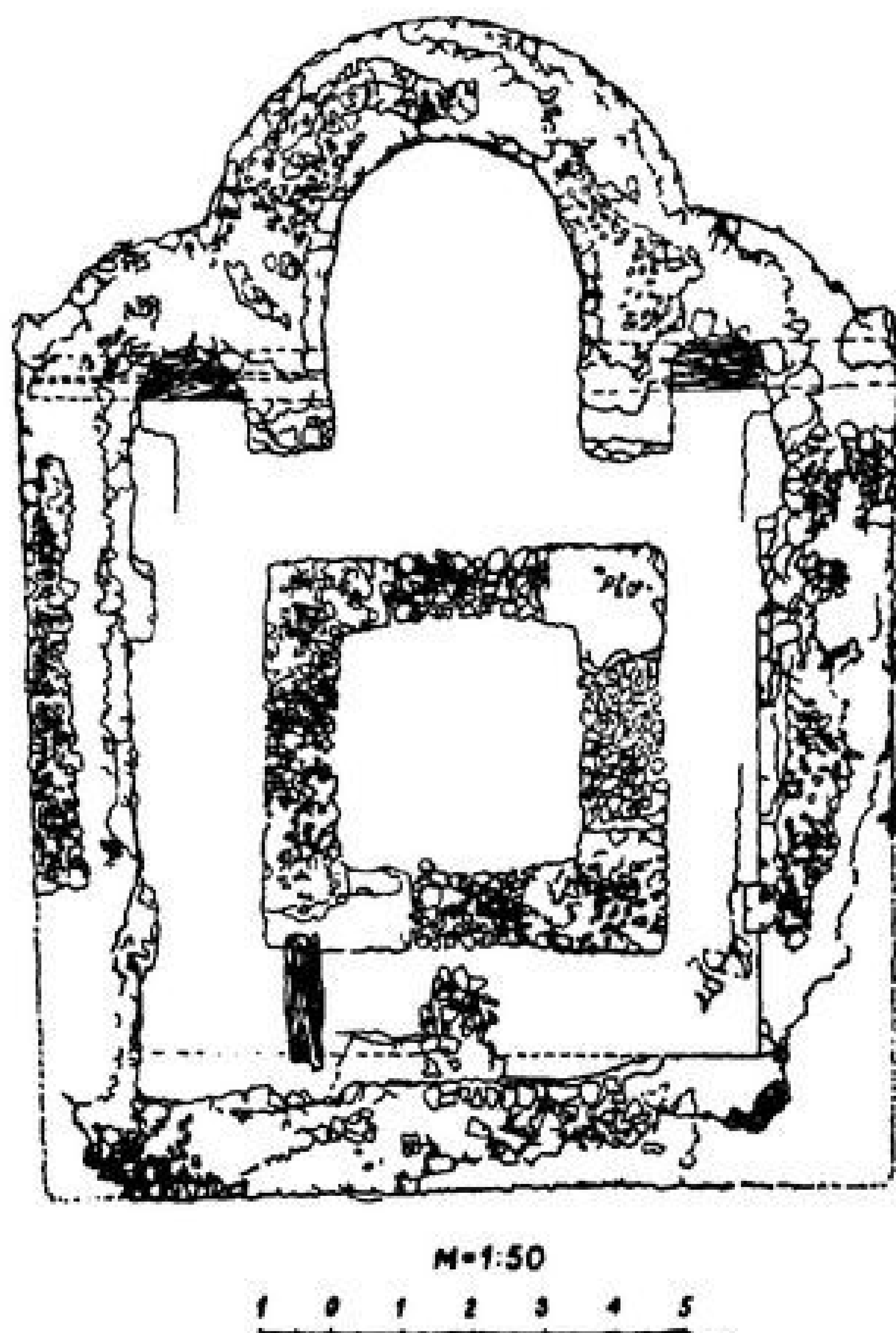

Рис. 5. План церкви XII в. Минск.

отрезки одинаковой величины, в то время как в Спасо-Евфросиньевской подкупольное деление в несколько раз длиннее западных и восточных делений нефов. Массивы толстых стен и столбов Спасо-Евфросиньевской церкви «сдавливают» внутренний объем храма, в Коложской же церкви сравнительно тонкие стены и столбы подчинены задаче создания просторного внутреннего объема храма.

Наиболее древней после храма Софии является церковь на Минском городище. Располагалась она в центре древнего Минска и была окружена со всех сторон деревянными жилыми и хозяйственными строениями. Внутри церкви и вблизи нее были найдены различные предметы домашнего обихода и украшений, а также мостовая из плах и бревен, относящиеся к XII—XIII вв. Все это говорит об интенсивности хозяйственной и культурной жизни Минска того времени, а также о густоте его застройки. Эти находки вполне согласуются с летописными источниками, в которых о Минске говорится, как об одном из значительных политических и экономических центров западных областей Руси.

От церкви сохранились только нижние части стен высотою (вместе с фундаментом) около 2,5 метра. Поэтому мы не знаем, где был вход в церковь и какое обрамление он имел, какой характер носили покрытия и завершения церкви. Неизвестно также, какую профилировку имели опорные столбы и как они сопрягались со сводами. На территории церкви не обнаружено каких-либо обломков верхних частей стен, сводов и главы. Это обстоятельство наводило на мысль, что церковь вследствие какого-то несчастного случая не была достроена.

Церковь в Минске квадратная в плане, с четырьмя внутренними опорными столбами, заканчивающаяся тремя полукруглыми абсидами с востока. С архитектурой Витебска и Полоцка XII в. ее связывает значительная уширенность среднего нефа по сравнению с боковыми. По этой причине ее средняя абсида заняла доминирующее место среди боковых; последние же, вследствие небольших размеров, потеряли свои полукруглые очертания и превратились в полусегменты главной абсиды. Таким образом, алтарная часть церкви в Минске занимала промежуточное место между трехабсидными и одноабсидными церквами, что также сближало ее с одноабсидными церквами Полоцка и Витебска.

Выдающимся сооружением западнорусской архитектуры является также и Спасо-Евфросиньевская церковь XII в. в Полоцке, выстроенная по велению Полоцкой княжны Евфросиньи. Деятельность Евфросиньи имела большое значение для развития культуры Полоцкого княжества. Во-

круг нее группировались передовые люди, она активно содействовала развитию письменности, архитектуры, ювелирного дела и живописи. По ее заказу был создан талантливым мастером-ювелиром Лазарем Богшей знаменитый крест Евфросиньи, украшенный драгоценными камнями, с изображениями святых; крест является шедевром ювелирного искусства того времени. Видимо, по ее повелению были произведены и росписи внутренних стен Спасо-Евфросиньевской церкви. Сама же Евфросинья со своими приближенными занималась перепиской книг и распространяла их среди грамотной части населения.

Спасо-Евфросиньевская церковь, выстроенная архитектором Иваном в XII в., имеет вид продолговатого в плане здания, завершенного барабаном с главой. Она почти не выделяется из общего числа церквей того времени. Вместе с тем ей присущ ряд черт, свидетельствующих о появлении новых веяний в архитектуре. Одной из отличительных особенностей Спасо-Евфросиньевской церкви является ярусность, которая образована при помощи постепенного нарастания архитектурных объемов от краев здания к центру *. Первую ступень этой композиции образуют абсиды с востока и притвор с запада, вторую — основной объем храма, третью — четырехугольный постамент барабана и четвертую — барабан с главой. Пирамидальность этой церкви в особенности ощутима при сравнении ее наружного вида с храмами XI в. (Черниговский собор) и храмами XII в. (Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде).

Ярусность композиции Спасо-Евфросиньевской церкви повлияла определенным образом на план и организацию внутреннего пространства. Поскольку в наружной композиции доминирующее значение получил барабан с главой, подкупольным делением занято преобладающее место во внутреннем пространстве храма. Это же определило и размеры среднего нефа, ширина которого в три с лишним раза больше боковых.

Ярусность наружного вида, хотя и редко, однако же встречается и в других

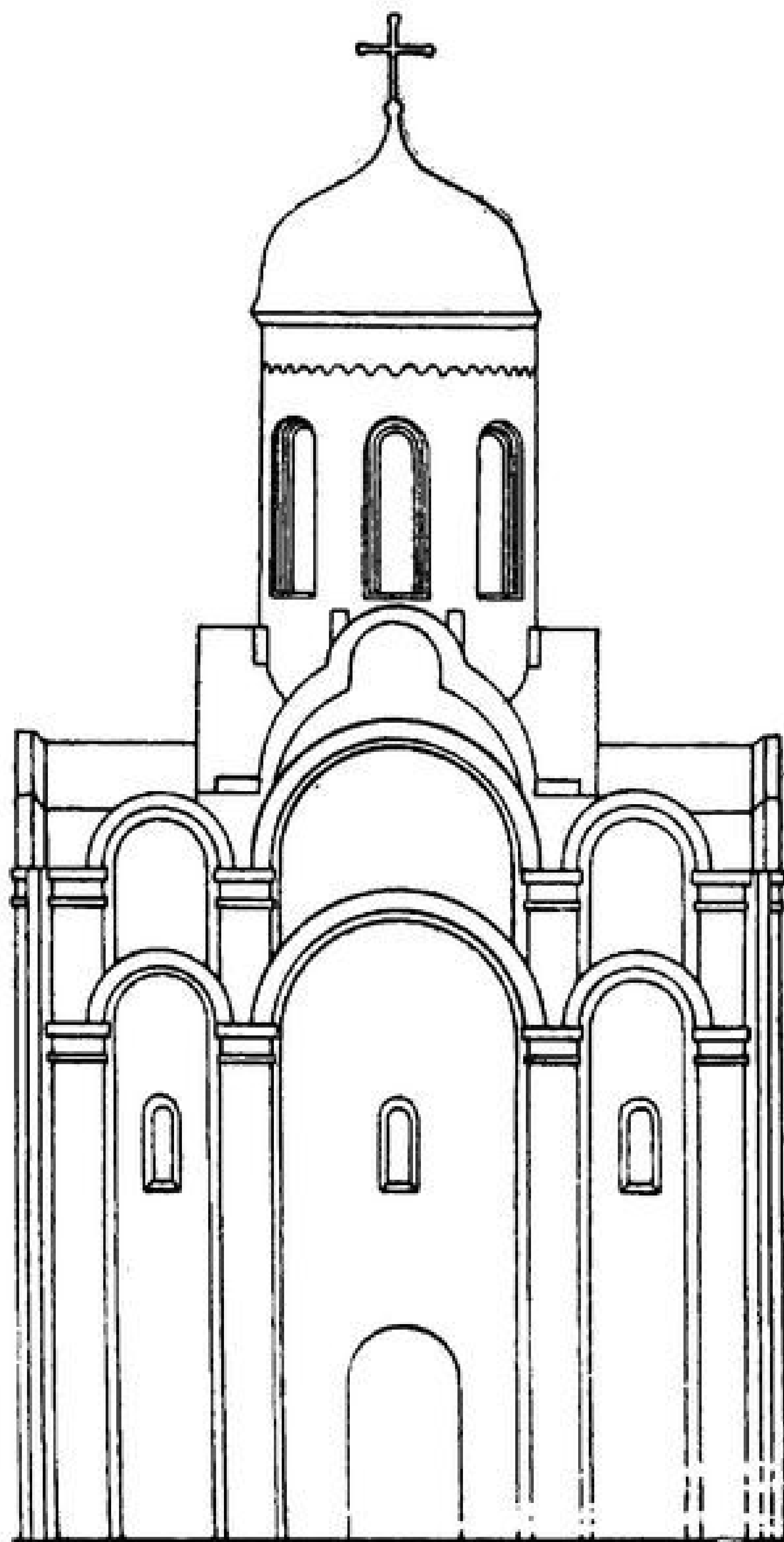

Рис. 6. Спасо-Евфросиньевская церковь XII в. в Полоцке. Архитектор Иван. Реконструкция.

храмах того времени. Так, ученым П. Барановским во время обмера собора Пятницкого монастыря в Чернигове, произведенного им в 1943—1944 гг., обнаружено, что снаружи он имел ярусный вид, образованный теми же приемами постепенного нарастания архитектурных масс от перифе-

* На эту особенность впервые указал Н. И. Брунов в своей брошюре «Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 г.», Москва, 1926 г.

рии к центру. Возникновение этой конструкции П. Барановский связывает с влиянием деревянного зодчества на каменное *.

Спасо-Евфросиньевская церковь оказала влияние на русскую архитектуру после-

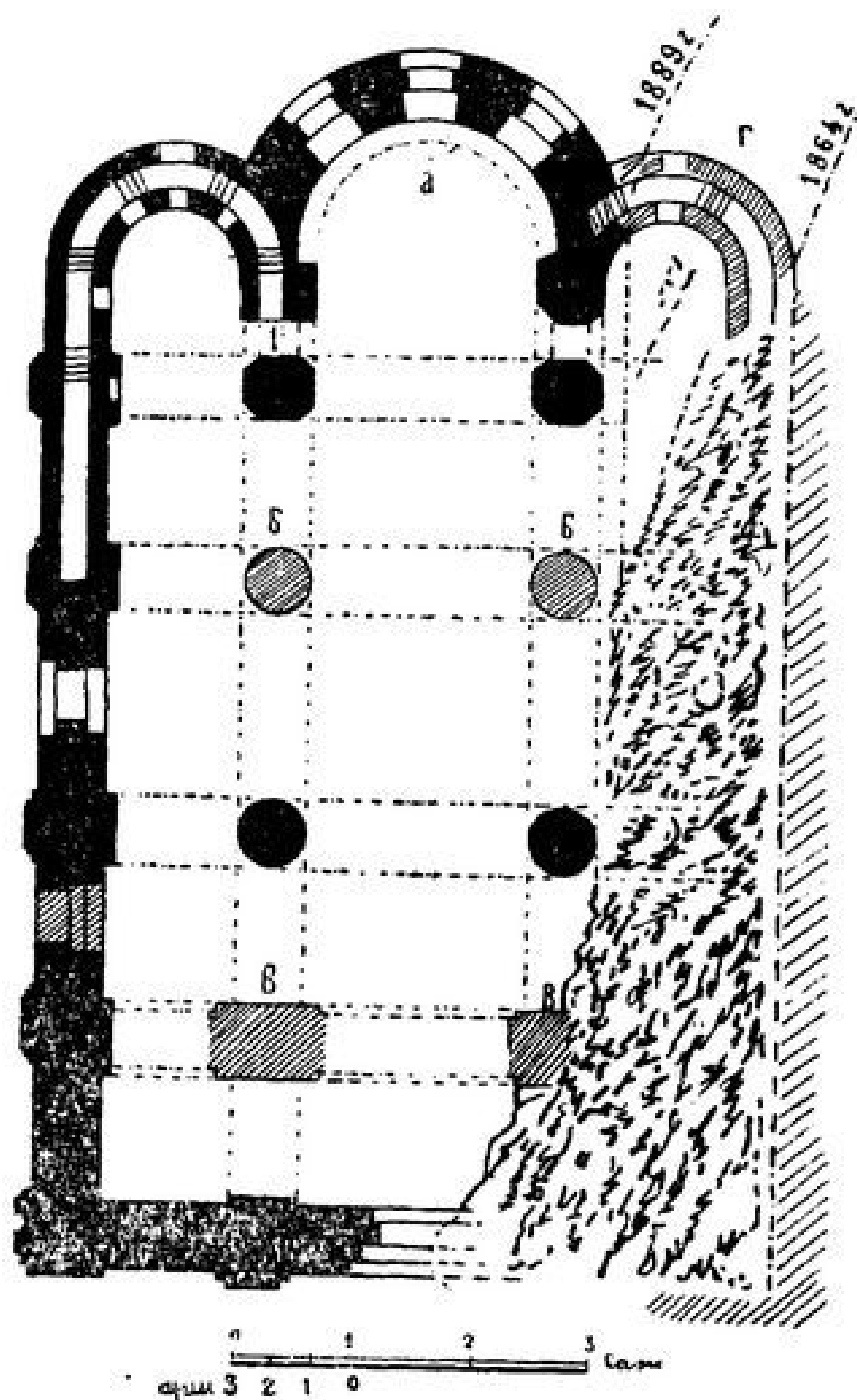

Рис. 7. План Коложской церкви XII в. в Гродно.

дующих столетий. «Этим приемом, разработанным несколько позже архитектором Пятницкой церкви в Чернигове, было положено начало сооружению над зданием нескольких ярусов кокошников — декоративному приему, получившему широкое распространение в русской архитектуре XV—XVI вв.» *.

Чем объясняется появление подобного композиционного решения в Спасо-Евфросиньевской церкви? Предполагать, что оно могло быть заимствовано из архитектуры соседних стран, у нас нет оснований, так как подобных решений в архитектуре других стран не встречается. Наиболее вероятным источником архитектуры этой церкви, как и собора Пятницкого монастыря в Чернигове, является народное деревянное зодчество восточнославянских племен. Однако при крайне ограниченном знании деревянной архитектуры IX—XIII вв. мы не можем указать на конкретные примеры близости Спасо-Евфросиньевской церкви к деревянным сооружениям того времени. Нельзя также не отметить некоторые общие черты, свойственные Спасо-Евфросиньевской церкви, с одной стороны, и деревянной архитектуре западных областей Руси — с другой.

Как можно заключить на основе материалов археологических раскопок и памятников архитектуры, изображенных в книгах и на иконах, наиболее распространенным видом деревянного архитектурного сооружения была клеть, состоящая из бревенчатого сруба, имеющего вид прямоугольного геометрического тела с примыкающими иногда к нему меньшими по размеру пристройками. Рассматривая наружный вид Спасо-Евфросиньевской церкви, мы видим, что ее корпус состоит из трех частей — основного объема, абсиды и притвора. В этом нельзя не видеть связи ее композиции с деревянной архитектурой. Эта же особенность сближает Спасо-Евфросиньевскую церковь и с деревянными трехчастичными храмами, широко распространенными в Белоруссии.

По вопросу возникновения построек ярусного типа (башенных церквей) русскими учеными высказано много предположений. Большинство их сходится на том, что тип подобного сооружения сложился в деревянном народном зодчестве. Вполне

* П. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР, Москва, 1948 г., стр. 13—34.

* История русской архитектуры (Краткий курс), под редакцией С. В. Бессонова, Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, Москва, 1951 г., стр. 24.

возможно, что тип ярусной постройки, сложившийся уже к тому времени в башнях, храмах и частично в архитектуре княжеских теремов, послужил впоследствии источником для формирования наружного вида Спасо-Евфросиньевской церкви. Наиболее близко к Спасо-Евфросиньевской церкви примыкает храм Бориса и Глеба, выстроенный тем же мастером Иваном в Полоцком Борисоглебском монастыре.

К рассмотренной группе храмов Полоцка непосредственно примыкает Благовещенская церковь Витебска XII в. Она также имеет удлиненный план, расчлененный шестью столбами на три нефа, и одну полукруглую абсиду. Средний неф храма в несколько раз шире боковых. Однако эта церковь несколько отличается от Спасо-Евфросиньевской. Если в последней длина подкупольного квадрата была значительно больше длины западных и восточных делений нефов, то в Благовещенской церкви все деления нефов одинаковы по длине. Базиликальность ее плана, разделенного шестью столбами на три нефа, равномерность членения нефов, а также одноабсидность свидетельствуют о том, что уже в XII в. в западнорусской архитектуре начал складываться тип прямоугольного базиликального храма, получивший широкое развитие в белорусской архитектуре XVII—XVIII вв.

Рис. 8. Голосники Коложской церкви XII в. Гродно.

Рис. 9. Стена с голосниками Коложской церкви XII в.

Несколько особое место по планировке, конструкции и наружному оформлению среди храмов западных областей Руси занимают церкви города Гродно — Борисоглебская на Коложе и Нижняя замковая.

Народное предание приписывает постройку Коложской церкви гродненским князьям Борису и Глебу, вступившим на престол после смерти их отца Всеволода в 1142 г. *. План этой церкви, так же как и рассмотренных выше, имеет вид удлиненного прямоугольника, разделенного внутри шестью столбами на три нефа. Вместе с тем между Коложской и Спасо-Евфросиньевской церквами имеется довольно существенное различие.

Архитектурные массы Спасо-Евфросиньевской церкви, вследствие большой толщины стен, столбов и тяжелых завершающих частей, имеют самодовлеющее значение. Внутреннее пространство церкви зажато среди толстых стен и разделено толстыми столбами. Размер и форма внутреннего объема всецело определяются конструкцией. Если внутреннее пространство Спасо-Евфросиньевской церкви относительно невелико и разобщено на отдельные объе-

---

* Памятная книжка Гродненской губернии на 1866 год, Гродно, 1866 г., стр. 36.

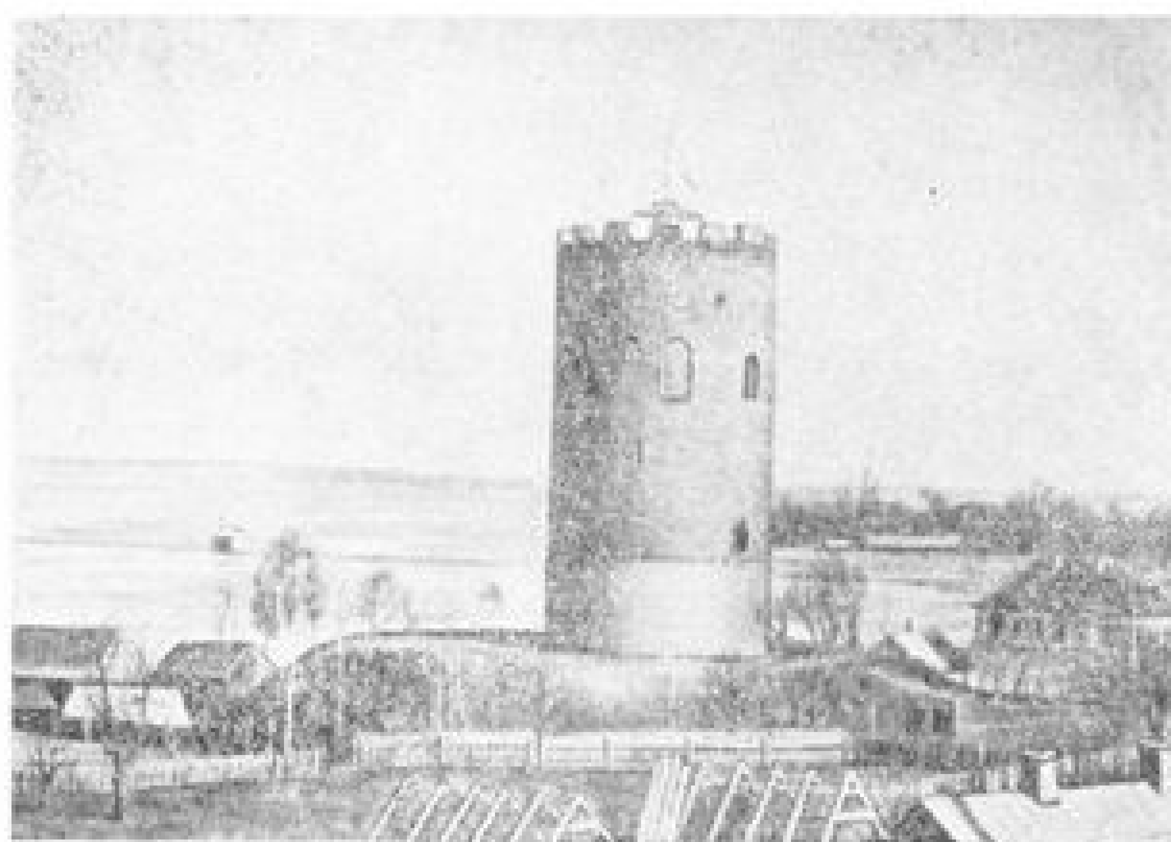

Рис. 10. Башня XIII в. в г. Каменце.

мы толстыми столбами, то в Коложской оно воспринимается как единое. Его размер значительно больший, чем в Спасо-Евфросиньевской церкви. Расширение внутреннего пространства в Коложской церкви достигнуто за счет уменьшения толщины стен и создания вместо толстых квадратных или крестообразных столбов круглых колонн. Утончение стен и замена столбов колоннами вызвали необходимость облегчить своды и верхние части стен. С этой целью зодчий вводит в конструкцию верхних частей стен и сводов керамические горшки, призванные уменьшить давление верхних частей храма на нижние. Наряду с конструктивным назначением керамические сосуды выполняли роль голосников, усиливавших и смягчавших звуки.

В толще абсидных стен помещены лестницы, связывающие чердачное помещение с храмом. На рисунке Гродно XVI в. изображена Коложская церковь с башней у юго-западного угла, напоминающая собой крепостные башни белорусских оборонных храмов XVI в. Башня не могла выполнять роль колокольни. Это видно из того, что рядом с храмом стоит звоница, смонтированная из четырех наклонно поставленных столбов. Кроме того, стены башни были глухими и, таким образом, не могли служить для помещения на ней колокола.

Декоративное украшение наружных стен храма состоит из квадратных майоликовых плит, покрытых зеленой, серой и синеватой глазурью, образующих орнаментальные фигуры ромбов и крестов. Нижняя часть храма украшена гранитными шлифованными камнями серого, красного и желтого оттенков, его стены сложены из желтого плитнякового кирпича, связанного белым слоем цементного раствора. Все это делает храм исключительно живописным и нарядным.

По архитектуре и планировке к Коложской церкви непосредственно примыкает нижняя церковь Гродненского замчища.

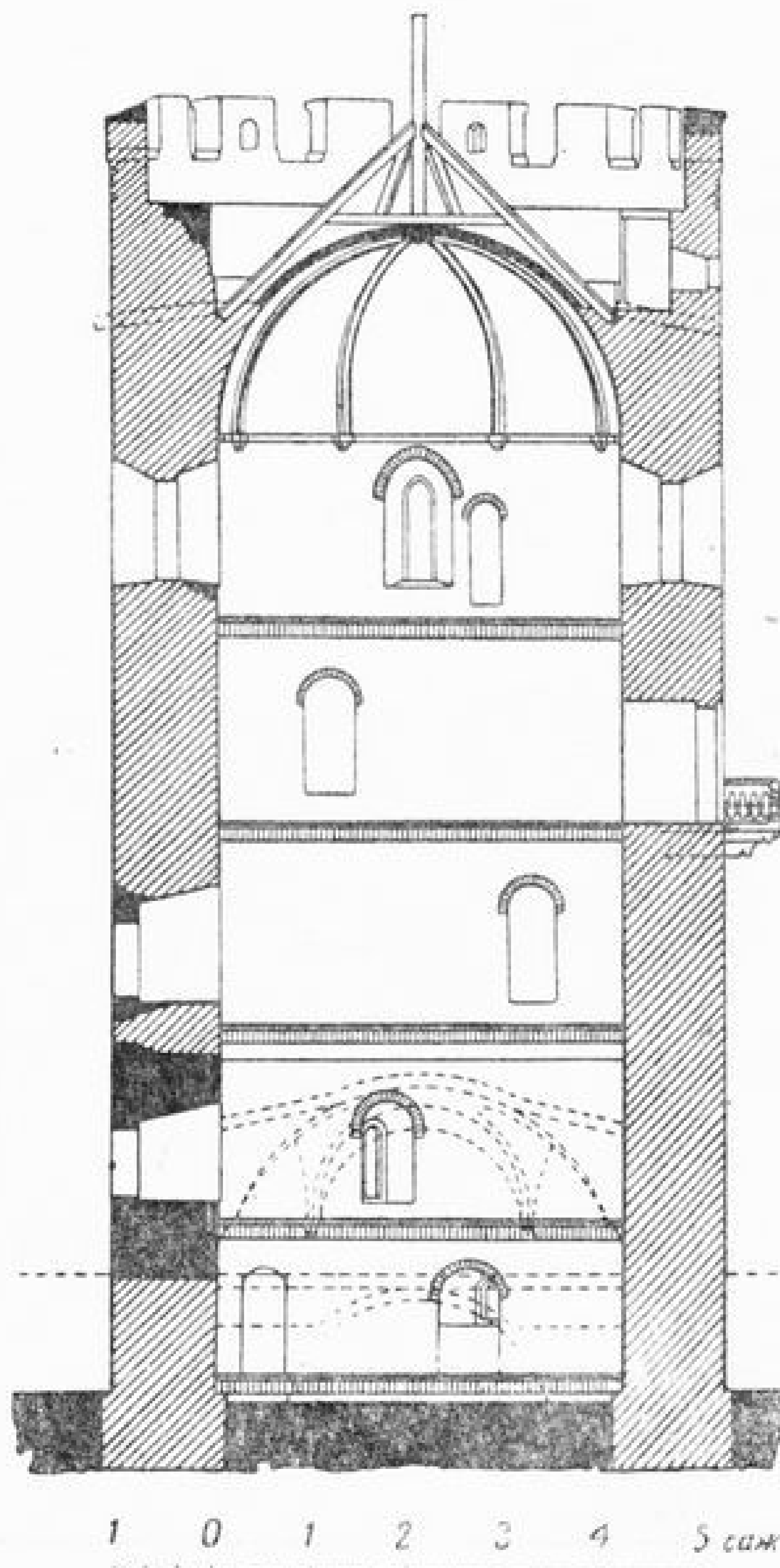

Рис. 11. Разрез башни XIII в. в г. Каменце.

Она одноабсидная, внутренние столбы и порталы входов профилированы. Храм сравнительно просторный. Его пол был выложен разноцветными керамическими плитами, образующими в центре своеобразный орнамент, состоящий из кругов и фигур в виде листьев. Наружные стены были украшены большими, до метра длиной, гладко обработанными разноцветными камнями. Для строительства обоих храмов Гродно применен один и тот же строительный материал и одинаковые приемы украшения наружных стен. Все это дает право выдвинуть предположение, что уже в то время в Гродно, как и в Полоцке, существовали свои архитектурные школы, тесно связанные с местными архитектурными традициями.

Древнерусская культура развивалась в нескольких городах, столицах удельных княжеств, объединявших вокруг себя окрестные населенные пункты. Главнейшими из них были в юго-западной части русской земли Киев, в северо-западной — Новгород, в северной — Владимир, в западной — Смоленск, Полоцк и Гродно. Для раннего периода общим культурным центром русской земли был Киев — столица Киевского государства. В XII—XIII вв., после распада Киевского государства, этот центр переместился на север, во Владимиро-Суздальское княжество. Архитектура, созданная во всех этих городах, имеет исключительно большое значение для создания и развития русской, украинской и белорусской архитектуры.

Глава III

Белорусская архитектура XIV—XVI вв.

1. Формирование белорусской культуры

ормирование белорусской народности и культуры падает на XIV—XVI вв. Оно происходило в условиях все возрастающего феодального и национального гнета, непрерывных войн, в условиях ожесточенной борьбы белорусского народа против угнетателей.

В XIII в. в жизни русского народа произошли значительные изменения. С востока на русские земли напали татаро-монголы. В это же время немецко-шведские агрессоры усилили свои нападения на западные русские города. Пользуясь этим, литовские князья постепенно присоединяют к своим владениям западнорусские области и, таким образом, к началу XIV в. подчиняют их своей власти.

Дальнейшее развитие феодальных отношений, возникновение на территории Белоруссии, наряду с имениями белорусских феодалов, поместий литовских магнатов привело к усилению крепостного гнета. Это вызвало обострение антифеодального движения народных масс, которое уже в то время усложнялось борьбой белорусского народа за свою самостоятельность. В этой борьбе литовские паны стремились заручиться помощью польских феодалов и уже в XIV в. начали принимать меры по сближению с ними. Первые шаги в этом направлении были сделаны заключением в 1386 г. Кревской унии, объединившей Литовское княжество с Польшей под властью короля Ягайлы; Люблинская (1569 г.) и Брестская (1596 г.) унии завершили это объединение. Заключение уний открыло польским панам и католическому духовенству возможность приобретать и захватывать белорусские земли. Все это в еще большей степени содействовало росту феодального землевладения, увеличению феодальных поместий, с одной стороны, обеднению и закрепощению белорусского крестьянства — с другой.

Однако польские паны этим не ограничились. В целях укрепления своего господства над Белоруссией и превращения белорусского народа в своих безвольных рабов они решили его ополячить и окатоличить. Для осуществления этих планов они пригласили в Белоруссию миссионеров различных католических орденов: иезуитов, бернардинов, францисканов, доминиканов и других. Эти миссионеры организовали на территории Белоруссии строительство католических монастырей, коллегиумов и костелов, которые под руководством папы

и при помощи польских магнатов развернули активную деятельность по уничтожению белорусской культуры, веры и народных обычаев. Для достижения своих целей они пользовались любыми средствами: насилием, обманом, угрозой, ложью и клеветой.

Несмотря на тяжелый социальный, национальный и религиозный гнет трудовой белорусский народ не встал на путь преклонения перед культурой колонизаторов, не изменил своей народности, не забыл своих обычаев, культуры и языка. Вопреки господствующей прослойке, принявшей унию или католицизм, обычаи польских панов и их культуру, белорусский народ твердо встал на защиту своей народности, языка и культуры, повел борьбу против полонизации и окатоличивания.

Белорусский народ неоднократно поднимал восстания и с оружием в руках боролся против своих угнетателей. Не менее ожесточенный характер эта борьба носила в области культуры. Всякая попытка со стороны белорусского народа развивать свою культуру встречала резкое противодействие господствующих классов Речи Посполитой. Это обстоятельство наложило отпечаток на все стороны культурной деятельности того времени. В архитектуре оно проявилось в энергичном военно-крепостном и культовом строительстве, в литературе — в широком распространении полемических сочинений, в живописи — в портретном жанре, в популяризации религиозных и культурных деятелей каждой из враждующих сторон.

В Белоруссии возникают школы. В монастырях, братствах белорусских городов и в дворах магнатов работали народные мастера, скульпторы, художники, резчики по дереву, керамики, ювелиры, украшавшие своими изделиями храмы, монастыри, дворцы магнатов и жилища горожан. Белорусские мастера совместно с украинскими оформляли дворцы польских королей, костелы и монастыри в Кракове, Люблине и других городах Польши. Широкое распространение получает переписка книг. Многие из них были прекрасно оформлены и украшались миниатюрами. В целях более успешного распространения книг в начале XVI в. первый печатник Белоруссии Скарина вводит книгопечатание. В ряде белорусских городов в XVI в. были созданы типографии, выпускавшие религиозные и полемические книги.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на тяжелый социальный, национальный и религиозный гнет, несмотря на преследования деятелей белорусской культуры, белорусский народ развивал свою культуру, создавал все новые и новые памятники искусства.

Решающее значение в деле сохранения белорусской культуры и ее дальнейшего развития имел патриотизм белорусского народа, его героическая борьба против социальных и национальных угнетателей, а также и тот факт, что деятели белорусской культуры в своей работе опирались на богатое наследие древнерусской культуры.

Белорусская культура, в том числе и искусство, в XIV — XVI вв. развивалась в тесном содружестве с русской. Русский народ оказывал постоянную помощь белорусскому народу в создании его культуры. Между русским и белорусским народами происходил обмен культурными ценностями. Многие памятники белорусского искусства были распространены в России, многие художественные произведения русского народа приобретались белорусами. Происходил постоянный обмен художниками. Известны многие случаи, когда белорусские мастера работали в России, а русские — в Белоруссии.

Выше указывалось, что белорусская культура сформировалась в период XIV — XVI вв. Но это не значит, что она появилась на пустом месте. «Надо полагать, — говорит И. В. Сталин, — что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства» *. Это положение вполне относится и к культуре. Основой формирования белорусской культуры, и в том числе архитектуры, была культура древней Руси IX — XIII вв. Накапливание элементов и черт, свойственных белорусской культуре, происходило постепенно, за несколько столетий до появления белорусского народа, и особенно интенсивно в период XII — XIII вв.

---

* И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951 г., стр. 26.

Срубовая конструкция крестьянского дома и хозяйственных построек, свойственная крестьянским усадьбам Белоруссии, существовала уже в период IX—XIII вв., а возможно и ранее. Укрепление белорусских городов, состоящее из стен, обведенных рвами, сложилось в общих чертах за несколько столетий до образования Киевского государства. Многие черты церковной архитектуры XI—XIII вв. были восприняты и развиты в церковном зодчестве Белоруссии. Ювелирное искусство Белоруссии обнаруживает много общих черт с ювелирным искусством, созданным на территории Белоруссии в предыдущие столетия. Живопись и литература Белоруссии по своей тематике, стилю и композиционным приемам тесно связаны с литературой и живописью западных областей Руси. В особенности рельефно эта преемственность проявилась в языке. Все это убедительно свидетельствует о тесной традиционной связи белорусской культуры с культурой первобытнообщинного строя и западных областей Руси IX—XIII вв.

Указания на эту особенность белорусской культуры в особенности важны в связи с той фальсификацией истории белорусской культуры, которая проводилась буржуазными белорусскими и еврейскими националистами, стремившимися доказать, что белорусская культура с начала зарождения не была связана с древнерусской и развивалась якобы под влиянием культуры западноевропейских стран.

Однако было бы неправильно отрицать какую бы то ни было связь белорусской культуры с культурой соседних стран. Эта связь сказалась прежде всего в народном творчестве, в фольклоре, литературе, в строительстве крестьянских усадеб, в декоративном украшении зданий и орнаменте. Общие черты можно заметить также в дворцовом и культовом зодчестве.

Уже в первые годы белорусская культура достигла больших успехов. Это нашло свое отражение в изданиях Скарины, являвшихся одними из лучших типографских изданий того времени, в живописном портретном искусстве, в строительстве укреплений (замок в Мире, крепости Сокол и Туровля), в церковном зодчестве (Сынковичская и Супрасльская церкви). Эти достижения явились основой для развития белорусской культуры в последующие столетия.

2. Планировка и застройка городов XIV—XVI вв.

В XIV—XVI вв. в Белоруссии существовало много городов. Главнейшими из них были Полоцк, Витебск, Орша, Могилев, Гомель, Слуцк, Пинск, Брест, Минск, Новогрудок, Гродно, Несвиж, Мир и другие. Дальнейший рост ремесленной деятельности и торговли являлся одной из причин расширения территории городов и увеличения количества их населения. Рост городов, как правило, происходил вокруг старинных центров, бывших княжеских и боярских дединцев.

Основным видом городской постройки того времени была деревянная усадьба ремесленников, мелких торговцев и других прослоек населения. Усадьба слагалась из дома, хлева и складских помещений, часто образующих замкнутый двор. Позади усадьбы размещался огород, а иногда и сад. Только в отдельных частях города на улицах стояли церкви или дома торгово-ростовщической верхушки. Несколько по-иному были застроены центры городов. Главнейшей частью центра был замок, расположенный обычно на высоком мысу, при впадении одной реки в другую. С одной из сторон к нему примыкала главная городская площадь, окруженная лавками, складами, мастерскими ремесленников и их домами. Здесь же строились дома господствующей верхушки, храмы и монастыри. Улицы в центрах городов были узкими, кривыми и в большинстве немощенными.

Наиболее характерным в этом отношении является город Могилев. Уже в XVI в. он имел укрепленный замок, расположенный на высокой горе, при впадении Дубровенки в Днепр. С севера к замку примыкала главная торговая площадь, застроенная торговыми лавками, складами,

Рис. 12. Замок в г. Гродно. Гравюра 1567 г.

зданиями представителей торгово-ростовщической верхушки, ремесленников и мелких торговцев. Здесь же помещалась деревянная ратуша. С замком рыночная площадь сообщалась через крепостные ворота с мостом, переброшенным через ров. Основная застройка Могилева простиралась на север от замка и площади. Эта часть города была ограничена с востока Днепром, а с юго-запада — Дубровенкой. Кроме того, в XVI в. был застроен Задубровенский район и район, примыкающий к замку с юга, расположенный на берегу Днепра, и частично пригород Луполово. Таким образом, уже в XVI в. основные районы города были сгруппированы вокруг его центра — замка и рыночной площади. Однако не всегда замки и рыночные площади были расположены в центре города. Например, замок в Мире был выстроен в XVI в. за речкой, на окраине города.

Иные черты свойственны планировке Гродно. В отличие от Могилева, окраинные районы которого были непосредственно связаны с центром, Гродно не имел столь ярко выраженного центра, который бы связывал в одно целое городские районы. Доминирующее значение в архитектуре города принадлежало его центральной части с главной торговой площадью, застроенной монументальными постройками: ратушей, торговыми рядами, Софийским собором, фарным костелом и Бернардинским монастырем. Как это видно из гравюры г. Гродно 1567 г., эта часть города была отделена от других городских районов: от Подола пустырями и огородами, от занеманской части — рекой Неманом, от предместья Колож — рекой Городнянкой. Замок же, расположенный на мысу, при впадении Городнянки в Неман, в еще меньшей степени был связан с другими частями города. Каждый из этих районов имел свою планировку, свои центральные площади: По-

дол — вблизи церкви Креста, Колож — недалеко от Коложской церкви и т. д.

Дома горожан делились на два вида: большие, двухэтажные здания представителей господствующей верхушки города располагались, главным образом, в центральном районе и частично на Подоле и за Неманом. Предместье же Колож было застроено в основном домами ремесленников, мелких торговцев и вообще представителей беднейших слоев населения. В Гродно раньше, чем в другие белорусские города, проникли польские магнаты и католическое духовенство. Замок Гродно издавна служил временной резиденцией литовских князей и польских королей. Здесь неоднократно происходили шляхетские сеймы. Уже в XVI в. в городе Гродно были выстроены фарный костел и Бернардинский монастырь. Все это не могло не сказаться на архитектуре и застройке города. В городе появляются районы с преобладающим польско-шляхетским населением, большинство которого селилось в центре города и вблизи замка. Основная же масса белорусского населения жила на Подоле и в предместье Колож.

Одним из наиболее крупных городов Белоруссии был Полоцк. Вместе с тем он был наиболее передовым в культурном отношении. Полоцк является родиной знаменитого культурного деятеля Белоруссии, гуманиста и первопечатника Георгия Скарины. В истории Полоцка наиболее полно отразились характерные особенности развития белорусских городов.

Возникновение города Полоцка теряется в веках. В IX в. он неоднократно упоминается в Скандинавских сагах как большой и богатый столичный город государственного объединения славянского племени полочан, в котором княжил Полтес. В русских летописях Полоцк впервые упоминается в 862 г. в связи с передачей его князем Рюриком одному из своих приближенных. Надо думать, что уже в то время Полоцк был укреплен. Не подлежит сомнению, что поселение на месте современного города Полоцка существовало ранее IX в. Это тем более справедливо, что на территории современного Полоцка существует городище, расположенное на берегу реки Полоты, между ручьем и озером.

В XII—XIII вв. Полоцк занимал довольно обширную территорию. В него входили Кремль, расположенный на высокой горе, при впадении Полоты в Западную Двину, прилегающая к нему центральная часть города, Бельчицкий монастырь с княжеским двором, Спасо-Евфросиньевский монастырь, поселение на острове Западной Двины с богатым монастырем Ивана Предтечи.

В конце XIV и начале XV в. город строили все княжеские люди и жители Полоцка, а впоследствии в строительстве полоцких укреплений принимали участие и люди, принадлежащие феодалам окрестных районов. В 1460 г. был издан указ, в котором перечислялись те категории жителей, которые были обязаны строить городские укрепления: «Кали надобе город Полтеск рубити, — гласил указ, — наместник князя, який город Полтеск держит тот дело городовое расказывает делать князким людям, которые з волостей князей задвинских, Полтеск рубливали издавна, и пригоном полотским, и иным волостям, которые издавна город Полтеск рубливали»*. Этот указ не внес ничего нового в порядок строительства крепостных сооружений. Он только закрепил законодательным путем старый традиционный порядок строительства городов, т. е. городских укреплений.

В XV и в начале XVI в. укрепления Полоцка были деревянными и состояли из паркана, рвов и валов. За время своего существования город много раз разрушался. Только в промежутке времени с 1504 по 1520 г. Полоцк был разрушен трижды. Из этого видно, как часто он менял свой облик.

Город Полоцк занимал довольно обширную территорию и включал в себя несколько посадов.

Как видно из материалов ревизий Полоцка, произведенных в 1542 и 1563 гг., город делился на 6 посадов. Около самого замка, между реками Полотой и Двиной, был расположен Великий посад с 771 мещанским двором. На противоположном берегу Полоты, против замка, находился Заполотский посад со 191 двором мещан, на

* Акты Западной России, т. I, 64, СПБ, 1848 г.

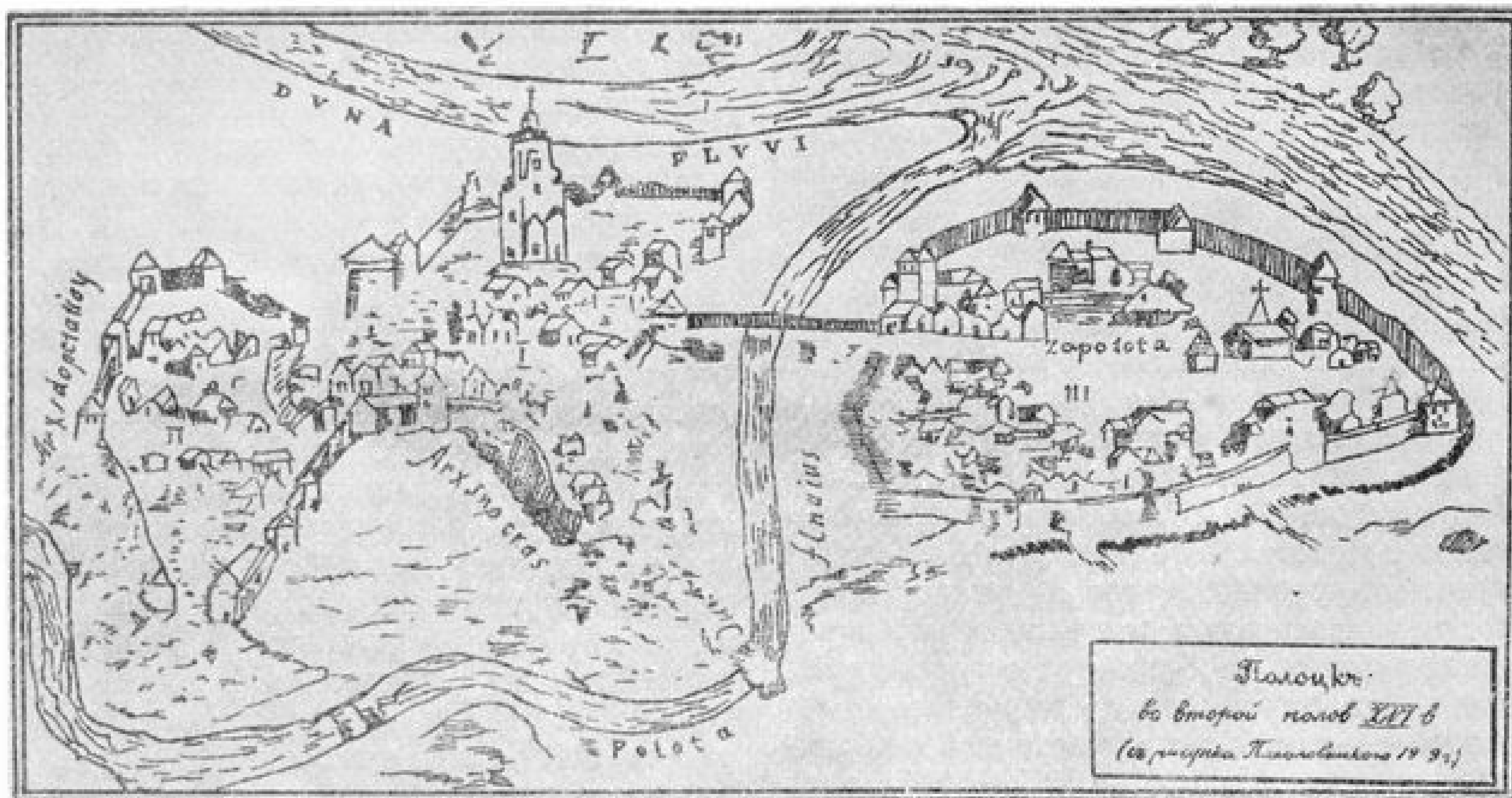

Рис. 13. Город Полоцк. Гравюра 1579 г.

острове реки Двины — Островский посад (151 двор), за рекой Двиной — Якиманский (269 дворов), на реке Бельчице около Борисоглебского монастыря — Слободский (103 двора) и Кривцов (30 дворов) посады. Улицы посадов делились на десятки. Кроме того, в некоторых частях города сохранялось старое деление на сотни, что встречалось и в других белорусских городах (например, в Могилеве).

В XVI в. работы по укреплению Полоцка проводились так же, как и в предыдущие столетия, жителями окрестных деревень. «Когда разрушалась гора, или стена замковая, то по приказу великокняжеского наместника (полоцкого старосты) все землевладельцы полоцкого воеводства присылали крестьян с топорами и конями. Крестьяне рубили и доставляли дерево и делали необходимые укрепления — башни, стены, парканы и хозяйственные постройки» *. Мещане же Полоцка проводили преимущественно земляные работы: рыли рвы, насыпали валы, исправляли замковые земляные насыпи. Для руководства строительными работами они выбирали десятников из наиболее опытных в строительном деле крестьян или мещан. В том случае, когда возводили более сложные постройки, работами руководили опытные мастера-строители (архитекторы).

Главным укрепленным районом и в то же время основным композиционным центром города являлся Верхний замок.

Верхний замок, расположенный на горе, при впадении Полоты в Двину, был укреплен стенами из толстых сосновых бревен. Стены состояли из 204 городней и 9 башен. Одна из башен в нижней части имела рубленые стены тройной толщины. От нее через ров был переброшен на цепях мост, соединявший Верхний замок с Заполотьем. Замок был разделен на участки (десятки), заселенные мещанами, которые были обязаны поддерживать в исправности замковые укрепления, а иногда строить новые стены и башни. Всего в замке было около 150 дворов. Здесь находился «господский двор с 6 домами, выстроенными на подклетях, и один на крепостной городне со светлицей, каморками, сенями и ганком.

* Записки отдела гуманитарных наук, кн. 3, т. II, Минск, 1928 г.

Около храма Софии стоял дворец Полоцкого архиерея с помещениями для других духовных лиц. Кроме того, в замке было 2 монастыря, 5 церквей и ряд других жилых и хозяйственных строений. Укрепления Заполотья были сделаны из дуба; они окружали довольно значительную территорию, примыкающую одной из своих сторон к Двине, а другой к Полоте» *. Довольно мощными были также укрепления нижнего города.

Из сказанного видно, что Полоцк в середине XVI в. имел сложную сеть крепостных сооружений. Это находит подтверждение и в русских летописях: «Что острог крепок, а рублен острог и всякими крепостьми делан, потому же как и городовая стена рублена, да и ров круг острога от Полоты и от Двины реки делан крепок и глубок» **, — так характеризовались полоцкие укрепления в 1563 г. В XVI в. Полоцк был одним из богатейших и наиболее сильно укрепленных городов Белоруссии.

Иван Грозный прилагал большие усилия, чтобы взять Полоцк. Не меньшее значение придавали Полоцку и в Польше. Так, польский король Баторий считал его «ключом Ливонии и самой Литвы». Ожесточенная борьба за Полоцк продолжалась 20 лет. Об этой войне, а также об обороне Полоцка русскими поляки писали, что «москвитяне при обороне крепостей своей стойкостью и мужеством превосходят все прочии нации» ***.

В 1563 г. русские войска взяли город. От долгой осады город сильно пострадал: было сожжено много построек, разрушены многие крепостные стены и башни. После взятия Полоцка Иван IV приказал его отстроить и укрепить. В указе по этому поводу было сказано: «Которое место выгорело, и то место велети заделати накрепко, стены в три или в четыре, как будет пригоже и землею насыпати и подошвенные бои и башни поделати» ****.

С 1563 по 1578 г. русскими были созданы в Полоцке новые укрепления, отстроены городские стены Заполотья, куда переместилась и торговая часть города. Капитан польской армии Александр Гвагнини следующим образом характеризует состояние укреплений города Полоцка в 1578 г. после захвата его поляками: «Полоцк на реке Двине, город деревянный, большой, широкими парканами и густыми острогами огорожен. Замок в нем деревянный. Однако хорошо укреплен природой и полезными местоположениями. Он кругом обведен стенами и вежами. С одного боку замок омывается Двиной, а с другого Полотой» *. Более полные сведения о Полоцке после его укрепления русскими дает нам план города, составленный секретарем короля Стефана Батория, художником Пахоловичем в 1579 г., т. е. через несколько лет после перестройки города русскими.

На плане, изображенном Пахоловичем, укрепления Полоцка состоят из трех частей, размещенных на большой территории. Композиция их довольно своеобразная, они не представляют собой единого архитектурного комплекса, а выглядят разобщенными, изолированными друг от друга. Так, стены укрепленного района Заполотья не соприкасаются со стенами Верхнего города. Нижний и Верхний города только на небольшом отрезке имеют общие стены. В этом отношении укрепления Полоцка напоминают собой укрепления Витебска XVII в., которые также состоят из нескольких отдельных укрепленных районов.

Деление городских укреплений на несколько районов довольно часто встречается в практике русского градостроительства. Московские крепостные сооружения также состояли из нескольких укреплений (Кремль, Китай-город и Белый город). Новгородские укрепления XVI в. также слагались из нескольких районов. Однако, сравнивая полоцкие укрепления XVI в. с Московским кремлем XVI—XVII вв., мы видим между ними довольно существенные различия. Городские укрепления Москвы тесно примыкали друг к другу, а в точках соприкосновения имели общие стены. И московские, и новгородские городские

---

* Записки отдела гуманитарных наук, кн. 3, т. II, Минск, 1928 г.

** П. С. Р. Л., XIII, стр. 356.

*** Полоцко-Витебская старина, вып. II, Витебск, 1912.

**** Акты исторические, т. I, 169.

* Витебская старина, т. IV, Витебск, 1885 г.

укрепления в общей своей композиции имели форму кругов, состоящих из отдельных районов, в которых менее важные укрепленные районы группировались около главного: в Москве — вокруг Кремля, в Новгороде — вокруг старинной части Новгородского кремля. Укрепления же Полоцка не связаны друг с другом столь тесно.

Крепость Полоцка представляет собой конгломерат построек. Башни, судя по изображению на рисунке, были выстроены в разные исторические периоды. Обращает на себя внимание башня, стоящая на границе Верхней и Нижней крепостей. Своими громадными размерами она выделяется из числа всех построек города. Снаружи башня имеет вид цилиндра. Ее стены снабжены бойницами и завершены обломами. Судя по наружному виду, башня выстроена из кирпича и относится к более раннему времени, чем большинство башен Полоцкого кремля. По внешнему виду эта башня близка к башне Мстислава в Пскове. Она несколько напоминала собой также и Каменецкую башню XIII в. О других башнях Полоцка судить трудно, так как все они нарисованы в миниатюрных размерах.

Белорусские города по своей планировке и архитектуре продолжали развивать традиции древнерусского городского строительства. Расположенные на холмистых местностях, при впадении одной реки в другую, они имели довольно живописный вид. Подавляющую массу архитектурных сооружений городов составляли выстроенные из дерева усадьбы ремесленников и мелких торговцев. Центральные части городов, как правило, имели уплотненную, поквартальную застройку. Городские же окраины складывались из длинных улиц, идущих от центра, по обеим сторонам которых тянулись огороды, а иногда поля. Среди одноэтажных усадеб трудового народа были разбросаны храмы, монастыри и усадьбы представителей господствующей верхушки. Здания эти своими размерами, а иногда архитектурным оформлением выделялись из общей массы городской застройки, делали ее более разнообразной и богатой. Многие архитектурные сооружения белорусских городов украшались деревянной резьбой. Все это вместе взятое делало белорусские города довольно живописными.

3. Архитектура замков XIV—XVI вв.

Дальнейшее развитие феодальных отношений, захват панами земель, ранее принадлежавших белорусским крестьянам, содействовали быстрому росту магнатского землевладения. Это приводило к обогащению магнатов, с одной стороны, и к разорению белорусского крестьянства — с другой. Усиливается процесс закрепощения крестьянства. Устава на волоки 1557 г., предусматривавшая сокращение общинного землевладения, расширение княжеских земель, увеличение феодальных повинностей, ускорила процесс окончательного закрепощения белорусского крестьянства польскими, белорусскими и литовскими панами. Все это не могло не привести к обострению социальной борьбы в Белоруссии.

Изменения, происшедшие в социально-экономической области, в свою очередь, вызвали изменения в строительстве крепостей. Старые укрепления, оправдавшие себя во время междоусобных феодальных войн XII—XIII вв., не удовлетворяли больше магнатов. В связи с обострением социальной борьбы встал вопрос о необходимости строительства мощных крепостных сооружений, способных выдержать осаду не только иноземных войск, но и восставшего народа. Даровой труд крестьян, богатства, накопленные магнатами, открывали широкие возможности строительства подобных укреплений.

Значительное влияние на совершенствование крепостных сооружений оказало развитие военной техники. В своей статье «Фортификация» Ф. Энгельс подчеркивал значение этого обстоятельства для крепостного строительства. «... начиная с XIV и до конца XVI века, — пишет Энгельс, — введение артиллерии основательно измени-

ло способы атаки укрепленных пунктов. С этого периода ведет начало обильная литература по фортификации, заключающая в себе бесчисленные системы и методы, часть которых нашла себе более или менее широкое практическое применение... Непосредственным результатом введения артиллерии было увеличение толщины стен и диаметра башен за счет их вышины» *.

Изменения в крепостном строительстве заключались, главным образом, в укреплении оборонной мощи стен и башен. Это приводило в ряде случаев к замене деревянных стен более прочными каменными и к утолщению как каменных, так и деревянных стен. Изменилась роль башен. Если в XI—XIII вв. башни, помимо оборонных функций, выполняли роль дозорных вышек, наблюдательных пунктов, то в XIV в. они начали рассматриваться в основном как оборонные сооружения. Изменение роли башен повлекло за собой изменение их конструкций. Высота башен уменьшилась, но одновременно увеличилась толщина стен, усложнилась система их оборонных приспособлений. Сравнивая систему оборонных приспособлений Каменецкой башни XIII в. с бойницами башен Мирсюго замка XVI в., мы видим, что в их конструкции существуют значительные различия. Бойницы Каменецкой башни просты, имеют вид обыкновенных щелей, прорезанных в стене; бойницы же башен Мирского замка имеют сложный профиль, рассчитанный на ведение прямого и флангового огня, на обстрел из бойниц не только по горизонтали, но и низа башен, в случае, если осаждающие приблизятся к стенам замка.

Изменение высоты башен, происшедшее в XIV—XV вв., можно проследить на Гродненском замке. На гравюре XVI в., изображающей этот замок, видна высокая башня, расположенная около главных ворот. Это, по всей вероятности, та самая башня, о которой говорилось в Ипатьевской летописи за 1277 г. по поводу осады города Гродно южнорусскими князьями. Вместе с Каменецкой эта башня относится к типу оборонно-сторожевых башен, широко распространенных в крепостном зодчестве XI—XIII вв. В отличие от позднейших такие башни не были непосредственно связаны с крепостными стенами, а существовали как самостоятельные сооружения, выполнявшие роль оборонной цитадели и наблюдательной вышки. Недаром эти башни строились на наиболее высоких участках крепостей. Русские летописи XII—XIII вв. неоднократно упоминают о таких башнях, подчеркивая их большую высоту и красоту: «вежа среди города высока,... в высоту 15 локоть (около 30 метров) создана же сама древом тесаным и убелена яко сыр, светящиеся на всеи стороны», — так описывается в летописи Холмская башня XIII в., построенная Галицким князем Даниилом *.

В летописных упоминаниях о Брестской, Каменецкой, Гродненской, Холмской и Белавинской башнях говорится об одном «столпе», но не о многих. Таким образом, напрашивается вывод, что в этих крепостях существовало по одной башне и что оборонные башни типа XIV—XVII вв., связанные конструктивно с крепостными стенами, были редким явлением в архитектуре предшествующего периода.

Укрепления XIV—XVI вв. многим отличались от укреплений IX—XIII вв. При постройке последних главное внимание уделяли использованию естественных условий окружающей местности, холмов, рек, озер и болот для обороны. Неприступность такой крепости определялась, прежде всего, высотой холма, шириной и глубиной озера или реки, окружавших крепость или примыкавших к ней. Чем труднее было преодолеть эти естественные препятствия, тем неприступней и сильней считалась крепость.

В XIV—XV вв. при постройке замков большое внимание начали уделять сооружению стен и башен. Основной строительный материал крепостей XI—XIII вв. — дерево — постепенно начал вытесняться камнем и кирпичом. Уже во второй половине XII в. башня Каменецкой крепости была построена из кирпича, Новогрудский и Лидский замки были выстроены целиком

* Фридрих Энгельс. Военные произведения, т. I, «Фортификация», Воениздат, Москва 1940 г., стр. 235.

* Цитировано по книге С. В. Бессонова, Архитектура Западной Украины, изд. Академии архитектуры, Москва, 1940, стр. 22.

из камня и кирпича. Форма самих замков в меньшей степени зависела от рельефа местности и имела более правильный вид. Широкое распространение получили замки с квадратным планом, как, например, замки Лиды и Мира.

О времени возникновения города Новогрудка и его замка достоверно неизвестно. По мнению одних исследователей Новогрудок был выстроен Киевским князем Владимиром в X в., другие относят его основание к XI—XII вв. Во всяком случае, крепость в Новогрудке, выстроенная русскими князьями, уже существовала в XI—XII вв. В 1240 г. предводитель монгольских орд Койдан разрушил Новогрудский замок. Во второй половине XIII в., когда Новогрудок был столицей Литовского княжества, замок был заново отстроен Литовским князем Миндовгом. В последующие столетия замок неоднократно разрушался и вновь восстанавливался. К настоящему времени от него сохранились часть фундамента стен и две башни — угловая и главная. План замка имеет вид перекошенного многоугольника, по углам которого стояло несколько башен.

Сохранившиеся фрагменты башен замка поражают своей массивностью и тяжеловесностью. Главная башня имеет вид каменной четырехгранной призмы, как бы высеченной из одной глыбы. От угловой башни сохранилась стена в два этажа. Эта башня также имеет вид массивного четырехугольного сооружения, хотя она несколько меньших размеров, чем главная. В отличие от главной она не сужается кверху, а имеет вид несколько удлиненного прямоугольного тела. Кладка сохранившихся частей замка выполнена из камня и кирпича.

Не менее интересен и замок в Гродно, от которого сохранились фрагменты крепостных стен и башен. Гродненский замок, как и большинство других подобных сооружений на территории Белоруссии, несколько раз разрушался, после чего следовал ремонт или постройка на прежнем месте нового замка. В XI в., когда Гродно входил в состав Киевского княжества, в нем был укрепленный дединец. В XII в., после возникновения Гродненского княжества, в городе были созданы замечательные архитектурные сооружения (Коложская церковь, храм XII в., развалины которого обнаружены на Замковой горе). В 1241 г., во время татарского нашествия, предводитель татарских орд Койдан напал на Гродно. Русское население героически защищалось. После поджога крепости татары ворвались в замок, истребили значительную часть населения, разграбили и сожгли город *.

В XIV—XV вв. замок являлся временной резиденцией литовских князей, а позже — польских королей. Вследствие этого он неоднократно перестраивался и приспосабливался для нужд новых его владельцев. В архитектуре и планировке замка имеется несколько наслоений, относящихся к различным периодам — от XII по XIX в. Все это в сильной степени затрудняет его изучение. Согласно гравюре 1567 г., замок имел овальную в плане форму **. Высота стен была неодинаковой. Ниже кровли шли бойницы, а низ стен был укреплен

---

* Е. Орловский. Основание города Гродно и его история до 1241 г., Труды IX археологического съезда в Вильно в 1893 г., Москва, 1895 г.

** Эта редкая гравюра хранилась в С.-Петербургской публичной библиотеке. Сделан этот рисунок во время посещения русским посольством города Гродно.

На гравюре имеется следующая надпись: «Истинное изображение города Гродно в Литве. Там его Польское королевское Величество держало сейм и туда же приехали нижепоименованные посольства, во-первых, посольство Великого князя Московского, в числе 1200 человек, очень великолепно одетых, потом посольство Турецкое, Татарское и Валахское и были приняты в Поле особыми на то назначенными от вышеупомянутого Королевского Величества лицами, каждое посольство было вперед довольствовано пищею и жило под охраною стражи в большом саду. Впоследствии они были выслушаны его Величеством на счет цели их присылки. И что тут нарисовано, то произошло в июле 1567 года. Нарисовано в начале Гансом Адельгаузером, а потом награвировано в настоящем виде Матвеем Цюндтом, гражданином нюрнбергским в 1568 г.».

Г. Адельгаузер был родом немец, жил некоторое время в Гродно и нарисовал чертеж с натуры.

Матвей Цюндт—видный нюрнбергский художник, золотых дел мастер, гравер. Оставил много гравюр, исполненных крепкой водкой с изображением портретов и городов и т. д.

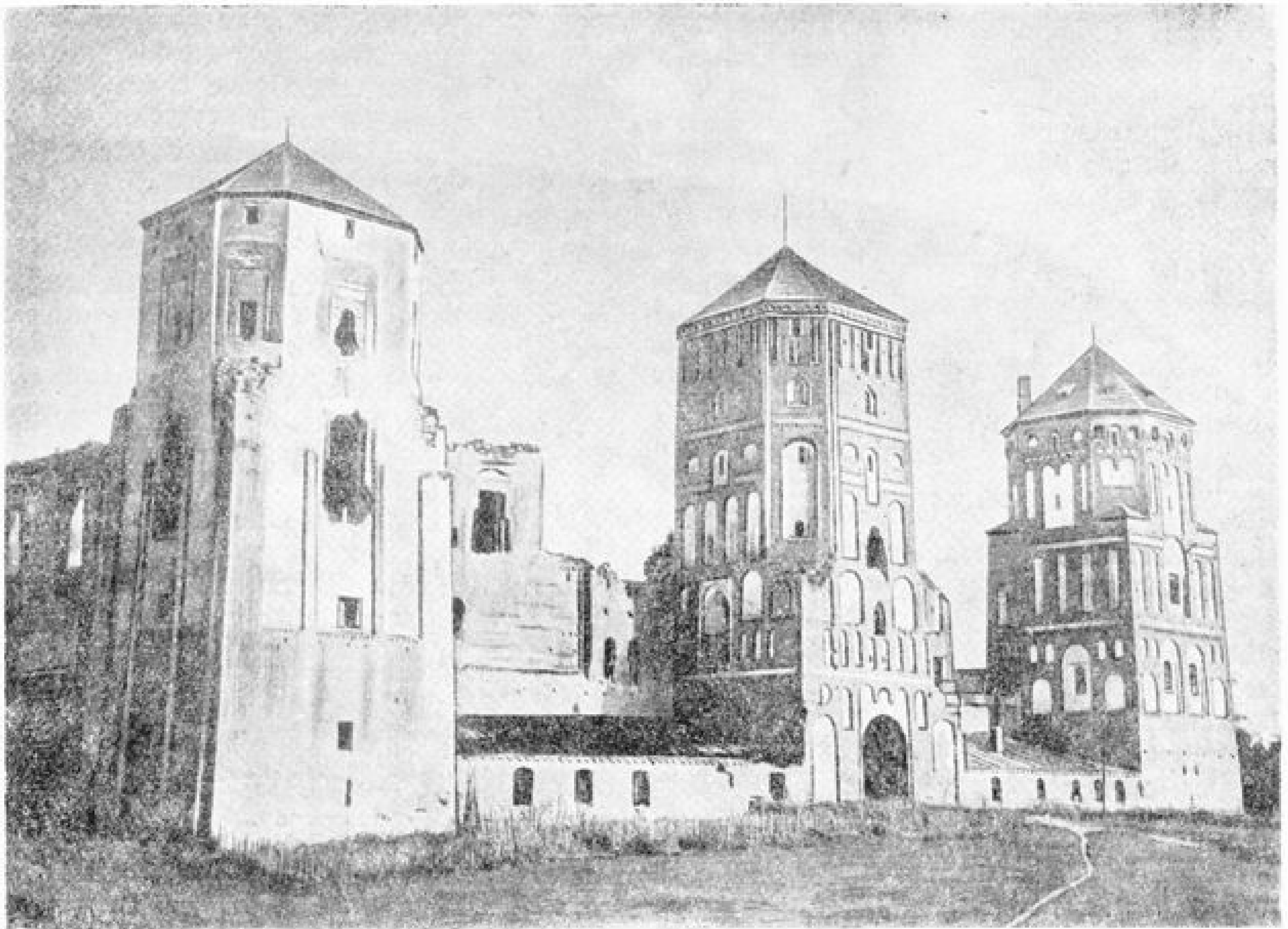

Рис. 14. Замок в г. Мире. Нач. XVI в.

контрфорсами. В замке имелось несколько башен. Въездная башня была четырехугольной. В верхней части она имела сильно нависающие обломы с бойницами. За зубцами, наверху башни, помещалась боевая площадка с высокой кровлей на середине. Вторая, самая высокая башня, примыкавшая к южной стене замка, имела вид цилиндра, несколько сужавшегося кверху. Ее стены были прорезаны окнами и бойницами и завершались зубцами, за которыми также находилась боевая площадка. Башня имела высокую конусообразную кровлю. Слева от входа стоял дворец, крытый двускатной кровлей.

Замок в Гродно имел много общих черт с Верхним замком в Вильно XV в. Оба они расположены на возвышенностях. Башни Верхнего виленского замка по внешнему виду были близки к башням Гродненского замка, стены его имели также большие окна и обломы с бойницами. Башни были завершены зубцами с расположенными за ними боевыми площадками, покрытыми высокими, конусообразными кровлями.

О времени возникновения замка в Гродно, изображенного на гравюре XVI в., достоверных данных нет. Верхний же замок в Вильно построен Гедимином в начале XIV в. В 1392 г. он был разрушен рыцарями, а в 1413 г. отстроен вновь. О более поздней перестройке замка сведений нет. Таким образом, надо полагать, что рассматриваемые остатки Верхнего виленского замка относятся к началу XV столетия. Сходство Гродненского и Верхнего виленского замков дает нам право датировать Гродненский замок XVв.

План сохранившегося в настоящее время дворца Гродненского замка имеет вид

вытянутого в длину, несколько перекошенного прямоугольника, разделенного внутри на несколько комнат и залов. В планировке дворца нет той симметричности, которая характерна для дворцов XVII в. (например, во дворце Рогачевского замка). Не выделена центральная часть дворца: вестибюль и лестничная клетка. Тесная связь планировки с крепостными сооружениями, большая толщина стен, особенно наружных, свидетельствуют о том, что архитектура дворца была полностью подчинена задаче обороны. В его планировке и конструкции отразились особенности дворцово-замкового зодчества XVI в. В этом отношении он близок к дворцу Несвижского замка второй половины XVI в.

В Несвижском замке XVI в. были два дворца, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Главный дворец стоял в центре замкового двора и был фланкирован по углам башнями. Второй, расположенный справа от главного, имел у торцевой стороны высокую башню. Оба дворца были защищены высокими земляными валами с бастионами и глубоким рвом, наполненным водой. Разница между дворцами Гродненского и Несвижского замков состоит в том, что дворцы Несвижского замка стояли в некотором отдалении от крепостных валов, а дворец Гродненского замка был слит с системой укреплений.

Если Гродненский замок служил резиденцией князей и королей, то замок в Мире был выстроен как резиденция крупного феодала Ильинича. Его план имеет вид несколько перекошенного квадрата. Состоит замок в Мире из четырех стен и пяти башен. Четыре башни размещены по углам, а пятая, главная, над въездными воротами. Внутри замка находится трехэтажный дворец. Стены и башни замка, как это можно судить по отрывочным литературным сведениям, а также по стилистическим особенностям, выстроены на рубеже XV—XVI столетия *. Замок в Мире является типичной магнатской резиденцией. Этим он отличается от крепостей Витебска и Полоцка XVI—XVII вв. Стены и башни Мирского замка, несмотря на их различную декоративную обработку, выстроены в одно время и, вероятно, под руководством одного архитектора. Стены и башни Витебской и Полоцкой крепостей представляли собой конгломерат построек, созданных в разные периоды, между XIV и XVII вв. Даже отдельные части этих крепостей, возникшие в одно и то же время, выстроены по-разному, так как они возводились различными лицами.

Являясь резиденцией Ильиничей, замок в Мире имел ряд жилых и хозяйственных сооружений. Главной постройкой этого замка являлся трехэтажный дворец, занимавший бо́льшую половину двора. Остальная часть двора была занята постройками хозяйственного назначения.

Башни Мирского замка намного выше его стен, богаче и разнообразнее украшены, имели более сложные оборонные приспособления. Из пяти башен замка наиболее интересна главная башня, расположенная на середине стены, между северной и западной угловыми башнями. Нижняя ее часть имеет вид четырехугольного блока, переходящего с половины высоты, при помощи стеса углов, в восьмигранник. Завершена башня низким восьмискатным шатром. В нижнем этаже находились единственные ворота, связывавшие замок с внешним миром. Стены этой башни лишены конструктивных членений, но декорированы нишами различного размера и разнообразной формы. Необходимо отметить, что ниши главной башни замка напоминали собой ниши фронтона Сынковичской церкви. Подобный мотив украшения стен нишами встречается и в западноукраинской архитектуре (храм Богоявления XV в., крепостная башня Острожского замка, круглая крепостная башня Перемышля).

Из всех башен Мирского замка по декоративной обработке ближе всего к главной — западная башня. В последней по существу повторяются те же мотивы, что и в главной, но более строго и сдержанно. Несколько иной вид имеет южная башня. Она также делится на две части: нижнюю — четырехгранную и верхнюю — восьмигранную; по углам и на плоскости стен башни помещены плоские тяги, по-

* И. Иодковский. Замок в Мире, Древности, т. VI, Москва, 1915 г.

добные пилястрам. Простенки между пилястрами лишены какого бы то ни было декоративного оформления. Несмотря на то, что все пять башен Мирского замка стилистически и типологически представляют

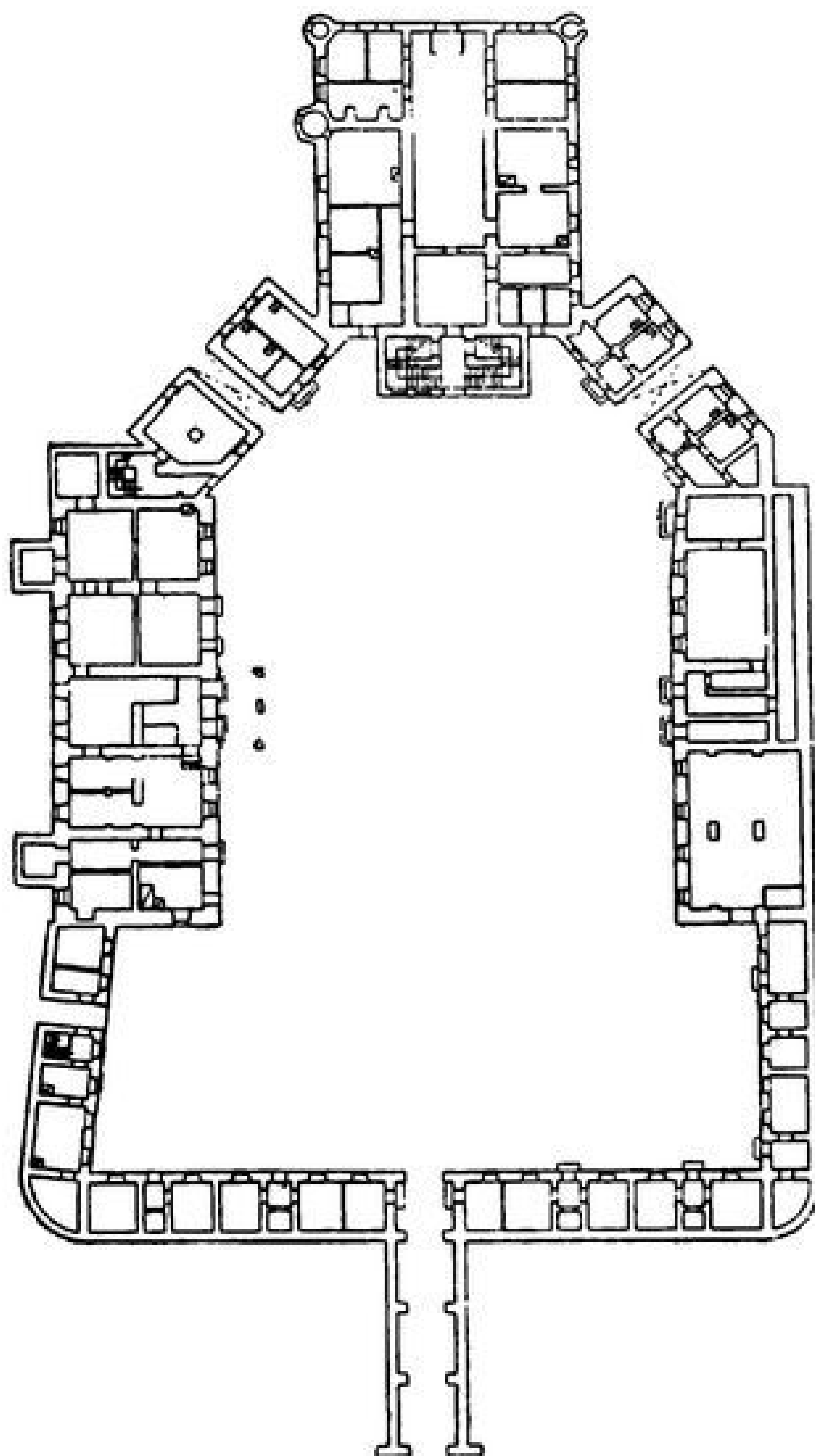

Рис. 15. План замка XVI—XVII вв. Несвиж.

одно целое и выстроены, по всей вероятности, под руководством одного зодчего, ни одна из них не повторяет другой. Каждая имеет свой индивидуальный архитектурный облик.

По наружному виду башни Мирского замка несколько напоминают Кукуевскую башню Новгородского кремля. Нижний этаж Новгородской башни также четырехгранный, а два верхние этажа — восьмигранные. Объем этажей последовательно уменьшается снизу вверх. Это придает наружному облику башни ярусный вид, свойственный башням русской архитектуры. Башни, подобные мирским, имелись и в Витебской крепости XVII в. Все это говорит о том, что башни типа Мирского замка широко распространены в белорусской архитектуре. Эта архитектурная особенность свидетельствует о связи их с деревянными ярусными башнями Белоруссии, а также с каменными и деревянными ярусными башнями русской архитектуры.

Внутри Мирского замка имеется большой трехэтажный дворец. Его нижний этаж был выстроен вскоре после возведения стен и башен замка, верхние же два этажа надстроены несколько позже, однако не позднее 1655 г., так как в инвентаре Мирского замка упоминается, что верхний этаж сильно пострадал во время войны Польши со Швецией в 1655 г. *. В нижнем этаже дворца было 14 комнат. В плане все они имели вид удлиненных четырехугольников примерно одинаковой формы и размера. Большинство комнат было изолировано друг от друга. Это обстоятельство, а также отсутствие коридоров и общих залов указывает на то, что дворец не являлся местом жительства самого владельца замка, а скорее всего имел служебное назначение. Нижний этаж дворца Мирского замка имел окна, близкие по своей форме и характеру украшения к окнам дворца замка в Шидловицах и Нижнего дворца в Вильно.

Замок в Мире был обнесен с четырех сторон земляным валом. С юга к замку примыкала небольшая речка. Необходимо отметить, что водные бассейны как искусственные в виде прудов и рвов, так и естественные (реки и озера) были необходимой частью замковых ансамблей. Назначение водных бассейнов в белорусских замках XIV—XVII вв. было двояким. Они

---

* И. Иодковский. Замок в Мире, Древности, т. VI, Москва, 1915 г.

входили в систему крепостных сооружений и рассматривались как дополнительные оборонные приспособления, затрудняющие противнику подход к стенам и валам замка. Наряду с этим водные бассейны необходимы были для снабжения жителей водой, особенно в период осады.

Если замок размещался на высокой горе, то снабжение водой осуществлялось через специальные подземные тайные ходы или же через калитки, устроенные в крепостных стенах и ведущие к водным бассейнам. Оригинальный способ снабжения замка водой был применен в Смольянском замке. Посредине его внутреннего двора был вырыт глубокий котлован, дно которого находилось ниже грунтовых вод; это обеспечивало бесперебойное снабжение замка чистой водой.

Замок в Мире является выдающимся архитектурным сооружением Белоруссии. В его архитектуре нашла яркое отражение эпоха феодализма с ее непрекращающимися войнами, с постоянной угрозой быть подвергнутым опасности нападения, ограбления и смерти. Богатый дворец с мощными стенами и башнями, господствовавший над окружающей местностью, над подвластным феодалу городом Миром и окружающими его бедными деревнями, отражает классовое деление общества на господ и угнетенных. Его мощь и монументальность, воплощенные в камне и кирпиче, выражали собой силу и неограниченную власть магната над всем живым и мертвым, над закрепощенным крестьянством и многочисленным штатом придворных. Громадные размеры, толстые массивные стены, фланкированные высокими башнями, придают замку в Мире величественный и строгий вид. Средневековая строительная культура, с ее стремлением к массивным формам, простоте конструкции, нашла в этом замке свое наиболее полное выражение. Замок в Мире в свое время являлся значительным культурным центром. В залах и комнатах его дворца хранились редкие книги, предметы искусства и драгоценности.

Интересную группу крепостных сооружений составляют низинные замки, расположенные на равнинной или слегка всхолмленной местности, на берегах рек, озер или прудов. Наиболее типичным из них является замок в Несвиже, окруженный с двух сторон прудом и с двух других — глубоким рвом; его мощным оборонным сооружением является четырехугольный в плане земляной вал с бастионами по углам. Замки подобного типа являлись резиденциями магнатов, экономическими и административными центрами их многочисленных имений. Вследствие этого внутри они имели монументальные дворцы и другие постройки. Строились замки, как правило, на окраине городов или на некотором расстоянии от них, по заранее составленному плану. Они имели правильные геометрические планы в форме четырехугольника или многоугольника. Большинство подобных замков выстроено в XVI в.

По планировке, архитектуре и системе оборонных приспособлений к Мирскому замку примыкают крепости Сокол, Туровля, Красная и Ситно, созданные на берегах рек или озер в XVI в. Они имеют правильные геометрические планы и укреплены мощными стенами и башнями. В отличие от Мирского замка — резиденции белорусского магната Ильинича — упомянутые крепости выстроены русскими для оборонных целей.

Кроме отмеченных типов крепостных сооружений, здесь не упомянуты монастыри, укрепленные храмы, о которых речь будет ниже, городские и сельские усадьбы магнатов, обнесенные стенами и башнями. Но уже из этого видно, что крепостные сооружения Белоруссии по своей планировке, архитектуре и системе оборонных сооружений были довольно различны. Это разнообразие объясняется, прежде всего, тем, что они строились представителями различных государств, социальных прослоек и были предназначены для различных целей.

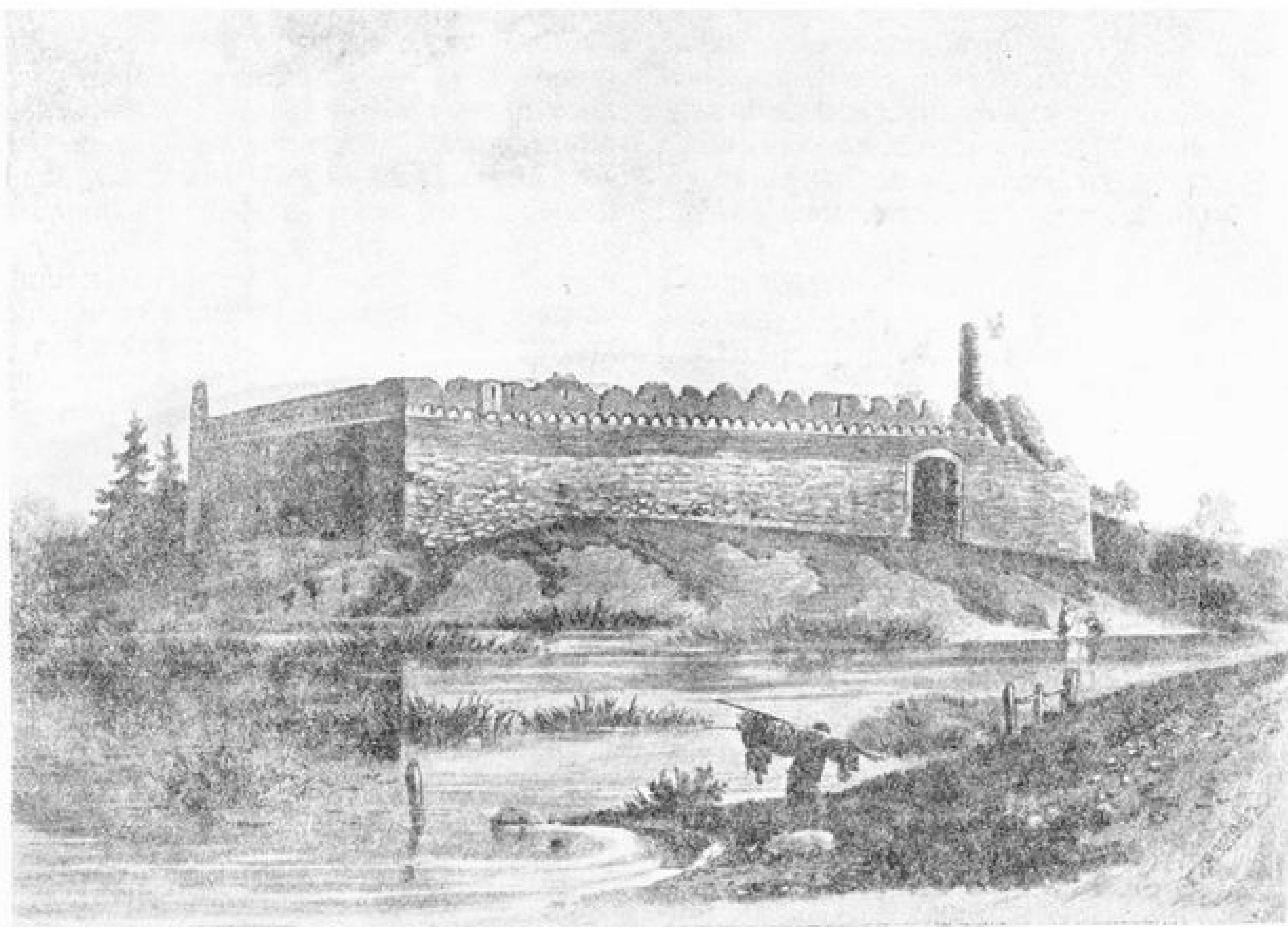

Рис. 16. Крепость в г. Лиде XIV в.

4. Крепостное зодчество XIV—XVI вв.

Помимо городских укреплений, в различных местах Белоруссии в XIV—XVI вв. было создано много крепостей, предназначенных для защиты границ или наиболее важных в стратегическом отношении районов. Вследствие того, что крепости на территории Белоруссии строились различными государствами, они имели довольно разнообразные плановые и композиционные решения. Одни из этих крепостей сооружались на высоких холмах, другие на равнинах, одни из них укреплялись стенами, другие же земляными валами. Большинство крепостей строилось из дерева. Только немногие возводились из камня и кирпича. Примером каменной крепости, выстроенной для защиты западных границ от немецких псов-рыцарей, является крепость в Лиде.

Крепость в Лиде возведена в 1323 г. мастерами Киева и Волыни. Здесь мы имеем новый факт тесной связи белорусского замкового зодчества с крепостной архитектурой Украины. Известно, что многие города и замки Белоруссии были выстроены киевскими князьями (замок в Новогрудке и Гродно). Это опровергает утверждения буржуазных националистов о том, что якобы замковое зодчество Белоруссии с XII в. порывает всякие связи с русским и украинским зодчеством, что оно окончательно подпадает под влияние немецкого крепостного зодчества, заимствуя от него стиль и строительные приемы.

Лидская крепость несколько раз разрушалась, причем страдали, главным образом, ее внутренние деревянные строения. Стены же в основном сохранились. План

замка квадратный. По своей архитектуре Лидская крепость ближе всего стоит к Луцкому замку, выстроенному в 1383 г. Форма стен, остатки декоративных украшений на стенах Лидского замка, а также фрагменты бойниц напоминают собой соответствующие детали Луцкого замка.

Интенсивное крепостное строительство на территории Белоруссии проводилось в XVI в. в период войн между Польшей и Россией. В это время польскими магнатами и королем Стефаном Баторием только на территории современной Витебской области были выстроены десятки замков и крепостей.

Много крепостей в это время было выстроено также и русскими. Только за два года (1566—1567 гг.) в Белоруссии русскими войсками построено более шести крепостей и замков *. Эти крепости были звеном той цепи крепостных сооружений и укрепленных городов, которые были созданы на востоке, юге и западе России для защиты от вражеских вторжений. Они составляли две оборонительные линии. Одна из них начиналась от Нижнего-Новгорода и шла через Муром, Касимов, Переяславль-Рязанский, Тулу, Козельск и затем поворачивала на север. Вторая линия начиналась в Свияжске, расположенном недалеко от Казани, на западном берегу Волги, и шла через Алатырь, Шацк, Ряжск, Орел, Рыльск, Путивль, Новгород-Северский и далее — на север, вдоль русско-польской границы, через Смоленск, Лепель, Уллу, Полоцк, Ситно и другие.

Большинство крепостных сооружений, созданных в Белоруссии, было выстроено из дерева; только крепости Туровля и Суша были сооружены из камня. Значительный интерес представляют для нас планы этих крепостей. Крепость Туровля в плане была квадратной формы, Козьян и Красная — треугольной, Ситно имела вид трапеции, Сокол — полукруга, замкнутого прямой линией. Таким образом, мы видим, что планы этих крепостей имели вид правильных геометрических фигур. Крепостные сооружения с подобными планами довольно часто встречаются и в архитектуре замков Белоруссии.

Все крепости были окружены трудно проходимыми препятствиями. Так, крепость Суша находилась на острове озера Суша, Туровля окружена рекой Двиной, впадающей в нее безымянной речкой и озером. Крепость же Красная располагалась на возвышенности, окруженной с трех сторон озерами. Выстроенные в XVI в., эти крепости продолжают традиции крепостной архитектуры Белоруссии предшествующего периода. Их планы соответствуют по форме тем участкам, на которых они построены. Площадка, на которой построена крепость Туровля, по форме приближается к квадрату. Это определило форму самой крепости. То же мы видим и в треугольной крепости Красной. Возвышенность, где построена эта крепость, имеет вид треугольника, окруженного с трех сторон озерами.

Изображены крепости с высоты птичьего полета. Благодаря этому мы можем ознакомиться не только с характером стен, обращенных на рисунках к зрителю, но и изучить форму планов и систему расположения внутренних строений. Художник сумел изобразить не только отдельные сооружения крепости — стены, башни и внутренние строения, но и их детали и части. Например, на всех стенах показаны бойницы, характер покрытий, в башнях отчетливо видны членения на отдельные части: фундаменты, стены, покрытия. Стены всех

---

* Рисунки этих крепостей воспроизведены в статье А. Сапунова «Рисунки крепостей, построенных... Иваном Грозным в Белоруссии», помещенной в книге «Полоцко-Витебская старина», вып. II, Витебск, 1912 г., а также в статье Коркунова «Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г.», «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 15, № 7—9, Петербург, 1857 г.

В книгах помещено 8 рисунков крепостей, выстроенных Иваном Грозным в Белоруссии в 60-х годах XVI в. во время войны с Польшей. На всех восьми листах имеются надписи: «Баптиста де Кавалерис в Риме вырезал, лета от Р. Х. 1580». Рисовал же эти рисунки секретарь коронной канцелярии Польши в 1579 г. С. Пахолович. На гравюре, изображающей осаду Полоцка, имеется надпись: «Чертил в самом лагере С. Пахолович».

Всего гравюр 8: 1. Описание Полоцкого княжества (карта). 2. Взятие Полоцка. 3. Крепость Туровля. 4. Крепость Ситно. 5. Крепость Козьян. 6. Крепость Красная. 7. Крепость Суша. 8. Крепость Сокол.

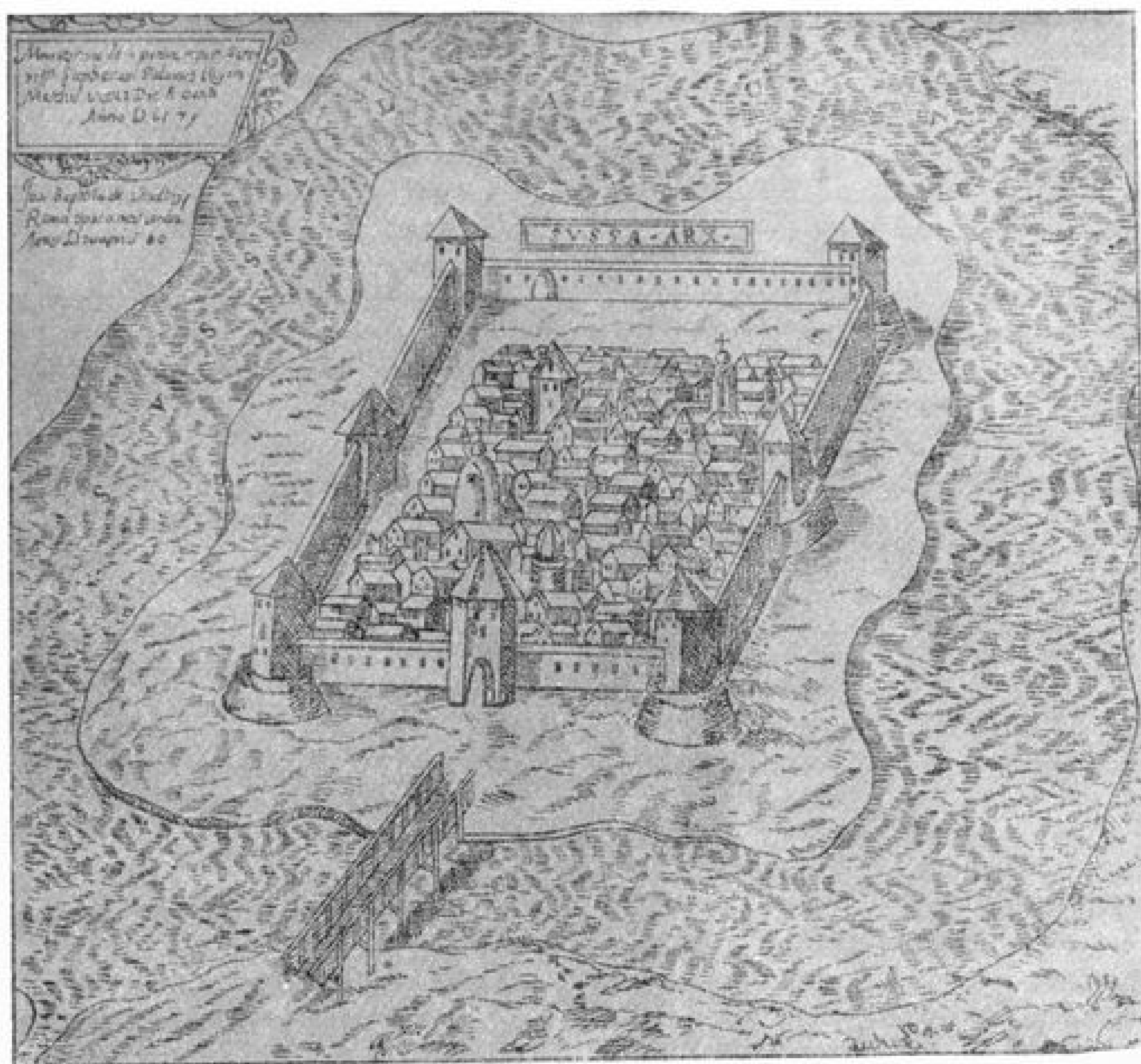

Рис. 17. Крепость Суша. Гравюра XVI в.

крепостей снабжены большими бойницами в виде окон, расположенных примерно на той же высоте, что и бойницы Мирского замка. Стены крепостей Туровля, Красной и Козьян имели двускатные кровли. В рисунках остальных крепостей кровли не показаны. Вполне возможно, что их не было. Нижние части башен, за исключением въездных, во всех случаях были круглыми, со значительным расширением книзу. Фундаменты завершались массивными полукруглыми поясами.

Формы башен были довольно разнообразными. Так, в крепостях Ситно и Козьян все башни были четырехугольными и завершались двускатными кровлями. Все наружные стены четырехгранных башен имеют по две бойницы в нижних частях и по две — в верхних. В средней части стен изображены на рисунках большие полукруглые бойницы, предназначавшиеся для пушечного боя. Исходя из того, что бойницы располагались в три яруса, можно сделать вывод, что башни крепостей были трехэтажными.

Внутренние части всех крепостей были застроены гражданскими и культовыми зданиями, расположенными довольно скученно. В большинстве они были одноэтажными, с двускатными кровлями. Однако имелись постройки и с восьмискатными кровлями (крепость Ситно). Подобного типа кровли встречались и в замке Гродно.

Наиболее сложный вид как по плану, так и по характеру стен и башен имела крепость Сокол. Ее план, как было ука-

зано выше, состоял из полуокружности, замкнутой прямой линией. Башни крепости были довольно разнообразными. Это дает возможность сделать вывод, что они строились в разное время. Пять башен из одиннадцати имели четырехугольную форму, причем три из них покрыты двускатными кровлями, а две — шатровыми.

5. Культовое зодчество XIV—XVI вв.

Выше указывалось, что частые войны, происходившие на территории Белоруссии, а также ожесточенная социальная и национальная борьба оказали влияние на характер зодчества. Это нашло свое выражение не только в том, что значительная доля строительных работ была направлена на создание городских укреплений, замков и крепостей, но и во влиянии крепостного строительства на другие виды архитектуры, и в частности на церковное зодчество.

Многие памятники белорусской церковной архитектуры XV—XVI вв. имели оборонные приспособления и были укреплены башнями, крепостными стенами, земляными валами и, следовательно, предназначались не только для отправления религиозных культов, но и для целей обороны. Укрепленные церкви Белоруссии по своей планировке и конструкции делятся на два вида: храмы, снабженные бойницами и укрепленные крепостными башнями, и храмы, обнесенные крепостными стенами с башнями или земляными валами.

Большинство укрепленных храмов Белоруссии имеет по углам четыре крепостные башни. В этом отношении они не представляют исключения. Известно, что храмы с башнями встречаются и в русской архитектуре — в соборе Софии в Новгороде, в Черниговском соборе, в соборе Софии в Киеве XI в., а в более позднее время в Дьяковской церкви XVI в. под Москвой и в церкви Иоанна Богослова XVII в. в Ростове.

Разница между белорусскими и русскими храмами с башнями состоит в следующем. Белорусские укрепленные храмы имеют по четыре крепостные башни с бойницами, в то время как русские храмы фланкировались одной или двумя башнями без бойниц. В русской архитектуре башни занимали самое различное положение по отношению к основному объему церкви, в белорусской же существовало установившееся правило: башни всегда размещались по углам храма, так же как это делалось в четырехугольных замках и крепостях (замок в Мире, крепость Суша).

Укрепленные храмы, фланкированные крепостными башнями, встречаются в архитектуре Польши (костел в Борхове), в архитектуре Литвы (костел бернардинов, Пречистенская, Троицкая и Преображенская церкви). Ближе всего белорусские укрепленные церкви стоят к виленским церквам XIV—XVI вв. Последние, так же как и белорусские, были фланкированы по углам четырьмя крепостными башнями и имели удлиненные корпуса, заканчивающиеся абсидами. К укрепленным храмам Белоруссии относятся церкви в Сынковичах, Маломожейкове, Супрасле, Заславле и др.

По вопросу времени постройки Сынковичской церкви среди ученых существуют разногласия. Согласно письменным источникам, храм в Сынковичах был построен в 1447 г. Однако Иодковский опровергает эту дату и склонен считать, что он был построен в середине XVI в. *. Для того чтобы в какой-то степени приблизиться к правильному решению данного вопроса, необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на особенностях конструкции стен. Обращает на себя внимание, что стены храма как по вертикали, так и по горизонтали не имеют одинаковой толщины. Кроме того, внутри северная стена обработана поразному: половина стены от входа расчленена пилястрами, а другая ее половина, ближе к алтарю, имеет гладкую поверхность.

План храма перекошен: направление

* И. Иодковский. Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси, Древности, т. VI, Москва, 1915 г.

абсид не совпадает с направлением северной и южной стен, перекошена по отношению к продольным стенам и абсиде западная стена. Все эти особенности храма, т. е. неодинаковая толщина и обработка стен и перекошенность плана, свидетельствуют о том, что существующая в настоящее время церковь выстроена в два приема: начата, по всей вероятности, в XV в., а закончена в XVI в. О том, что храм в Сынковичах заложен ранее XVI в., свидетельствует его план, имеющий вид удлиненного прямоугольника, заканчивающегося с востока тремя полукруглыми, неглубокого профиля абсидами. Внутри храм разделен столбами на три нефа. Таким образом, мы видим, что в его плане воспроизведена с некоторыми изменениями форма планов храмов западнорусского зодчества. Однако в нем имеется ряд черт, отличающих это сооружение от круга памятников древнерусского зодчества. Если в западнорусских церквах средние нефы всегда делались более широкими, чем боковые, то в Сынковичской они почти равны между собою. Нефы последней разделены на отрезки одинаковой величины, в то время как в западнорусской архитектуре XII в., как правило, удлинялось подкупольное деление нефов за счет укорочения угловых.

Эта особенность храма не является случайной и связана с общей его композицией. Как известно, храмы западных областей Руси XII в. завершались главой, покоящейся на четырех средних столбах. Диаметр барабанов, как правило, соответствовал величине подкупольного квадрата, который, в свою очередь, равнялся ширине среднего нефа. Но так как диаметр барабана всегда был шире одной трети ширины храма, то и средние нефы делались более широкими, чем боковые. Церковь в Сынковичах, как и многие другие храмы XVI в., не имеет главы. В таком случае не было необходимости создавать мощные опоры для главы и увеличивать подкупольное деление нефов за счет боковых.

Вторая отличительная черта Сынковичской церкви от большинства церквей западнорусских областей состоит в зальности ее внутреннего пространства. Общая площадь стен и столбов этого храма занимает значительно меньшее место по отношению ко всей площади храма, чем в Спасо-Евфросиньевской церкви. В этом сказалось, прежде всего, совершенствование строительной техники, употребление при постройке новой формы кирпича, близкого к современному, обладающего большей сопротивляемостью давлению, чем плитняковый кирпич, замена старого перекрытия более устойчивым крестовым и более равномерное распределение нагрузки сводов на внутренние опорные столбы.

Система оборонных приспособлений Сынковичской церкви в основном повторяет собой оборонные приспособления замков и крепостей. Она состоит из четырех башен и бойниц, размещенных как на стенах, так и на башнях. Благодаря этому снаружи Сынковичская церковь напоминает собой миниатюрный замок.

Интересны бойницы Сынковичской церкви, форма которых разделяется на четыре вида. Круглые бойницы стен, так же как и квадратные бойницы башен, предназначены для защиты подступов к храму, так как их отверстия имеют горизонтальное направление. В бойницах имеются места для воинов и круглое отверстие для наблюдения и обстрела окружающей местности. Этой же цели служат и прямоугольные бойницы, размещенные в различных местах башен. На карнизах стен помещены бойницы, имеющие вид прямоугольников, расширяющихся у входа. Эти бойницы предназначены для обороны нижних частей стен. По-иному устроены бойницы башен, расположенных на уровне карнизов стен. Большинство их в плане имеют вид вытянутых в длину четырехугольников, расширяющихся к наружной стороне. Внутри они имеют несколько ступенек, дающих возможность вести обстрел не только нижних частей стен, но и подступов к ним.

Бойницы Сынковичской церкви служили не только оборонным целям, но и средством украшения наружных стен храма. Бойницы, расположенные в верхней части стен, под кровельными скатами, образуют собой карниз. Круглые и прямоугольные с полукруглым завершением, они создавали своеобразный аркатурный пояс.

Вторым мотивом декоративного оформ-

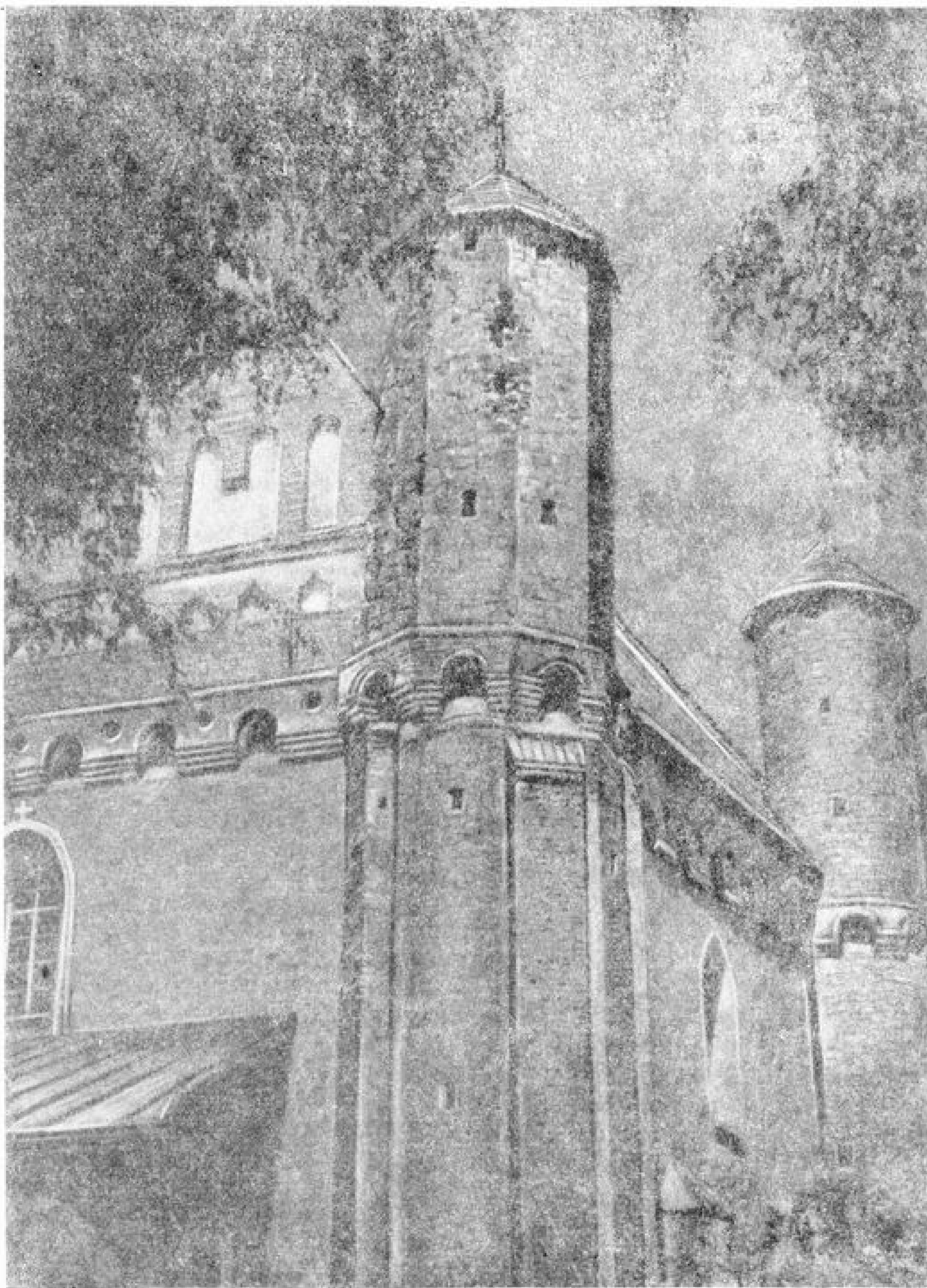

Рис. 18. Церковь XVI в. в Сынковичах. Фрагмент.

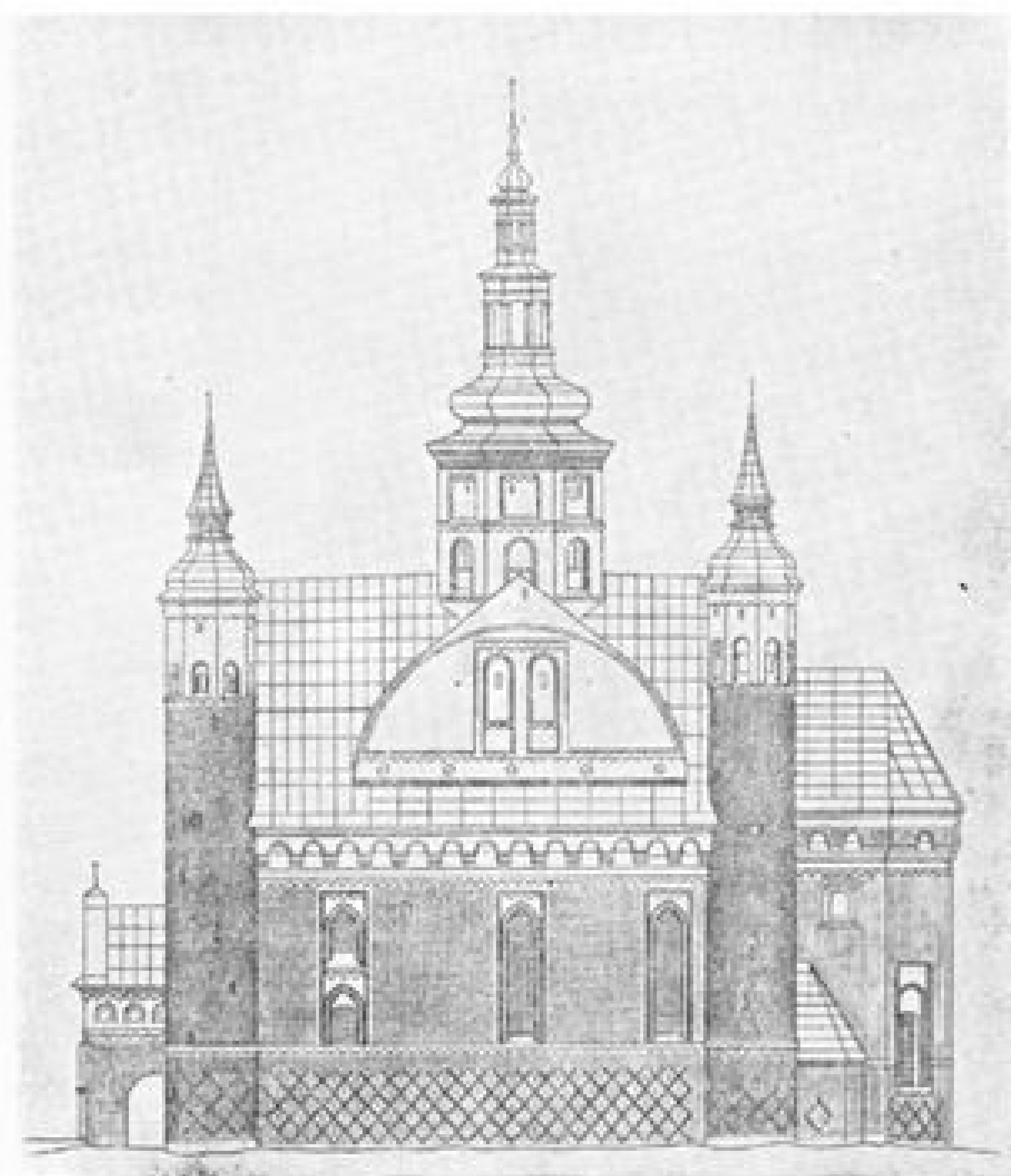

Рис. 19. Церковь XVI в. Супрасль.

ления наружных стен являются ниши западного фронтона. Расположение ниш не имеет здесь строгой закономерности и произведено по принципу наиболее полного заполнения плоскости фронтона. Ниши образуют шесть горизонтальных полос; в нижнем ряду они помещены непосредственно над карнизом и каждая в отдельности повторяет собой форму западного фасада храма. Следующий ряд ниш состоит из прямоугольников полукруглого завершения и ниш, разделенных в верхней части висячими гирями. Третья полоса ниш имеет форму квадратов с полукруглыми завершениями. Четвертый ряд состоит из круглых ниш. В пятом — размещены прямоугольные, с полукруглым завершением ниши, но более узкие, чем в четвертом ряду. Шестой ряд заполнен нишами остроконечного завершения.

Украшение фронтонов нишами встречается в архитектуре Белоруссии довольно часто. Фронтоны Маломожейковской и Супрасльской церквей также украшены нишами, хотя здесь они имеют более сдержанный характер. Подобные ниши мы встречаем на фронтонах костела Николая в Вильнюсе (1440 г.) и Богоявленской церкви в Остроге, выстроенной в XV в.

Вторым столь же интересным оборонным храмом является Благовещенская церковь в Супрасле, выстроенная в 1508—1510 гг.

Рассматривая план, организацию внутреннего пространства и характер завершения Супрасльской церкви, мы видим, что она, так же как и Сынковичская, восходит своими истоками к памятникам культовой архитектуры западных областей Руси. Из числа этих памятников Супрасльская церковь ближе всего стоит к Благовещенской в Витебске. Эта близость сказалась прежде всего в их планировке. Соотношение между длиной и шириной планов в обоих храмах одинаково. Средний неф Благовещенской церкви в два с половиной раза шире боковых и занимает преобладающее место во внутреннем пространстве храма. Продольные нефы обоих храмов разделены на отрезки одинаковой величины, а сводчатые покрытия расположены на одной и той же высоте. Эта особенность была свойственна храмам древнерусского зодчества. Супрасльская церковь в настоящее время увенчана главкой. Благовещенская церковь в первоначальном виде также была завершена главой. В этом убеждает нас рисунок Благовещенской церкви, помещенный на чертеже Витебска XVII в. Над притворами в обоих храмах помещены хоры, а входы из притвора в храм сделаны через арочные пролеты. Все это не оставляет никакого сомнения в том, что Супрасльская церковь по своей композиции тесно связана с западнорусской архитектурой XII—XIII вв.

Однако между этими храмами имеются и существенные различия. Так, например, Супрасльская церковь имеет оборонные приспособления в виде бойниц и башен, чего нет в Благовещенской. Внутреннее пространство Благовещенской церкви относительно небольшое; оно зажато среди толстых стен и разобщено массивными столбами. Внутреннее же пространство Супрасльской церкви более обширно; кроме того, в центральной части оно воспринимается как единое вследствие небольшой толщины столбов.

Указанные различия не опровергают нашего утверждения о сходстве этих храмов и являются следствием развития белорусской архитектуры периода с XII по XVI в. Это развитие шло, главным образом, по пути уменьшения толщины стен и облегчения покрытий, что, в свою очередь, позволяло увеличить внутренний объем церкви. Именно эти черты отличают Супрасльскую церковь от Благовещенской.

Заслуживает внимания целесообразность организации внутреннего пространства Супрасльской церкви, которое разделено на несколько изолированных объемов, строго соответствующих выполняемой ими функции. Основной, наиболее вместительный объем храма предназначен для молящихся; он занимает два деления нефов, во всю ширину здания. Большие окна, расположенные по два с каждой стороны, равномерно освещают пространство. Высота от пола до потолка примерно равняется ширине храма, а также длине его центральной части. Перед главным пространством храма, к востоку, открывается алтарная часть, имеющая в основе квадратный план. Притвор храма также довольно велик, он связан с центральной частью сооружения при помощи довольно больших арочных проемов.

Оборонное помещение расположено над сводом во втором этаже. Оно охватывает собой всю площадь второго этажа и связано с нижним четырьмя витыми лестницами, находящимися в четырех угловых башнях. Под полом, в его восточной части, имеется склеп, связанный лестницей с внутренним пространством храма. Первоначально склеп, вероятно, служил для хранения ценностей. Внутренний объем Супрасльской церкви полностью соответствует ее наружной композиции. Стены в нижней части храма не имеют бойниц, а большие окна (по два с северной и южной стороны) свидетельствуют о наличии внутри здания большого зала. Окна, освещающие притвор и хоры, помещены друг над другом и разделены перемычкой на уровне потолка притвора.

Боевая площадка, размещенная на чердаке снаружи, отмечена карнизом, состоящим из аркатурного пояса с помещенными в нем бойницами. Выше поднимается кровельный скат, охватывающий здание с четырех сторон. Над кровельным скатом надстроены треугольные фронтоны с вписанными в их плоскости полукругами. Весь верхний (оборонный) этаж здания обильно снабжен бойницами, которые помещены не только по линии карниза, но и на плоскости фронтонов и даже на стенах барабана. В верхней части барабана, под куполом, также имеется помещение, приспособленное для оборонных целей.

Большой интерес представляет характер пофронтонного завершения Супрасльской церкви. На первый взгляд кажется, что эта черта ставит ее особняком среди памятников белорусской, русской и украинской архитектуры. При более же внимательном рассмотрении мы видим, что пофронтонные завершения Супрасльской церкви в своих истоках восходят к позакомарным завершениям зданий русской архитектуры как домонгольского, так и более позднего времени.

Завершение стен основного объема Спасо-Евфросиньевской церкви в Полоцке состояло из трех полукруглых закомар с каждой стороны, причем средние закомары соответственно широкому среднему нефу и вместительному подкупольному квадрату имели значительно бо́льшие размеры, чем боковые позакомарные завершения.

Уже в этом решительном преобладании средних закомар над боковыми наметился путь к слиянию трехзакомарного завершения в одно полукруглое. И, действительно, в Спасо-Евфросиньевской церкви сделан следующий шаг в этом направлении. Постамент, помещенный над барабаном, имеет трехлопастное оформление с четырех сторон. В нем по существу повторилось трехчастное позакомарное завершение стен в виде трехлопастной арки, но в более слитом виде.

Следующий этап в развитии храмовых завершений русской архитектуры представляет собой Успенская церковь в Волотове (1352 г.). Форма завершения стен здесь трехлопастная, повторяющая форму трехлопастного оформления постамента Спасо-Евфросиньевской церкви. Если в последней боковые закомарные завершения хотя и были меньше по своим размерам, но имели такую же форму, как и средние, то

15

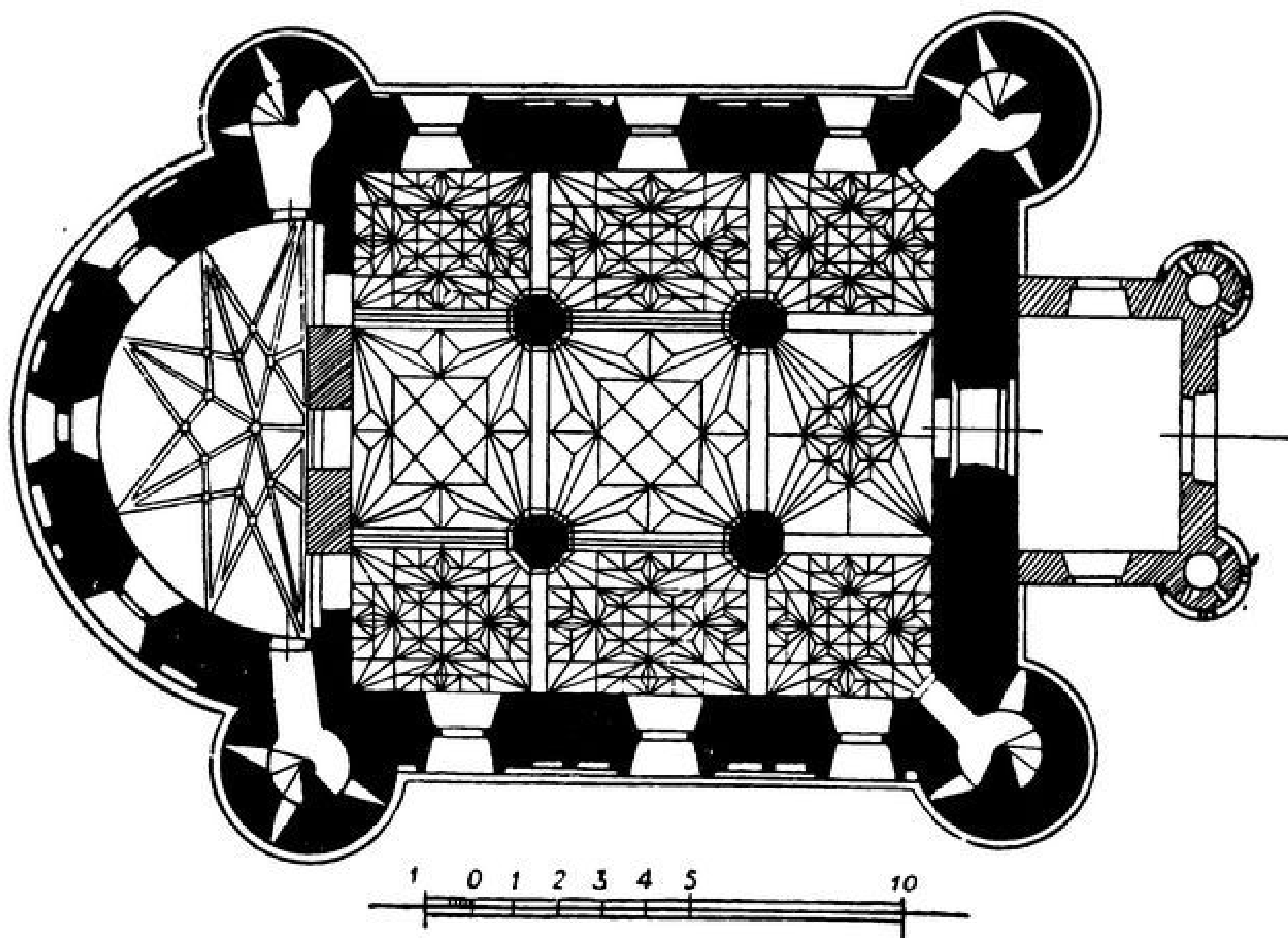

Рис. 20. План церкви в Маломожейкове XVI в.

в Успенской церкви боковые закомары потеряли свое значение, как самостоятельные детали храма, и превратились в неотделимые части средней закомары.

Завершение стен Успенской церкви в Волотове подготовило появление завершения стен Супрасльской церкви. Полукруглое оформление фронтонов Супрасльской церкви указывает на их связь с завершением Волотовской церкви. Однако в Супрасльской церкви уничтожены остатки боковых закомар, существующих в Волотове в виде боковых сегментов трехлопастных арок. Кроме того, линия фронтона в Супрасльской церкви отрезана от нижней части стен кровельным скатом и карнизом, а самый фронтон получил треугольное обрамление. Таким образом, по своей конструкции фронтон Супрасльской церкви занимает промежуточное место между лопастным завершением Волотовской церкви и завершением храмов фронтонами треугольной формы, широко распространенной в классической и барочной архитектуре Белоруссии.

Сравнивая обработку наружных стен Супрасльской церкви со стенами русских храмов как домонгольского периода, так и XVI в., мы видим, что между ними имеется довольно большая разница. Памятники русского зодчества, начиная от собора Софии в Киеве и кончая храмами, возникшими в одно время с Супрасльской церковью (например, Ризоположенская церковь в Московском кремле), имеют стены, расчлененные по вертикали пилястрами. Однако эти здания не имеют карнизов и цокольных частей, как средств горизонтального членения. В Супрасльской же церкви, наоборот, вертикальное членение стен пилястрами снаружи и внутри отсутствует; зато ее стены в нижней части опираются на довольно высокий цоколь, от которого они отделены зубча-

Рис. 21. Церковь в Маломожейкове XVI в.

тым поясом. Верхние же части стен завершены массивным карнизом, состоящим из аркатурного пояса.

Стены и башни Супрасльской церкви обильно снабжены бойницами нескольких видов.

Бойницы, расположенные на линии карнизов, служили для обороны стен здания. По своим размерам они довольно большие и явились, очевидно, основными оборонными приспособлениями. Круглые бойницы небольшого диаметра расположены на фронтонах. Место и порядок их размещения определялись, скорее всего, декоративными соображениями, а не оборонными требованиями. Это особенно заметно на северном фронтоне, где по бокам двойных ниш помещены симметрично две круглые бойницы, а в нижней части фронтона размещено пять бойниц в один ряд. Малые продолговатые бойницы имеются главным образом на башнях, где их место определяется, вероятно, расположением марша спиральной лестницы. Поэтому их размещение кажется несколько случайным, лишенным той симметричности, которая свойственна композиции бойниц карниза и фронтонов. Необходимо отметить, что бойницы играют довольно существенную роль в наружном облике храма; они органически вписаны в общую систему его декоративной обработки. Бойницы Супрасльской церкви являются основными, наиболее характерными деталями ее декоративного оформления.

Третьей по счету из числа сохранившихся церквей-крепостей является Маломожейковская церковь. О времени ее возникновения не имеется никаких сведений; однаю на основании близости этого храма

к рассмотренным выше его принято датировать также XVI в.

В общей схеме план церкви в Маломожейкове близок к плану Сынковичской церкви, но между ними есть существенные различия. План Сынковичской церкви продолговатый, а Маломожейковской — почти квадратный. Алтарная часть первой состоит в нижней части из трех полукруглых абсид, сливающихся в верхней части в одну полукруглую, алтарная же часть второй — состоит из одной полукруглой абсиды, охватывающей всю восточную стену.

Выше указывалось, что главнейшими мотивами декоративного украшения Сынковичской церкви являются ниши и бойницы, в Маломожейковской же церкви ниши почти не играют никакой роли, они едва заметны на поверхности стен. Бойницы Маломожейковской церкви по своим боевым качествам значительно уступают бойницам Сынковичской церкви.

Стены Сынковичской церкви гладкие. Стены же Маломожейковской церкви со всех четырех сторон покрыты продолговатыми нишами полукруглого завершения и нишами, завершенными гирями. Эти же мотивы ниш повторяются и на башнях. Особенно богато украшен западный фасад храма. Его поверхность также покрыта нишами. Причем оформление фасада произведено по принципу постепенного нарастания декоративности. Нижняя часть фасада лишена каких бы то ни было украшений. На верхней части размещено три прямоугольных ниши, над которыми находится ряд бойниц. Фронтон храма, имеющий фигурные завершения, украшен двумя рядами ниш. В общей сложности декоративное оформление Маломожейковской церкви богаче и разнообразнее, чем Сынковичской, но оно менее связано с конструкцией храма.

Декоративное оформление потолков Супрасльской, Маломожейковской и Сынковичской церквей в основном можно разделить на два вида. К первому из них относятся звездчатые своды. Таким сводом перекрыто иконостасное пространство Супрасльской церкви. Состоит оно из гуртов, расходящихся в радиальном направлении от средины. Переплетения гуртов образуют ромбы разнообразной формы и величины, плоскости ромбов заполнены изображениями святых и орнаментом.

Подобный звездчатый свод встречается и в Маломожейковской церкви, но гурты свода там проще, а плоскости, образованные пересечением этих гуртов, имеют не только ромбовидную форму, но и треугольную. Кроме того, в отличие от Супрасльской церкви звездчатые своды Маломожейковской не имеют живописного оформления.

Другим видом декоративной обработки потолков этих храмов являются сотообразные своды, состоящие из треугольных и ромбовидных углублений в виде пчелиных сот. Наиболее оригинальный тип такого свода встречается в притворе Супрасльской церкви. Нечто подобное мы имеем и в оформлении свода диаконника в Сынковичской церкви с тем лишь различием, что углубления сводов в Супрасльской церкви, напоминающие соты, в Сынковичской превратились в ромбовидные, располагающиеся вокруг центральной точки. Эта последняя особенность приближает форму таких сводов к звездчатым. Подобные своды встречаются и в архитектуре Литвы и Польши. Так, своды северного нефа и сакристин в Бернардинском костеле в Вильно имеют форму, сильно напоминающую по своему характеру своды Супрасльской и Сынковичской церквей.

Из рассмотренных храмов-крепостей ни один не дошел до нас в первоначальном виде. Сынковичская церковь, как указывалось выше, перестраивалась в XVI в., Супрасльская же — в XVIII в. Во время этой перестройки были надстроены верхние этажи башен и барабан с главой. Возможно, что в это время в какой-то мере изменили свою форму верхние части стен и их фронтоны. Маломожейковская церковь также подвергалась ремонту, во время которого были надстроены верхние ярусы башен и, возможно, была изменена форма западных и восточных фронтонов. Однако, несмотря на все переделки, храмы эти сохранили свои первоначальные планы, конструкции и часть декоративных украшений.

Ожесточенная борьба, разгоревшаяся между реформатами и католиками, нападе-

ние фанатически настроенных католиков под руководством монахов католических орденов на реформатские храмы, типографии и школы вызвали необходимость укреплять их. Поэтому храмы реформаторов, как правило, обносились крепостными стенами и башнями (храмы в Осташине и в Дзержинске) или же земляными валами с бастионами (Преображенская церковь в Заславле).

По внешнему виду храм в Осташине напоминал крепость. Будучи небольшим по размерам, он имел маленькие окна, напоминающие бойницы крепостных башен, и исключительно толстые стены, достигавшие 2 метров толщины. В плане храм имеет вид вытянутого прямоугольника, заканчивающегося с одной стороны треугольной абсидой, а с другой — прямоугольной башней. Наружные стены храма гладкие, башня состоит из четырех прямоугольных ярусов, уменьшающихся в объеме и высоте от нижнего яруса к верхнему, вследствие чего она приобрела ярусный вид. Снаружи храм имеет вид массивного нерасчлененного блока, что делает его похожим на каменную монолитную глыбу, высеченную из скалы. Впечатление массивности еще больше увеличивается относительно небольшой высотой храма, где высота стен равна высоте кровли, а высота четырехъярусной башни только немногим выше самого храма.

Внутри храм еще более прост, чем снаружи. Гладкие стены, прорезанные небольшими окнами, отсутствие внутренних опорных столбов и каких-либо перегородок — все это создает впечатление строгости и некоторой угрюмости, делает внутреннее пространство единым, нерасчлененным. Алтарная часть, имеющая в плане форму усеченного треугольника, сливается с общим объемом храма.

Столь же проста по своему плану и конструкции Преображенская церковь в Заславле, выстроенная Иваном Глебовичем в 1557 г. Снаружи она имела вид прямоугольного блока с высокой башней. Как и Осташинский храм, Преображенская церковь в Заславле относится к типу укрепленных храмов. Как было указано выше, со всех сторон она окружена высоким земляным валом с мощными земляными бастионами по углам. В настоящее время ее стены по линии карнизов украшены ложными бойницами в виде висячего аркатурного пояса. Толщина верхних частей стен значительно меньше нижних. Кроме того, следует заметить, что верхние и нижние части стен имеют различную обработку. Это позволяет сделать вывод, что храм, вероятно, подвергался перестройке, во время которой были уничтожены бойницы и заменены декоративными; иначе непонятно, для чего понадобилось строить храм крепостного типа, обносить его земляным валом, снабжать башню бойницами и в то же время вместо настоящих устраивать ложные декоративные бойницы.

Строительство Преображенской церкви в Заславле после Осташинской представляет собой следующий этап в развитии бесстолпных храмов Белоруссии. Хотя она и имеет толстые стены, приземиста, скромно украшена внутри, однако ее пропорции по сравнению с Осташинским храмом более легкие, башня более стройная, стены храма внутри и снаружи расчленены пилястрами, карниз наружных стен обработан рустами. Все это оживляет наружный вид храма, делает его более нарядным, чем Осташинский.

Наряду с храмами центричного и базиликального типа в белорусской архитектуре встречаются круглые храмы. Наиболее интересным из них является церковь Креста в Гродно, изображенная на плане Гродно XVI в. План этой церкви круглый, а основной корпус имел вид ротонды, на которой помещена круглая надстройка той же формы, что и нижняя, но значительно меньших размеров. Завершался храм круглым барабаном с куполом формы срезанной дыни *.

Все три яруса церкви Креста связаны между собой кровельными скатами. Нижний скат имел вид опрокинутого блюдца, образующего навес над стеной. На кровельном скате второго этажа была помещена круглая балюстрада, охватывавшая собой нижнюю часть второго яруса. Стенки нижнего яруса имели круглые окна, а выше был помещен орнамент, состоящий

* Стасов В. В. Православные церкви Западного края, Сборник археологического института, кн. III, отд. II.

из полукругов, которые в точке соединения образовывали зубцы, заканчивающиеся шишечками. В древности, как это видно по плану города Гродно, церковь Креста была окружена жилыми и другими строениями, среди которых она выгодно выделялась большими размерами и красотой форм.

Рис. 22. Церковь Креста в Гродно. Гравюра XVI в.

Храмы-ротонды были широко распространены в мировой архитектуре. В Европе наибольшее распространение они получили в Чехии. Одним из древнейших круглых храмов Чехии является храм Вита в Праге, послуживший прототипом для создания многих храмов. Другим широко распространенным типом храмов в чешской архитектуре являются храмы-крепости с башнями.

Из всех стран Западной Европы Чехия наиболее сильно испытала немецкую экспансию. Вследствие этого ее архитектура как культовая, так и гражданская, больше, чем в какой-либо другой стране, вынуждена была принимать на себя оборонные функции. Известно, что епископ Табор в XII в. переделал много чешских церквей в храмы-крепости, а Вацлан приказал строить круглые костелы по всей Чехии наподобие костела Вита.

В связи с этим возникает мысль, что распространение круглых храмов в Чехии объясняется стремлением придать культовой постройке оборонный характер, тем более, что многие круглые культовые сооружения были похожи на башни и имели оборонные приспособления в виде зубцов на вершинах стен (гробница Цецилии Метеллы в Риме и храм в Константинополе, изображенный на плане города Константинополя в XVI в.).

Во второй половине XVI в., в связи с насильственным введением унии и католицизма в Белоруссии, начинают возникать повсеместно католические монастыри, коллегиумы и костелы. Наибольший интерес среди культовой католической архитектуры представляет костел Михаила в Гнезно первой половины XVI в. Прямоугольный в плане, заканчивающийся трехгранной абсидой, костел этот интересен, прежде всего, как наиболее ярко выраженное готическое сооружение на территории Белоруссии. По каким-то неизвестным причинам костел не был достроен, об этом свидетельствуют отсутствие внутренних опорных столбов, плоский потолок, сделанный из досок. Наружные стены костела фланкированы мощными профилированными контрфорсами, простенки между которыми прорезаны большими стрельчатыми окнами с нишами по сторонам. Ниже окон стены опоясаны тягами. Наиболее же интересно оформлена трехъярусная башня, стены которой снабжены окнами полукруглого завершения, украшены стрельчатыми и полукруглыми нишами. Все это свидетельствует о принадлежности костела к готической архитектуре.

Одновременно следует отметить черты некоторого своеобразия этого здания. В отличие от западноевропейских готических сооружений, стены которых состояли из конструктивного скелета и заполняющих простенков, стены костела в Гнезно производят впечатление единого массива. Контрфорсы же воспринимаются как приставленные к стене и предназначались исключительно для уничтожения силы распора. Костел в Гнезно невысокий. Основной его корпус производит впечатление приземистого здания. Только башня, несмотря на свои массивные формы, энергично вздымается ввысь и занимает в архитектуре Гнезно доминирующее положение. Общий облик здания спокойный, уравновешенный. Все это говорит о том, что готические постройки на территории Белоруссии имели иной характер, чем в западноевропейских странах.

Глава IV

Архитектура XVII—XVIII вв.

1. Планировка и застройка городов

Большинство белорусских городов возникло в XI—XIII вв., причем к началу XVII в. многие из них, как Витебск, Полоцк, Могилев и другие, превратились в крупные торгово-ремесленные центры, где развивались торговля, кузнечное, гончарное, ювелирное и прочие ремесла. В городах существовали школы, типографии, работали граверы, живописцы и скульпторы. Следует отметить, что с конца XVII в. и в течение почти всего XVIII в. (до 70—90-х годов) белорусские города переживали полосу упадка и застоя, вызванных жестоким социальным и национальным гнетом. О том, насколько были обострены классовые и национальные противоречия в белорусских городах того времени, свидетельствуют следующие факты. В XVII в. в Витебске было 990 усадеб, не считая замковых. Из них пану Старосельскому принадлежало 112, Антонию Селяве — 180. Всего же в руках феодалов, духовенства (преимущественно католического) и торгово-ростовщической верхушки находилось 590 усадеб и лишь только 400 принадлежало мелким торговцам и ремесленникам*. Значительная часть городских земель была захвачена католическими миссионерскими орденами. Так, в Могилеве иезуитам принадлежала четвертая часть всех земельных угодий. Разделение общества на классы определило собой деление городской застройки на аристократические кварталы, занятые роскошными дворцами, административными сооружениями, и на кварталы городской бедноты и ремесленников, застроенные хижинами.

Город — сложный организм. Помимо социально-исторических явлений, на его облик оказывали влияние и такие факторы, как рельеф местности, наличие водных бассейнов, торговых площадей, городских укреплений и т. д. Белорусские города XVII в. состояли из нескольких частей (районов). Главнейшими из них были: замок, расположенный, как правило, на высоком мысу, при впадении одной реки в другую, центральная часть с главной площадью и окраинные районы города. В большинстве все эти части города укреплялись деревянными, а иногда каменными стенами и башнями или рвами и земляными валами.

Центрами городов были главные площади, на которых проводились общегородские собрания, велась торговля, строились административные торговые и складские помещения и частично дома городской знати. Следует заметить, что появление торговых площадей относится к моменту зарождения

* Сементовский. Витебск (Статистический очерк), Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г., СПБ, 1865 г.

городов; формирование их происходило вместе с развитием городов. Расширение городской территории, изменение в планировке и застройке немедленно отражались на характере площади. Являясь составной неотъемлемой частью города, площадь влияла в свою очередь на его планировку, на направление и форму улиц, на характер застройки кварталов.

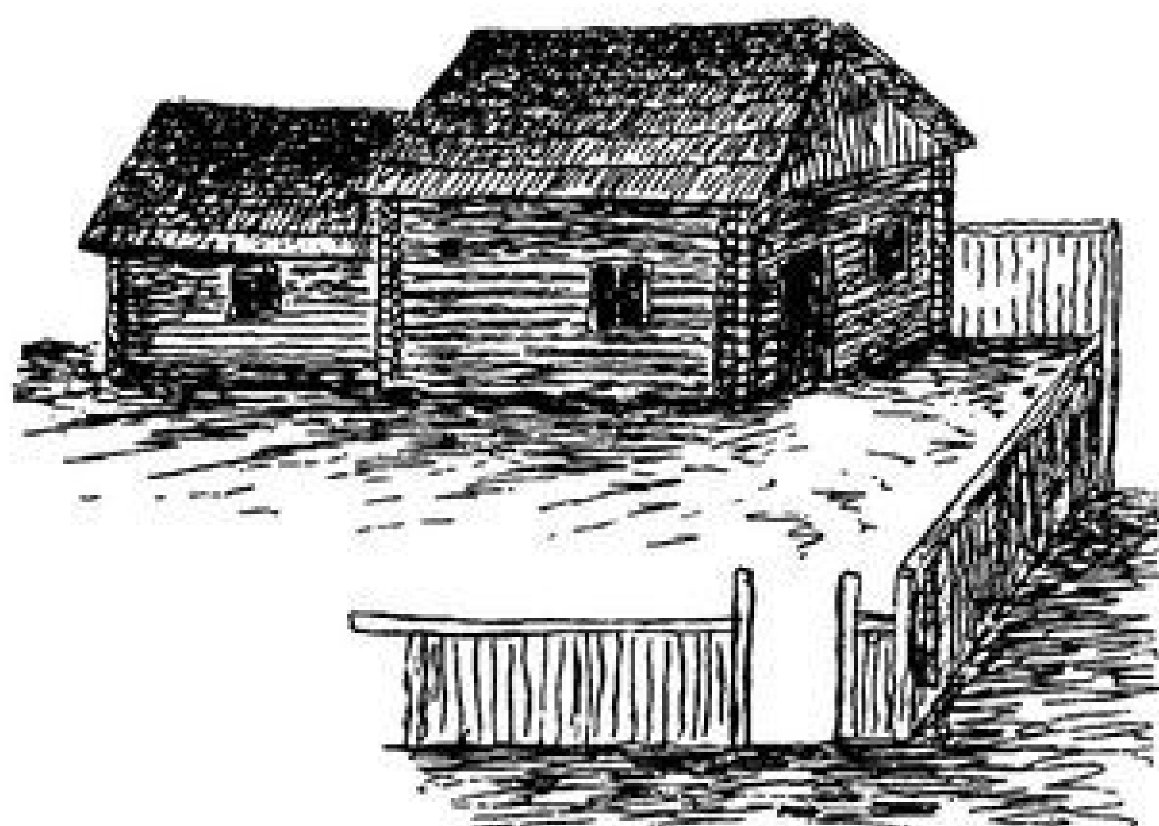

Рис. 23. Изба XVII в. в Витебске.

Значительное влияние на планировку и застройку городов имели городские укрепления, так как для их строительства была необходима свободная территория. С этой целью во многих случаях сносились целые кварталы, что влекло изменение городской застройки. Внутри укрепленного района застройка была более уплотненной, чем за его стенами, так как каждый житель города стремился поселиться внутри укрепления.

Городские укрепления, охватывавшие центры городов со всех сторон, содействовали созданию кольцевой системы улиц. К крепостным воротам (брамам) с напольной стороны подходили дороги, а со стороны города — улицы. Пересечением их с поперечными улицами было положено начало возникновению ряда городских площадей. Кроме того, брамы, число которых лимитировалось военными и экономическими соображениями, содействовали превращению улиц, идущих к ним от главной площади, в основные городские магистрали.

У нас нет документальных данных о создании проектов планировки белорусских городов в XVII и первых трех четвертях XVIII в. Не сохранилось по этому вопросу и архивных данных. Можно, однако, утверждать, что известные планировочные мероприятия тогда проводились, например, в Могилеве, Несвиже, Слуцке. В Могилеве в середине XVIII в., согласно постановлению скарбовой комиссии «О мерах к окончанию размежевания городских земель» *, проводились работы по урегулированию городского землепользования.

Мероприятия подобного рода, осуществлявшиеся и в других городах, были направлены на увеличение размеров и создание более компактных земельных владений господствующих слоев населения, а также увеличение налогового бремени на трудящихся. Например, в 1726 г. в Чечерске были организованы работы по планировке центральной части города «для лучшего порядка и увеличения прибыли своих и приезжих купцов» **. С этой целью переносились на окраины дома, принадлежавшие беднейшей части горожан, а на их месте воздвигались дома купцов, торговые ряды и складские помещения.

Сохранившиеся до нашего времени архитектурные сооружения белорусских городов XVII—XVIII вв. делятся на несколько видов: жилые, административные, крепостные и культовые.

Важнейшим видом архитектурного строительства Белоруссии является жилая архитектура. В этом массовом строительстве с наибольшей полнотой отразились социальные условия жизни, быт и культура трудового народа. К сожалению, возможности исследования этого главнейшего вида архитектурного строительства ограничены как отсутствием соответствующих исторических документов, так и гибелью подавляющего большинства древних жилых построек. Например, если от церковной архитектуры XVII в. сохранилось несколько десятков сооружений, то от жилой дошло до нашего времени в обветшавшем и перестроенном виде всего 2—3 дома.

Архитектура жилищ белорусских горо-

* Историко-юридические материалы, вып. XV, стр. 518—519. Витебск, 1885 г.

** Там же, вып. XVI, стр. 194—196, Витебск, 1886 г.

дов делится на два вида: дома ремесленников, мелких торговцев и дворцы представителей господствующей верхушки городов (ростовщиков, купцов и феодалов).

Наиболее распространенным типом жилого дома беднейшей части населения была односрубная хата (изба) с 2—4 маленькими окошками. Вход в такую хату устраивался непосредственно со двора или из пристроенного входного помещения (сеней). Строились хаты из круглых бревен. Крыша двускатная, с фронтоном, зашитым наглухо тесом. Подобные домики изображены на чертежах городов Гродно XVI в. и Витебска XVII в.

Наряду с односрубовыми хатами существовали более сложные жилые строения: дома пятистенные с сенями и двусрубные, состоящие из «черной» и «белой» изб, соединенных между собой сенями. Многие из домов были украшены снаружи прекрасной деревянной резьбой. Дома подобного типа встречаются и сейчас в белорусских деревнях.

Если жилые дома трудовой части населения были деревянными, то дома зажиточной верхушки городов довольно часто сооружались из камня. По своей планировке каменные дома также были простыми. Например, дом Сапеги в Минске состоял из двух прямоугольных объемов, соединенных сенями, в которых помещалась лестница, ведущая в подвал. Для сообщения с верхним этажом были пристроены к дому небольшие сени с лестницей внутри. Как по планировке, так и по конструкции лестничных клеток дом Сапеги очень близок к деревянным домам горожан.

Как образец дома, принадлежавшего знати, рассмотрим сохранившийся дом на Ленинской улице в Могилеве. Это небольшое двухэтажное здание состоит из четырех комнат и сеней с лестничной клеткой. Дом был построен в 1790 г., однако по своей планировке он близок к архитектуре XVII в. Об этом свидетельствует также характер декоративной обработки наружных стен, напоминающей наружное оформление ратуши в Могилеве, выстроенной на сто лет раньше. Эта близость обнаруживается в характере обрамлений окон и в общем пропорциональном соотношении частей зданий. Вместе с тем в указанном доме уже довольно отчетливо обнаруживаются черты классицизма.

Значительный интерес представляют здания городских самоуправлений — ратуш. Состояли городские самоуправления (магистраты) из представителей торгово-ростовщической верхушки городов и феодальной знати. Участие трудового народа в работе магистрата было ограничено. Кроме

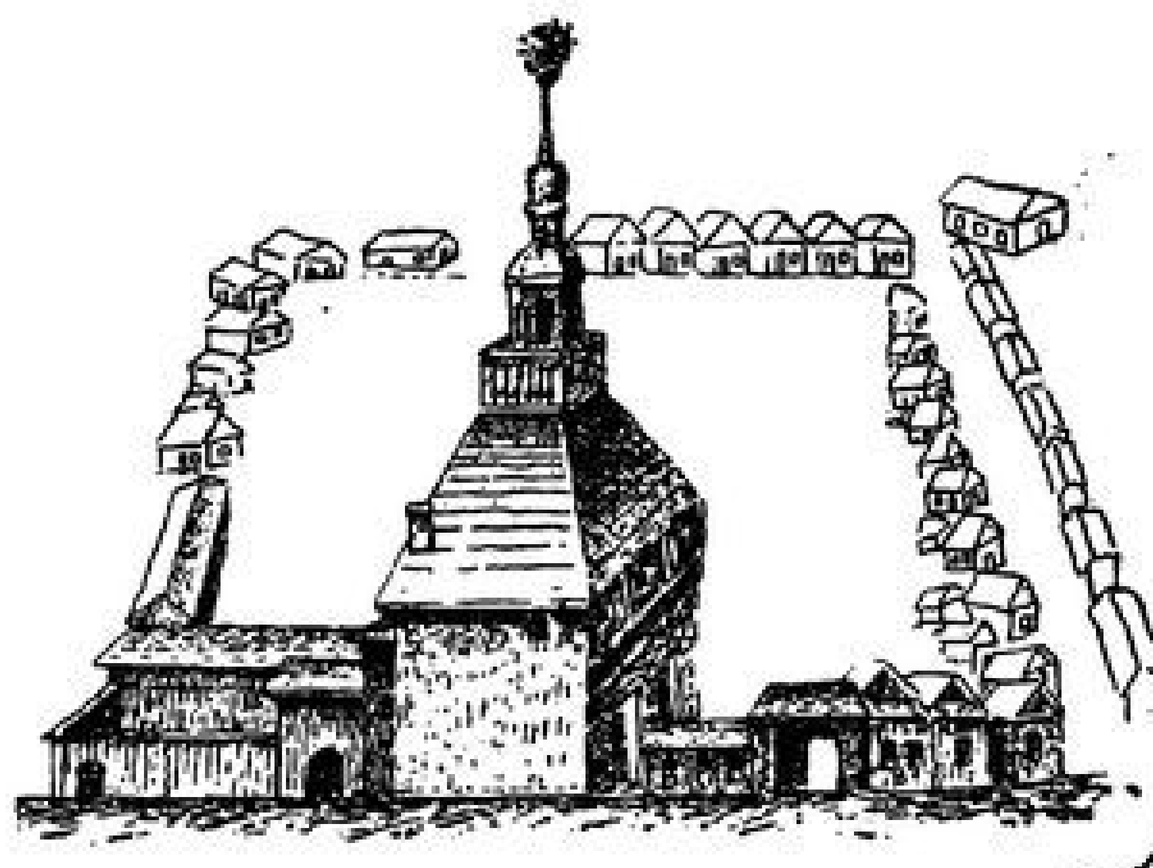

Рис. 24. Ратуша г. Витебска XVII в.

того, деятельность магистрата контролировалась королевскими чиновниками. Первоначально магистраты состояли из белорусов, однако, начиная с конца XVII в. белорусы были вытеснены ополячившейся верхушкой городов и польской знатью. Самоуправление белорусские города получали в различное время: в 1390 г. — Брест, в 1391 г. — Гродно, в 1441 г. — Слуцк, в 1498 г. — Полоцк, в 1499 г.— Минск, в 1561 г.—Могилев, в 1597 г.— Витебск. К этому же времени относится и возникновение самих зданий магистратов, или ратуш. Первые ратуши, как правило, были деревянными. Ни одна из них не дошла до нашего времени.

По своему наружному облику ратуши резко выделялись из общегородской застройки: состояли они из двух частей — собственно ратуши и башни. Необходимой принадлежностью башни были: колокол, часы и веранда. По отношению к зданиям башни занимали различное положение. В могилевской ратуше башня расположена у середины продольной стены, в Витебске — над средней частью главного фаса-

Рис. 25. Ратуша в Могилеве. Конец XVII в. Архитекторы Феська и Игнат.

да, в Чечерске и Шклове — над средней частью корпуса, в Несвиже башня венчала торцовую стену здания.

Строились ратуши на главных городских площадях, здесь же помещались и торговые ряды. В ряде случаев ратуша и торговые ряды в конструктивном отношении были неразрывно связаны друг с другом. Например, в Шклове они образуют четырехугольное карре. В Могилеве и Витебске торговые ряды располагались в непосредственной близости к ратуше.

По своим планам и архитектурному облику ратуши в Белоруссии довольно разнообразны. Это объясняется, прежде всего, разновременностью их постройки. Ратуша в Несвиже, выстроенная во второй половине XVI в., несет в себе черты архитектуры того времени. Она приземиста, тяжеловесна, имеет четкие прямоугольные контуры. Это сближает ее с крепостной архитектурой XVI в. Иные стилистические черты отличают ратушу в Витебске, построенную в конце XVIII в. Башня ратуши имеет сложный профиль: углы башни обработаны слоистыми пилястрами, а вогнутые поверхности стен ярусов ограничиваются снизу и сверху сложными карнизами. Наиболее вычурную форму имеет верхний ярус, воспринимающийся как оформление часов.

Из всех административных сооружений белорусских городов наибольший интерес представляет могилевская ратуша. Основной корпус ратуши украшен скромнее, чем башня, состоящая из нескольких ярусов. Оформление ярусов башни выполнено различными приемами. Два нижних яруса рустованы, причем первый ярус лишен каких бы то ни было украшений, кроме рустов. Второй же ярус снабжен прямоугольными и круглыми окнами, помещенными в нишах. На третьем ярусе преобладает мотив круглых ниш и окон, обрамленных квадратными нишами. Этот же мотив, но в других пропорциях повторяется в четвертом высоком ярусе. В центре ниш четвертого яруса помещаются круглые окошки, украшенные сверху гирляндами. Массивные карнизы довольно четко выявляют горизонтальное деление башни. Этим приемом подчеркивается связь высокой башни с низким, приземистым корпусом ратуши.

Выстроенная в конце XVII в. белорусскими народными мастерами Феськой и Игнатом, могилевская ратуша концентрирует в себе богатый опыт архитектурного строительства Белоруссии. В этом здании с особой четкостью проявились художественные вкусы белорусского народа, его стремление к простым и в то же время выразительным формам.

Несколько особняком по своему облику стоит ратуша в Чечерске. Расположена она на главной площади. План ее квадратный, разбит в нижнем этаже на 9 помещений. Завершается ратуша пятью башнями. Большая деревянная башня расположена на середине корпуса ратуши, а четыре малые — по углам. Отличительной особенностью этой ратуши является последовательная, до конца выдержанная симметрия как в планировке, так и в самой архитектуре. Симметричность архитектуры ра-

туши полностью соответствует положению этого здания в городе. Регулярная планировка Чечерска образует в центральном районе прямоугольник, ограниченный улицами, которые окружают главную площадь с четырех сторон. На этой площади стоит здание ратуши, а на местах пересечения улиц — четыре храма-ротонды. В этом проявилась характерная особенность белорусской архитектуры классицизма: связь архитектурной застройки города с его регулярной планировкой.

Строительные работы белорусских городов проводились различными организациями и учреждениями.

Укрепление замка, строительство в нем жилых, хозяйственных построек, а также стен, башен и валов должны были осуществлять торожане. Работа по строительству монастырей проводилась на средства монастыря, братств или фундаторов. Выполнялись же эти работы крепостными или вольнонаемными из числа городских мещан, при участии самих монахов. Здания господствующей верхушки строились или крепостными, или вольнонаемными мастерами. Что же касается домов и усадеб горожан, то они возводились самими хозяевами или бригадами теслярей (плотников).

Значительная часть работ по городскому строительству проводилась под руководством магистрата. В его обязанности входило сооружение административных и торговых зданий (ратуши, судовые избы, склады, торговые ряды, гостиные дворы и др.). Одновременно магистрат проводил строительство и ремонт городских укреплений, мостов, починку улиц и дорот. Кроме того, в ведение магистрата входило наблюдение за благоустройством в городе и общее регулирование городского строительства. Последнее, однако, не всегда зависело от магистрата. Феодалы, владеющие в городе крупными земельными участками, и вообще представители господствующего класса действовали по своему усмотрению, не считаясь с мнением магистрата.

Независимо от того, кто организовывал строительство и для каких целей предназначались выстроенные здания, оно осуществлялось городской беднотой и ремесленниками. Из их же среды выделялись архитекторы, в обязанности которых входило руководство строительными работами, а также выполнение более сложных, требующих квалификации работ (штукатурка, возведение кровель, декоративное украшение зданий и т. д.).

В результате изучения ряда архивных материалов нам удалось установить, что архитектурные сооружения Могилева в XVII в. были созданы плотниками и каменщиками белорусами, жителями Могилева. Например, самую красивую браму (Королевскую) строили в 1688 г. тесляры Янович и Матвеевич Андрей, Ильинскую браму (в том же году) — Курила, Гаврила и Алексей Москаль. Могилевская ратуша выстроена двумя мастерами: самое здание ратуши строил мастер Феська, а башню — мастер Игнат. Строительство городских укреплений Могилева проводилось под руководством белорусских мастеров. Так, в 80—90-х тодах XVII в. прославился «валмастер» Лопан Иван Максимович. Украшение зданий живописью, керамикой и резьбой проводилось также белорусскими мастерами, первое место среди которых занимал художник Афанасий Пигаревич.

Список мастеров, работавших в Могилеве, можно было бы значительно продолжить. Однако уже из этого перечня имен видно, что подавляющая масса памятников архитектуры сооружена белорусскими мастерами. При этом следует подчеркнуть, что в архивных документах иностранные мастера-строители упоминаются редко. Таким образом, измышления буржуазных польских и белорусских националистов, что белорусский народ не способен якобы к самостоятельному художественному творчеству, были насквозь лживыми, антинаучными. Чаще имена иностранцев встречаются в документах административного и военного характера. Эти иностранцы, как правило, выполняли роль командиров наемных войск, собирателей налогов или королевских администраторов. Следует отметить, что иностранные мастера в ряде случаев приглашались для строительства костелов, католических монастырей, а также дворцов польских магнатов. Но и здесь строительные работы и работы по оформлению зданий выполняли народные мастера, что естественно отражалось на общем облике архитектурного сооружения.

2. Укрепления городов XVII—XVIII вв.

В XVII в., как и в предыдущие века, большое внимание уделялось крепостному зодчеству. На сооружение городских укреплений затрачивались большие материальные средства. Создавались эти укрепления руками крестьян и городской бедноты.

О количестве замков и крепостей, выстроенных на территории Белоруссии в XVI—XVII вв., мы можем получить представление по карте Литвы и северной части Белоруссии, составленной Томашем Маковским в конце XVI в. Из этой карты видно, что крепости в северной части Белоруссии были расположены одна от другой на расстоянии 20—30 километров. В это время на территории Витебской области насчитывалось около 35 укрепленных городов, крепостей и замков. Столь бурное развитие крепостного строительства в Белоруссии объясняется, прежде всего, сложным переплетением все обострявшихся социальных и национальных противоречий, войнами, происходившими на территории Белоруссии, а также междоусобной борьбой магнатских фамилий за выгодные должности и земельные угодья.

Крепости и замки польских панов и католического духовенства были выстроены с целью укрепления их господства над белорусским народом. Опираясь на эти крепости, господствующие классы Речи Посполитой захватывали белорусские земли, эксплуатировали и грабили белорусский народ. Следует в то же время отметить, что такие крепостные сооружения, как замки, в равной степени выстроенные белорусскими, польскими и литовскими магнатами, выполняли, независимо от национальной принадлежности их владельцев, роль цитаделей феодалов в борьбе с трудовым народом. Не случайно поэтому народ во время восстания громил замки и разрушал их укрепления.

Как и в общей городской застройке, большое значение в деле крепостного строительства имели архитектурные традиции. Многое, что было создано в этой области в предшествующие столетия, было заимствовано строителями XVII в.

Подавляющее большинство городских укреплений на территории Белоруссии X—XIII вв. было расположено на берегах рек или озер, причем многие из этих укреплений, как, например, городища Полоцка, Минска, располагались на мысах, при впадении одной реки в другую. Подобный же принцип выбора места для укреплений был воспринят и крепостным зодчеством Белоруссии XVII в.

Планы городских крепостей как XVII в., так и предшествовавших периодов были тесно связаны с формой рельефа и в большинстве своем имели неправильную форму, повторяющую контуры холма или мыса, например в Витебске и Минске. Вместе с тем в древнерусский период, а также и в более позднее время встречаются укрепления с правильными геометрическими планами: прямоугольником, квадратом и треугольником.

Городские крепостные сооружения были в большинстве деревянными. Самым распространенным видом городской стены в древнее время был тын. В более позднее время он начал вытесняться рублеными стенами. Существует определенная конструктивная и стилистическая преемственность городских укреплений XVII в. с укреплениями более ранних столетий. В этом нас убеждает сравнение, например, Каменецкой башни XIII в. с отдельными башнями Полоцкого и Витебского укреплений XVI—XVII вв.

Крепостное зодчество Белоруссии прошло долгий путь развития; от столетия к столетию совершенствовались сооружения, увеличивалась территория укрепленных районов, усложнялась планировка, изменялась архитектура.

Из числа крепостей, выстроенных на территории Белоруссии в XVII в., наиболее мощными были укрепления Витебска и Полоцка. Расположенные на стыке между Россией, Речью Посполитой и Ливонией, на берегу Западной Двины, эти города имели большое стратегическое и торговое значение. На их укрепления обращали большое внимание как русские, так и поляки. В ряде документов XVI и

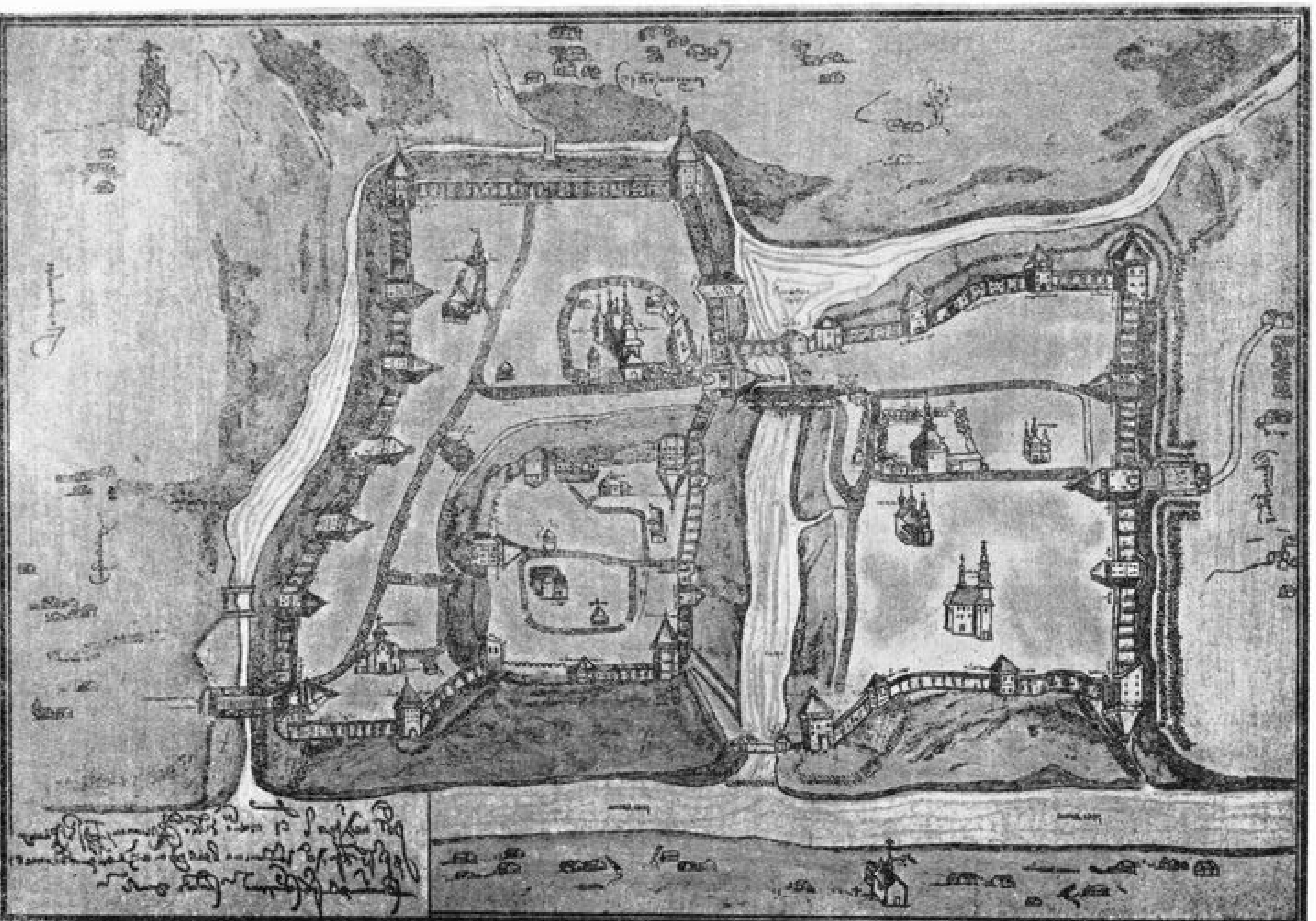

Рис. 26. План укреплений Витебска. Чертеж XVII в.

XVII вв. укрепления Витебска и Полоцка оцениваются, как наиболее мощные. «Витебск самая мощная крепость в Литве», записано в одном немецком документе *. В другом письменном источнике указывалось, что «сила Речи Посполитой опирается на Витебский замок» **. Не менее лестные отзывы встречаются в документальных источниках того времени о Полоцкой крепости. Так, Иван Грозный в 1563 г. говорил, что полоцкий «острог крепок, а рублен острог и всякими крепостьми делан» ***. Сохранился ряд высказываний современников о большом экономическом значении этих городов. Так, Иван Грозный называл Западную Двину «рекой с золотыми берегами», понимая под этим торговое значение Полоцка. В другом документе указывалось (возможно, с некоторым преувеличением), что в XVI в. Полоцк своим богатством превзошел литовскую столицу Вильно ****.

Укрепления Витебска XVII в. тесно связаны с его укреплениями предшествующих веков. Основная их часть была расположена на месте древнего городища, вновь создаваемые крепости включали в себя стены или фрагменты старых укреплений, а планы этих новых укреплений с большей или меньшей полнотой повторяли старую планировку. Высокое мастерство, достигнутое в Белоруссии в деле строительства крепостей, в значительной степени объяснялось внимательным, бережным отношением строителей к опыту своих предшественников. Делать так, как делали отцы и деды, считалось похвальным. При отсутствии школьного образования и ограниченности печатных пособий освоение опыта старших товарищей по профессии происходило посредством личного общения, совместной работы по специальности. Знания и опыт старшего, его навыки и приемы заимствовались младшим мастером. Естественно, при таких условиях новое поколение строителей в той или иной степени повторяло старое крепостное сооружение, выстроенное их предшественниками.

* Витебская старина, т. IV, СПБ, 1885 г., стр. 364.

** Труды Витебской ученой архивной комиссии, кн. I, Витебск, 1910 г.

*** П. С. Р. Л., XIII, 5, 356.

**** Витебская старина, т. IV, СПБ, 1885 г., стр. 200.

Целесообразно поэтому проследить основные этапы развития укреплений города Витебска за период до XVII в. Такой экскурс особенно необходим ввиду ограниченности исследовательских работ по укреплениям Витебска.

Время возникновения города Витебска и его укреплений достоверно не известно. В «Летописи города Витебска» * сказано: «974 года победивши ятвагов и печенегов и переправившись через реку Двину, Ольга заночевала со своим войском и на понравившейся ей горе заложила деревянный замок и назвала его от реки Витьбы Витебском. Вымуровала в Верхнем замке церковь святого Михаила; а в Нижнем Благовещеня и через два года выехала в Киев». Насколько достоверны эти сведения, трудно сказать, так как цитированная летопись составлена в XVIII в. Некоторые историки, как, например, А. Сапунов, оспаривают правильность этих сообщений.

В русских летописях город Витебск впервые упоминается в 1021 г. в связи с передачей Киевским князем Ярославом Полоцкому князю Брячеславу двух городов — Усвят и Витебска. В XIII в. в Витебске был выстроен замок, по всей вероятности из дерева, так как в первой четверти XIV в., как свидетельствует об этом польский историк Стрийковский, каменный замок в Витебске был выстроен русской княжной Иулианой, женой Ольгерда, в первой четверти XIV в. «Я сам видел портрет Иулианы, древнего письма, где она изображена вместе с мужем своим Ольгердом. Портрет этот находится в древней, на каменном фундаменте, церкви, в Верхнем замке. Замок этот и башни построила из камня сама эта княгиня, в то время как Ольгерд находился в войне с пруссами; эта княгиня построила также и те палаты, которые теперь в развалинах (т. ч. осталась теперь одна стена с лестницей)» **. В это же время в Витебске рядом

* Летопись города Витебска, списанная с рукописи Михаила Панцырного в 1760 г. Стефаном Аверко с собственными его и отца дополнениями, Витебская старина, т. I—III, Витебск, 1883 г.

** Витебская старина, т. I—III, Витебск, 1883 г., стр. 153.

с Верхним каменным замком был выстроен Нижний деревянный замок. Во время борьбы за Витебск Свидригайлы с Витовтом витебские укрепления, переходившие несколько раз из рук в руки, сильно пострадали, в особенности в 1396 г., в период осады города Свидригайлой.

Укрепления Витебска XV—XVI вв. были довольно мощные. В течение этих столетий городская крепость неоднократно исправлялась самими жителями. К участию в строительстве городских укреплений привлекались все граждане. Крепостные стены и башни города делились на участки и распределялись между отдельными лицами, улицами или городскими районами, которым вменялось в обязанность производить ремонт и исправление отведенных им участков.

Об этих вновь отстроенных укреплениях мы можем судить по описанию Витебска, сделанному капитаном польской армии Александром Гвагнини в 1587 г.: «Витебск довольно обширный деревянный город, лежит при славной и судоходной реке Двине, по которой сплавляются разные товары в Ригу, главный город Ливонии. В этом городе два весьма обширных и, благодаря удобному местоположению, весьма укрепленных замка; один из них, расположенный на равнине и обширностью равняется городу, называется Нижним замком; а другой — Верхний замок лежит на довольно возвышенном холме. Оба эти замка укреплены башнями и стенами, которые построены из дуба и наполнены землею и камнем. Замки достаточно снабжены военными снарядами и камнеметательными орудиями» *.

В 1616 г., во время войны России с Польшей, в Витебске происходили волнения. Население города, так же как и раньше, отказывалось строить укрепления, саботировало мероприятия польских властей, всячески содействовало скорейшему освобождению города от захватчиков. Только небольшая кучка предателей из числа городской знати поддерживала сторону господствующего класса Польши и стремилась укрепить город. Но ввиду народных восстаний это им не удавалось. Вследствие этого витебские укрепления находились в полуразрушенном состоянии в течение нескольких десятилетий.

* Витебская старина, т. I—III, Витебск, 1883 г.

В течение своей долгой истории крепостные сооружения Витебска несколько раз разрушались и восстанавливались вновь. Особенно большие работы по созданию укреплений города были проделаны во второй половине XVII в. русскими, выстроившими в это время 1511 саженей стен; в состав укреплений входили 32 башни. Все это говорит о большом объеме строительных работ, проведенных в Витебске.

Стены витебских укреплений состояли из городней и тарас, разделенных на прясла, причем в их состав вошли нижние части кирпичных стен и башен XIV—XVI вв.

Башни витебского укрепления, за исключением развалин старых кирпичных стен, были в основном однотипными. Они были четырехгранными или восьмигранными, с обломами и высокими шатрами. В пределах этого типа они делились на одноэтажные, двух- и трехэтажные, на проезжие и глухие, на собственно башни, бычки и раскаты, предназначенные для установки на них пушек. Кроме того, некоторые башни имели двойные стены, наружные лестничные ходы (ганки), караульные тропила на вершине шатров. Это разнообразие башен обогащало общий архитектурный ансамбль, придавало ему большую живописность.

Наиболее типична для витебского укрепления башня «Темная». Описание ее в древнем документе следующее: «Башня «Темная» большие проезжие ворота, рублена клепки в одну стену, вышина от земли до верхних обломов 48 венцов, облом 5 венцов, крыта тесом по шатровому, по мере шатер 4 сажени, на шатре сделано — для караулу тропило брусеное четырехугольное. Крыта тесом по шатровому ж, а в башне 3 мосты, 3 бои: нижние и средние, и верхние, и пушечные, и мушкетные, да к башне же на земле приделана караульня, а изнутри города к башне для пушечного взволоку приделан танок, крыт тесом» *.

* Витебская старина, т. IV, СПБ, 1885 г., стр. 321.

Подобный тип стен, башен и планировочных решений характерен для крепостной архитектуры других белорусских городов (Полоцка, Борисова, Пинска). Одновременно следует отметить, что по конструкции и стилю башни белорусских городских укреплений XVII в. близки к русским, например к башням Якутского и

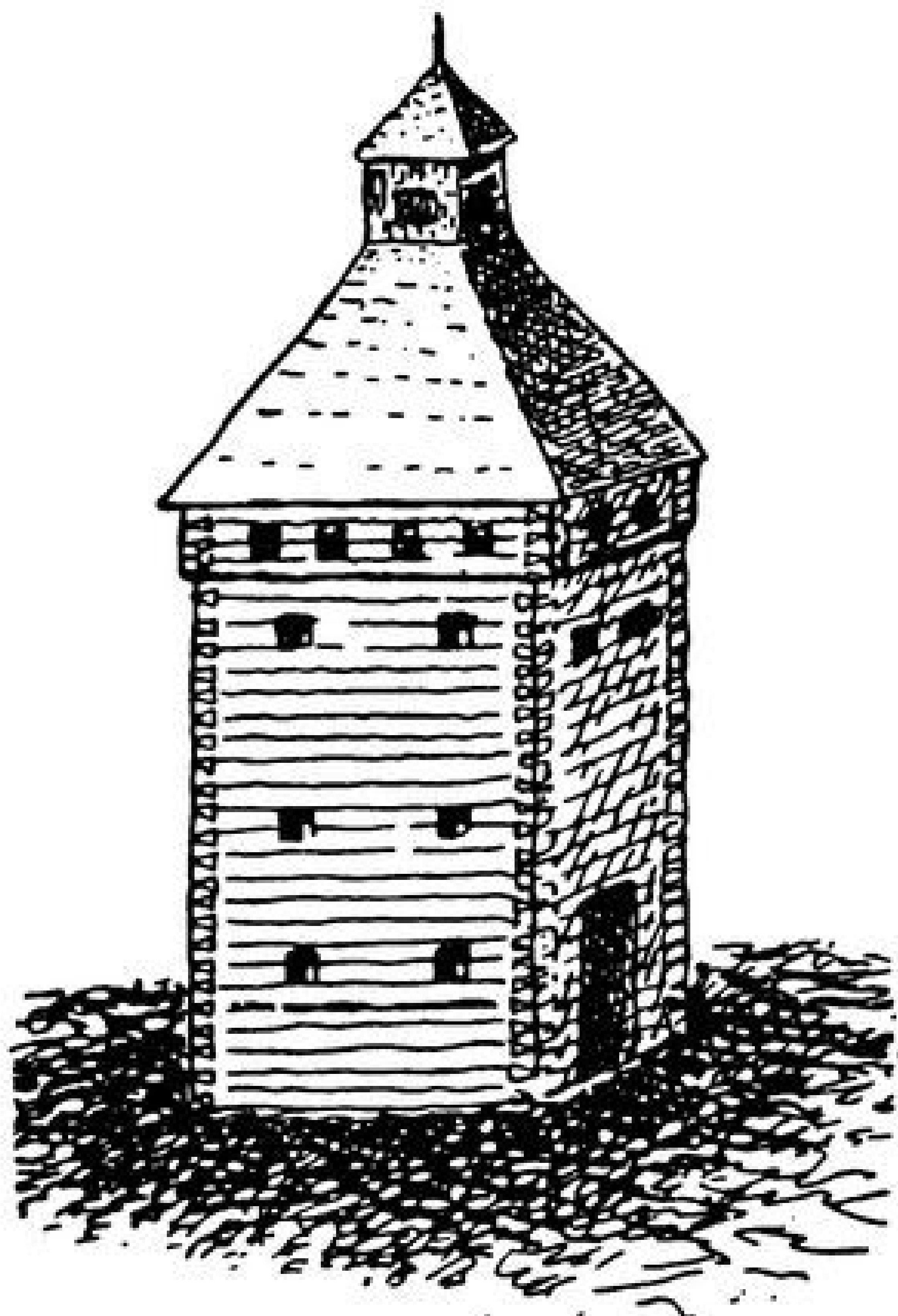

Рис. 27. Двинская башня. Укрепления Витебска XVII в.

Тобольского острогов XVII в. Башни Якутского острога однотипны с четырехугольными башнями Витебской крепости, которые также состояли из высокого сруба в 40 венцов с обломами. Крыты они четырехскатной кровлей, увенчаны тропилами, повторяющими в миниатюре форму самой башни. Так же, как и в Витебске, большие работы были проведены по укреплению Полоцка.

В период 1654—1655 г. горожане укрепили «Великий посад» глубоким рвом и валом, на вершине которого был поставлен деревянный тын (паркан). В это же время для укрепления Верхнего замка были выстроены четыре башни. Что касается Нижнего замка (Нижнего города или просто города), то в нем сохранились старые башни. Все башни были многогранными, имели шатровые кровли, крытые тесом.

Наряду с такими крепостными сооружениями, как башни, стены, тыны, рвы и валы, создавались еще и дополнительные укрепления. Так, около Заполотского посада, от реки Двины до Полоты, был выкопан глубокий ров и установлены около него двойные толстые бревна — надолбы. Общая протяженность этой линии надолбов равнялась 340 саженям. Кроме того, по углам эта линия была укреплена толстыми бревнами, установленными рядом друг к другу. В 1663 г. на валах Верхнего замка были сделаны четыре вывода — «быки»: высота каждого из них равнялась полутора саженям, длина — 9 саженям. Для установки пушек на быках были устроены раскаты, рубленые в две стены и для большей прочности засыпанные доверху землей. Эти быки с раскатами являлись мощным оборонным средством. Они давали возможность защищать ближайшие подступы к крепости, кроме того, с них велся фронтальный огонь.

Укрепления Полоцка и Витебска, выстроенные русскими в XVII в., были самыми мощными и самыми обширными в Белоруссии. Длина стен Верхнего замка в Полоцке равнялась (по документам 1660 г.) 758 саженям, Нижнего города — 1 213 саженям, деревянного острога — около 863 сажений, не считая участков, огороженных земляными валами и рвами. Вся длина деревянных стен с башнями и земляными валами равнялась около 4 500 метров. Известно и число башен полоцких укрепленных районов. По описи 1654 г. Верхний замок был укреплен 11 башнями; столько было их и в Нижнем городе. Длина пролетов стен между башнями колебалась от 16 до 239 сажений.

О башнях Полоцкой крепости XVII в. мы можем судить по отчету Шереметьева царю Алексею Михайловичу.

Скупой на слова автор, вместе с тем, не упустил ни одной характерной черты конструкции башен. Особенно подробно опи-

саны вновь выстроенные башни. Руководители работ по устройству полоцких укреплений, видимо, придавали большое значение строительству башен. Приводим описание этих башен из отчета Шереметьева: «Новая башня на устье Полоты реки рублена в 8 стен, стены двойные, с нижними и верхними боями и с обломами, верх сделан шатровый, крыта дранью тесанной в четыре яруса, драни прибивана гвоздьем железными, а около той башни мерою 15 саженей с полусаженью, а верх тое башни срублено 24 венца с обломами, ворота зделаны затвористые, дощатые, зделана та башня совсем новою». Как было указано выше, тип башни с восьмигранным основанием, крытой шатром, был широко распространен в крепостях Туровля, Суша, Сокол, в Витебске XVI в., а также в крепостных сооружениях Новгорода и Пскова.

Кроме восьмигранных башен, были шестигранные. Так, башня Рождественская «зделана нова, рублена в шесть стен, стены в один ряд, с нижними и верхними боями и с обломами, верх зделан шатровый, крыта дранью тесанной в три яруса». Из всех башен, выстроенных в Полоцкой крепости, самой интересной была Красная (Королевская). Она была восьмигранной, с двойными стенами, а шатер имел четыре яруса. Таким образом, типологически она не отличалась от Новой башни.

Все эти четыре башни, как и стены крепости, делались белорусскими архитекторами и плотниками. Это отмечено в Сметной книге города Полоцка, где сказано: «А зделаны те новые башни Полоцкими плотниками». Мастера эти были высокой квалификации, что красноречиво подтверждается и отчетом Шереметьева, где сказано: «А зделаны те четыре башни в верхнем городе на самых нужных местах, на четырех углах по башни, и теми башнями учинена городу великая крепость, мочно из тех башен весь город защищать и посады, и слободы, и нижний город» *.

Известны имена архитекторов — строителей Полоцкой крепости. Это были жители города Полоцка и окрестных деревень. Так, Красную башню строил в 1655 г. Иван Гаврилович Долев со своими помощниками. Очевидно, он был руководителем артели. Долевым была выстроена и Рождественская башня. Известно, что артели плотников-строителей существовали в Белоруссии издавна. Кроме Долева, в строительстве башен и стен Полоцкой крепости участвовали Матвей Марков, выстроивший башню Мошну, и Иван Андреев, соорудивший Устинскую башню. История архитектуры Белоруссии мало знает имен архитекторов. Еще меньше мы знаем имен белорусов, неизвестных творцов замечательных памятников белорусского зодчества. Тем большее значение имеют для нас имена строителей полоцких укреплений.

Первые сведения о существовании в Могилеве замка относятся к 1581 г. В одном из документов указывается, что в Могилеве в это время еще не было укреплений, кроме замкового острота. В 1585 г. жители Могилева были освобождены от налога на содержание замковых пушкарей. Взамен этой повинности им было вменено в обязанность устройство городского палисада вокруг города.

В XVII в. укрепления Могилева состояли из трех частей: замка, расположенного на высоком мысу, при впадении Дубровенки в Днепр, обнесенной стенами центральной части города, примыкавшей к замку, и полевого земляного вала, охватывавшего окраинные районы города и опиравшегося обоими своими концами на Днепр.

Все строительные работы по укреплению города (за исключением замка) проводились на средства магистрата, который закупал строительные материалы — камень, кирпич, бревна, доски, колья и другие необходимые предметы, нанимал рабочих: плотников, каменщиков, землекопов, возчиков песка, хвороста и дерева. Руководство отдельными работами, не требующими специальной подготовки, как, например, рытье рвов и насыпка валов, резка и подвозка дерна и хвороста, осуществляли десятники. Сложные работы, требующие специальной подготовки, производились под руководством наиболее опытных рабочих. Общее же руководство строительством осуществляли мастера или, как они назывались тогда, валмейстеры — специалисты по строительству городских укреп-

* Витебская старина, т. IV, Витебск, 1885 г.

лений. Так, например, в Могилеве долгое время работал мастером по строительству (валмейстером) городских укреплений, земляных валов, тына и башен Лопан Иван Максимович, житель Могилева. Под его руководством строились укрепления в период с 1684 по 1698 г. Об этом красноречиво говорят лаконичные записи приходо-расходной книги Могилевского магистрата за вторую половину XVII в. «Кгды зычали вал робить, змовили майстра Ивана Лопана на неделю по 5 злотых и 15 осмак». Подобные записи встречаются довольно часто и в различные годы.

Одновременно Лопан выполнял и другие работы: строил здания, исправлял и мостил булыжником улицы, ремонтировал и строил брамы и крепостные стены. Все это говорит о том, что мастер Иван Максимович Лопан имел хорошую архитектурно-строительную подготовку. Основной же его специальностью было строительство крепостей.

Строительство могилевских укреплений происходило довольно интенсивно. В конце XVII в. эти укрепления уже охватывали собой основную часть городского поселения и состояли из четырех частей, сгруппированных вокруг Могилевского замка, расположенного на высокой, обрывистой горе, при впадении реки Дубровенки в Днепр. С запада, юга и востока эта гора имеет высокий крутой склон, а с северной стороны к ней примыкает более пологая возвышенность, на которой был расположен укрепленный центр города с торговой площадью.

С востока эта часть города была огорожена стеной с башнями. Стена шла по вершине плато, вдоль обрыва. Затем она поворачивала на запад и шла вдоль нынешнего городского сквера, по направлению к Воскресенской церкви. Отсюда стена поворачивала на юг и шла вдоль обрыва, расположенного над поймой Дубровенки, где и соединялась с замковой стеной. По своему плану эта укрепленная часть имела форму неправильной трапеции, вершина которой примыкала к замку.

Третий укрепленный район включал в себя окраинные районы города с предместьями Задубровенским, Шкловским и Виленским. Это укрепление, состоявшее из полевого вала длиною в 3 километра, имело вид дуги, упирающейся обеими концами в Днепр. Четвертый укрепленный район города, расположенный за Днепром в Луполове, включал два предместья: Луполовское и Троицкое.

Таким образом, к концу XVII в. основная часть Могилева была обнесена крепостными стенами, или валами. Наряду с этим в городе существовали и неукрепленные районы. К ним относится село Покровское, расположенное между рекой Днепром и замком, Никольщина, занимавшая днепровскую пойму, и другие окраинные районы.

Укрепления Могилева были довольно разнообразны. Замок был обнесен каменными, а также и деревянными стенами с башнями. Городские укрепления состояли из земляных рвов, валов, по вершине которых шла стена. От схода по лестнице к реке Дубровенке «отсель к цитадели по валу была каменная стена с амбразурами между толстых четырехсторонних столбов» *. Укрепления полевого района, включавшего Дубровенское, Шкловское и Виленское предместья, состояли из земляных валов с башнями на них. Строительство этих валов было начато в 1609 г. во время народного восстания и закончено в 1633 г.

Стены и валы могилевского укрепления были разделены башнями и брамами на отдельные прясла. Всего брам в Могилеве в 1697 г. было 11: Папинская, Быховская, Триснинская, Уструшская, Виленская, Шкловская, Олейная, Косьяковская, Курденевская, Королевская и Левдеева **. Почти все эти брамы, за исключением Олейной, были построены во второй половине XVII в. Олейная брама была выстроена в 1646 г. вблизи ратуши. Она связывала собой рынок с еврейским школищем и Никольщиной. В 1656 г. была начата постройка каменной Шкловской брамы ***. В 1686 г. была выстроена Ильинская брама, а в 1688 г. — самая красивая —

* Хроника белорусского города Могилева, предисловие Гортынского (без даты), стр. 17.

** Историко-юридические материалы, вып. II, стр. 120—130, вып. 12, стр. 19.

*** Записки игумена Ореста, Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западного края, Вильно, 1861 г., стр. XV.

Королевская, одетая внутри черным мрамором. Расположена она была рядом с Воскресенской церковью. Вход в браму шел через подъемный мост.

Брамы имели различное назначение. Они оформляли собой подъезды к городу

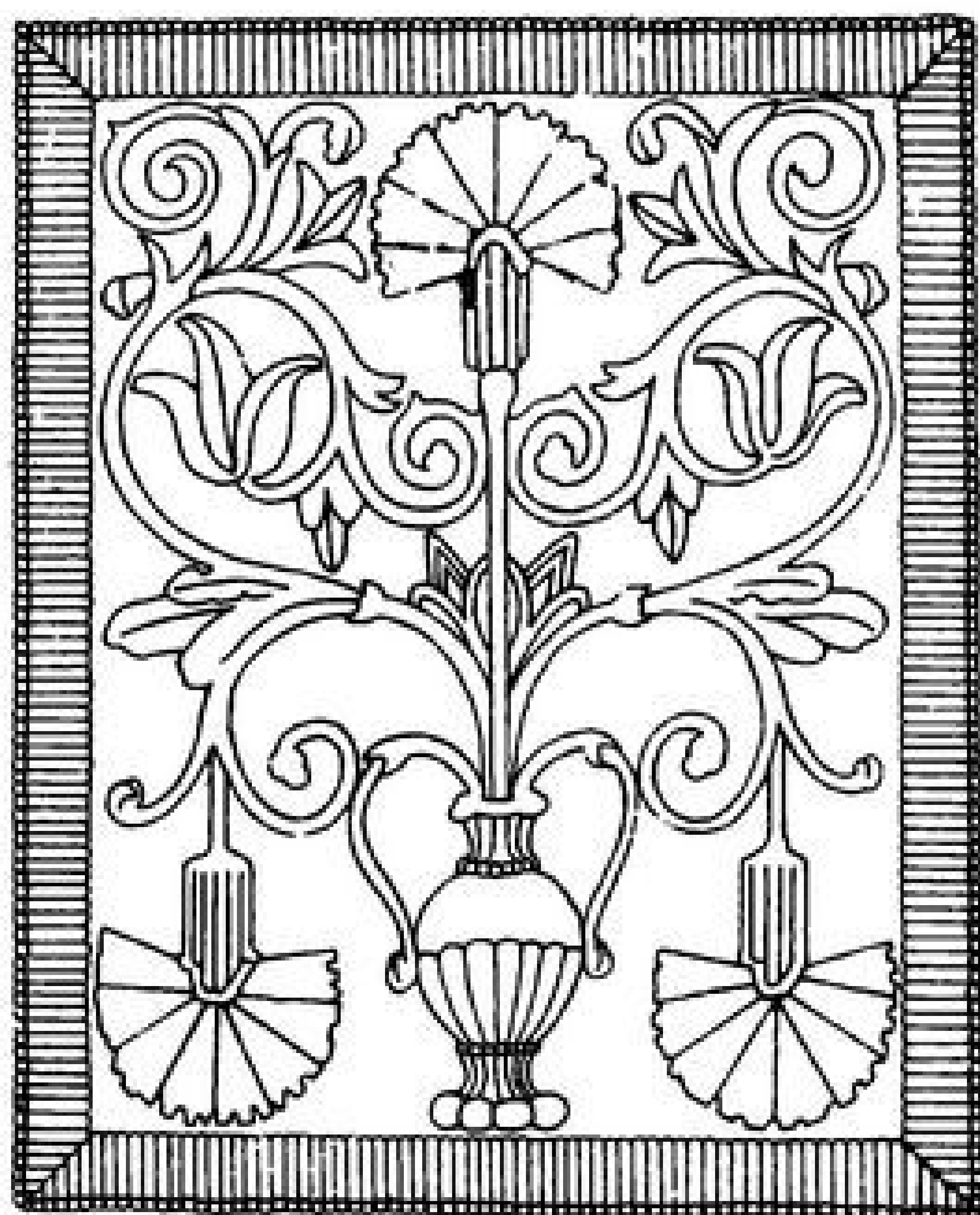

Рис. 28. Резной орнамент дверей т. н. дома Петра I в Могилеве.

и одновременно выполняли роль проезжих ворот, связывающих укрепленные районы между собой, а также и весь город с окружающими населенными пунктами. На архитектуру брам и их оформление обращалось большое внимание. Снаружи и внутри они украшались деревянной резьбой, живописью, а в отдельных случаях облицовывались мрамором.

Последний раз работы по укреплению города Могилева проводились в начале XVIII в. Объем и характер этих работ, проведенных в 1704 г., хорошо охарактеризованы в документе того времени: «По воле и повелению магистратскому и контрогентов шосовых деланы были деревянные стены, огражденные двумя заметами, а внутри между заметами, близко один от другого стоящими, землею засыпанные валы с воротами; от горы Гвоздовки по берегу Дебри до самого Днепра и в Днепр были побиты дубовые пали до половины Днепра, против Дебренской деревянной стены; так же и с другой стороны Днепра от Лупилова пали побиты были подобныя сим; такие укрепления учинены и на нижней стороне Днепра в конце города за Папенской частию. Постройка оных укреплений производима была насчет ратушной городской суммы; нужный деревянный материал на постройку тех деревянных стен бран в домах мещанских, у кого только могли сыскать, достаточных и бедных; достаточным же за оный материал было уплачиваемо, а бедным не было уплачиваемо. Досмотрщиком и архитектором постройки тех городских деревянных стен был городского Могилевского гарнизона полковник Шевня» *.

Кроме Полоцка, Витебска и Могилева, в XVI—XVII вв. многие города Белоруссии, например Минск, Слуцк, Пинск, Борисов, Туров и Логойск, имели сильные укрепления, состоящие из нескольких районов. В общих чертах их планы сходны с планами укреплений, рассмотренных выше городов. К сожалению, ни одно из этих крепостных сооружений не дошло до нашего времени. Литературных материалов о них сохранилось немного. Их контуры в настоящее время с трудом можно проследить по названиям улиц, остаткам рвов и валов.

Большие работы были проведены русскими в период 1656—1663 гг. по укреплению города Борисова и его замка. В 1656 г. были сооружены укрепления города и замка, «тыны стоячие, а между тынами, которые были в четыре стены, насыпаны землею и поставлены туры плетеные, около города поставлен острог» **. В 1659 г. по всему валу были сделаны тарасы в две стены высотой в 2,5 аршина из толстых сосновых бревен, достроен острог около города и построен висячий мост через Березину ***. На стене сделаны обломы и раскаты, выкопан ров, шириной 7 саженей, глубиной 4 сажени, соединяющий Березину с ее ответвлением. За рвом

* Историко-юридические материалы, вып. 18, Витебск, 1888 г.

** Разр. столб. 272, лист 424, Центральный государственный архив древних актов, Москва.

*** Разр. столб. 311, лист 24, Центральный государственный архив древних актов, Москва.

5*

поставлены «частоколы», а около острога выстроены башни с обломами и бойницами. В башнях сделаны раскаты *.

Укрепления Слуцка состояли из трех частей: его ядром являлся Верхний замок, расположенный на высокой горе. К нему примыкала нижняя крепость (Нижний замок). Оба укрепления были окружены земляными валами. Третье укрепление состояло из земляного вала. Развалины Слуцкого замка и окружавшего его вала были отчетливо видны в конце XIX в. Не менее сильно были укреплены Ляховичи, считавшиеся также одной из сильнейших крепостей Белоруссии.

Кроме оборонного назначения, замки выполняли роль хозяйственных центров, в которых сосредоточивалось управление обширными владениями магнатов. С этой точки зрения интересно рассмотреть Кобринский замок. Он состоял из двух укреплений: верхнего и нижнего, окруженных валами с башнями и рвами. Эти укрепления имели несколько ворот с разводными мостами. На вооружении замка состояло: 20 пушек, 180 ядер к ним и несколько десятков мушкетов и ружей. В Кобринском замке помещался центр экономии, в состав которой входили города: Кобрин, Добучин и Городец. Под управлением этих городов, в свою очередь, находилось шесть волостей. В каждой волости имелся двор, где помещалось управление волости. Волости состояли из войтовств. Всего войтовств в Кобринской экономии было 18; они, в свою очередь, состояли из 98 сел. В Кобринскую экономию входило 109 населенных мест: 3 города, 8 дворов или фольварков и 98 селений. Кобринская экономия относилась к числу средних. Безусловно, такие магнаты, как Радзивиллы, владели экономиями более крупными.

Наибольший размах крепостное строительство в Белоруссии приняло в XVI—XVII вв. В этот период были созданы грандиозные городские укрепления в Полоцке, Витебске, Орше, Борисове, Могилеве, Слуцке, Быхове, Логойске и других городах; было выстроено много замков: в Мире, Ольшанах, Несвиже и Клецке, укрепленных церквей в Сынковичах, Маломожейкове и грандиозных монастырей в Минске, Гродно, Витебске, Орше и т. д.

Причина столь бурного крепостного строительства объясняется, прежде всего, исключительным обострением социальных, национальных и религиозных противоречий, существовавших в это время в Речи Посполитой, а также непрерывными войнами, происходившими на территории Белоруссии.

Городские и замковые укрепления, игравшие в XVI—XVII вв. столь видную роль в социально-исторической жизни Белоруссии, в XVIII в. теряют свое значение. На их строительство и ремонт не обращают больше внимания, и они постепенно разрушаются: деревянные стены растаскиваются, валы и рвы срываются. Так были уничтожены в течение XVIII—XIX вв. городские укрепления почти всех белорусских городов.

Одной из важнейших причин упадка крепостного строительства было совершенствование военной техники, усиление огневой мощи артиллерии, роста ударной силы и маневренности войск. Благодаря этому городские укрепления (стены, башни и земляные валы) стали легко уязвимыми для войск, обладавших новой тактикой и более современной военной техникой.

В XVIII в. появляется новый вид укреплений, создаваемых, как правило, на главнейших подступах к городу. Эти укрепления имели вид мощных бастионов, защищенных от артиллерийского обстрела земляными насыпями. Наиболее характерными из них являются крепость в Бобруйске, выстроенная Екатериной II, а также укрепления Борисова, созданные Петром I во время войны со Швецией.

Упадок крепостного строительства наблюдается не только в области строительства городских оборонных сооружений, но и в области дворцово-замкового зодчества. Здесь также происходит процесс постепенного отмирания крепостных сооружений и одновременно развитие дворцов, жилых и служебных построек. Оборонное зодчество отделяется от жилого и культового и становится самостоятельным, обособленным видом военно-инженерного строительства.

* Разр. столб. 314, лист 514—516, Центральный государственный архив древних актов, Москва.

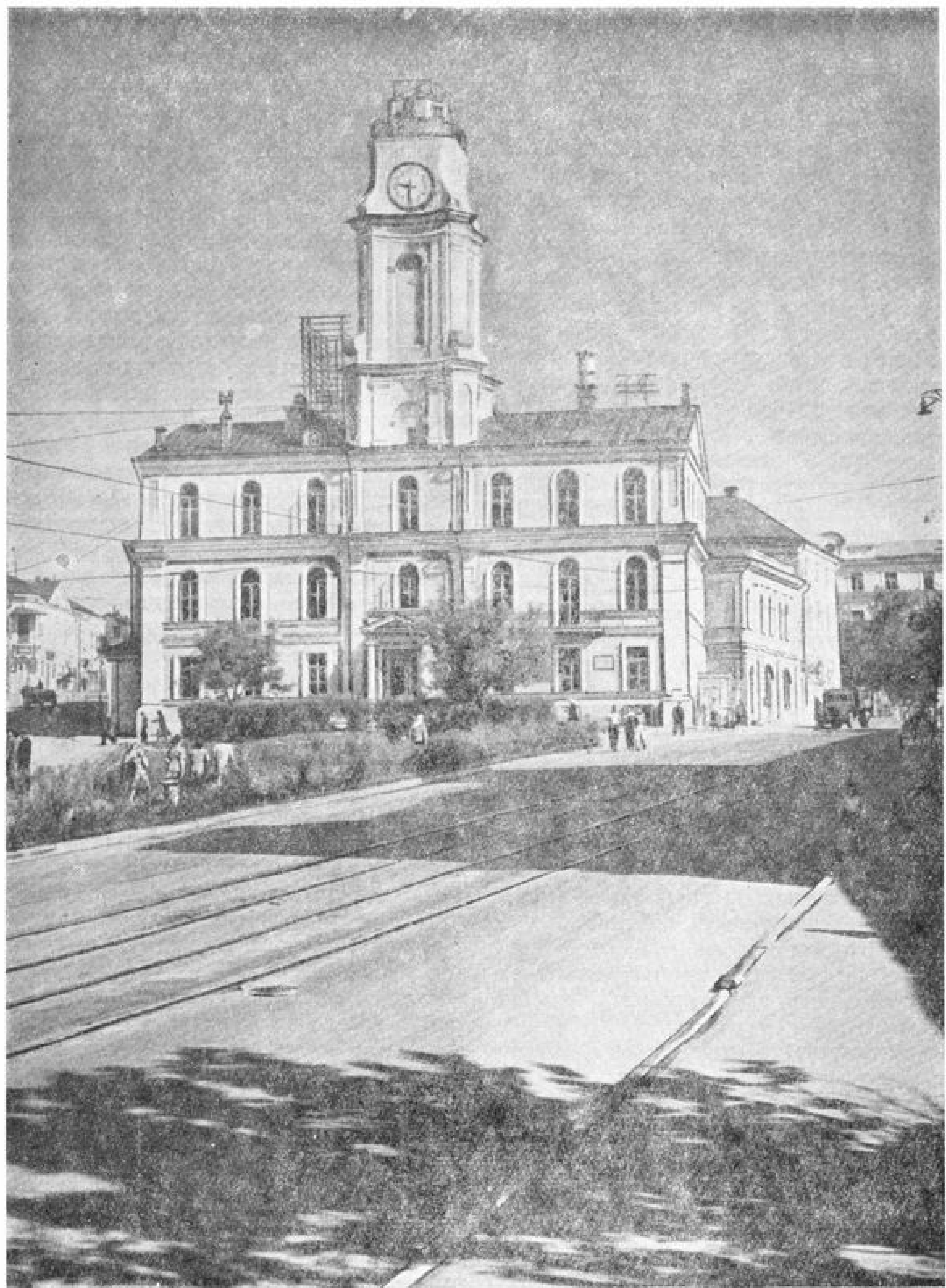

Рис. 29. Ратуша в Витебске. Конец XVIII в.

3. Дворцовое зодчество XVII—XVIII вв.

В XVII—XVIII вв. в селах и городах Белоруссии было выстроено много дворцово-замковых и дворцово-усадебных ансамблей. Строились эти ансамбли крупными магнатами, в руках которых находилась значительная часть земельных владений Белоруссии. Насколько велики были эти владения, видно из следующих фактов.

Уже в XVI в. 26 магнатских фамилий владели одной третью крестьянских хозяйств Белоруссии. В XVII—XVIII вв. магнатские владения включали по сотне и более населенных пунктов — деревень, барских усадеб, фольварков, местечек и городов. Например, Радзивиллы во второй половине XVI в. владели 128 фольварками, 8 местечками и городами, 8 обширными лесничествами и многими десятками деревень. Помимо фамильных владений, многие магнаты получали от короля староства в аренду или же за взятые королем деньги. Так, например, Казановские, кроме фамильных имений, в XVIII в. владели 15 староствами, Любомирский и Понятовский имели по 10 староств. В каждое из таких староств входило несколько десятков населенных пунктов. Со своих владений магнаты получали баснословные доходы. В 1765 г. был произведен подсчет налога, получаемого королевской казной от староств. Из этих документов видно, что Любомирские платили 509 тыс. злотых, Потоцкие — 816 тыс., Чарторыжские — 250 тыс. и т. д. Чтобы знать действительную сумму дохода, эти числа необходимо увеличить в четыре раза, так как налоговая сумма составляла одну четверть дохода староства.

Строительство панских дворов и замков проводилось руками крепостных, которых сотнями сгоняли на место строительства со всех деревень, принадлежавших магнату. Крепостные крестьяне вынуждены были производить все необходимые работы: планировать участки, рыть рвы, насыпать валы, рубить дома, сараи, крепостные стены, строить каменные дворцы, замковые стены и башни, подвозить лес, камень, кирпич, заготавливать строительные материалы: камни, известь, кирпич и лес. Так возводились дворцы Сапегов, Ходкевичей, Радзивиллов, Глинских, Вишневецких, Понятовских, Люберецких, Чарторыжских и др.

Трудовой народ выполнял не только строительные и земляные работы. Из многочисленной армии строителей выделялись замечательные мастера строительного дела, резчики по дереву, мастера по обработке камня. Их руками создавались высокохудожественные памятники искусства. Создавая прекрасные дворцовые ансамбли, трудовой народ жил в бедных хижинах. Как накапливание богатства магнатов было невозможным без ограбления и эксплуатации трудового народа, так и создание магнатских дворов немыслимо было без существования наряду с ними бедных полуразрушенных хижин крепостного крестьянства. В этом состоит одна из характерных черт всякого классового общества, построенного на эксплуатации господствующим меньшинством большинства трудового народа.

На средства, созданные народом, магнат содержал у себя сотни слуг — «дворжан», как они назывались в то время. В число дворжан входили повара, экономы, искусные виноделы, врачи, поэты, художники, а также многочисленный штат слуг из шляхты, выполнявших самые различные поручения. У Радзивиллов в Несвиже были даже свои дипломатические агенты. Кроме того, каждый крупный магнат содержал собственное войско, состоявшее из наемников и шляхты. В него входили пехота, артиллерия, саперные части. Численность такого войска достигала 6 и более тысяч человек. Так, войско Яблонского состояло из 7 000 человек, Любомирского — из 6 000. Столько же войска примерно было у Радзивиллов и Ходкевичей.

Обладая несметными богатствами, магнаты вели роскошную и расточительную жизнь. Сделать лучше, чем у соседа, перещеголять его одеждой, богатой сбруей, дорогим оружием, роскошным пиром, удивить неожиданной затейливой выходкой — таково было постоянное желание магната. Роскошная одежда, многочисленная стая

Рис. 30. Дворец в Ольсе. Конец XVIII в.

гончих, чистокровные породы лошадей, оружие и богатая сбруя составляли гордость магната. На приобретение всех этих предметов тратились баснословные средства. Особенно много денег уходило на постройку дворцов, на их украшение скульптурой, живописью, мебелью и другими предметами убранства. Создаваемые в качестве магнатских резиденций, дворцы включали все необходимое для богатой и роскошной жизни магнатов и их многочисленного штата придворных. Это обстоятельство определяло размер и характер планировки дворца.

Архитектура дворцово-замковых и дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии в течение XVI—XVIII вв. прошла большой путь развития.

Основой развития этих ансамблей был рост феодальных отношений, все большая концентрация земельных владений в руках небольшой по количеству группы магнатов, все большее закрепощение трудового народа. Истоки же их формирования восходят к панским дворцам XVI—XVII вв., с одной стороны, и к замкам, с другой. В этом нас убеждает развитие в XVI—XVII вв. панских дворцов и магнатских замков, в архитектуре и планировке которых от десятилетия к десятилетию накапливалось все больше и больше черт, свойственных дворцовому зодчеству XVIII в.

Панские дворцы XVI—XVII вв. были просты по своей архитектуре и планировке. Состояли они из множества деревянных одноэтажных построек, сгруппированных вокруг хозяйственного двора. Панский дом был небольшим, состоял обычно из 3—4 комнат. Во второй половине XVII в. в поместьях создаются наряду с хозяйственными дворами и парадные. Панские дома становятся все более просторными, чаще появляются двухэтажные, включающие до десятка комнат и залов. Плодовый сад, огороды, а иногда и прилегающий участок лесного массива постепенно приобретают парковый характер. В усадьбах появляется декоративная скульптура и архитектура малых форм.

Для процесса развития дворцово-замковых ансамблей XVI—XVII вв. характерно все более четкое разграничение между замками-крепостями и замками—резиденциями феодалов. Если первые развиваются по пути все большего усовершенствования крепостных сооружений (стен, башен, земляных валов и т. д.), то для вторых характерно постепенное ослабление оборонных сооружений, которые вытесняются дворцовыми и вообще жилыми сооружениями. Этот процесс проходил в различных случаях по-разному. В одних дворцово-замковых ансамблях происходило постепенное расширение и развитие дворцов за счет замковых укреплений (Несвиж), в других—средневековые замки разрушались и на их месте создавались дворцово-усадебные ансамбли (Гомель), в третьих—вблизи

старых замков, не удовлетворявших новым потребностям, создавались новые дворцы (Гродно). Эту эволюцию дворцово-замкового зодчества мы можем проследить на примере ряда архитектурных сооружений XVI—XVIII вв.

Первоначально замок в Мире не имел трехэтажного дворца. Его внутренние строения состояли из одноэтажных построек. Это было чисто крепостное сооружение, доминирующее место в котором занимали башни, стены и земляные валы. Но уже через несколько десятков лет владелец замка надстраивает над нижним этажом два верхних, вследствие чего замок в Мире был превращен в дворцово-замковый ансамбль. Дальнейшее развитие дворцово-замковых ансамблей Белоруссии мы можем проследить на примере замков в Ольшанах и Несвиже. Оба они, как и Мирский, расположены на низинной, несколько всхолмленной местности.

С двух сторон к Несвижскому замку примыкает пруд, а с двух других он обведен глубокими рвами. Укрепления замка состоят из земляных валов и четырех угловых бастионов. Внутри этого укрепления во второй половине XVI в. было выстроено два дворца, а над въездными воротами — брама с башней. В Несвижском замке в отличие от Мирского дворцы не были связаны конструктивно с крепостными валами, их архитектура не зависит в столь большой мере от крепостных сооружений. Сравнительно низкие земляные валы не изолируют дворцы от окружающего ландшафта. Со стороны города Несвижа, а также с окрестных мест замок в Несвиже воспринимается как дворцовый ансамбль. Укрепления замка, его земляные валы и рвы видны только с ближайших к нему пунктов. Таким образом, в архитектуре Несвижского замка отдано предпочтение дворцам. Крепостные же сооружения отодвинуты на второй план.

Эта тенденция к превращению дворцово-замкового ансамбля в дворцовый проявилась еще более четко в результате последующей перестройки Несвижского замка.

В XVII в. в Несвижском замке было возведено несколько построек. Слева от центрального корпуса с башнями, симметрично к трехэтажному корпусу, был выстроен такого же размера дворец, а несколько позже — двухэтажный корпус по обеим сторонам главных ворот. Все эти корпуса были соединены между собой. Таким образом, образовался единый дворцовый ансамбль с замкнутым двором внутри. В то время, как владельцы Несвижского замка от десятилетия к десятилетию создавали в замке все новые и новые дворцовые сооружения, крепостные сооружения сохранились в первоначальном виде. Постепенно они потеряли свое оборонное значение и были заброшены.

На примере Несвижского замка видно, как происходило постепенное превращение замкового ансамбля в дворцово-замковый. Несколько по-иному эта тенденция проявилась в Ольшанском замке, выстроенном в первой половине XVII в.

По своему плану замок в Ольшанах близок к Мирскому. Оба они состоят из четырех крепостных стен, укрепленных по углам башнями. Вместе с тем по своей архитектуре они существенно отличаются друг от друга. Как было указано выше, в Мирском замке доминируют крепостные стены и башни, а дворец играет подчиненную роль. Ольшанский же замок по своей планировке и архитектуре воспринимается как грандиозный, укрепленный дворец, так как его крепостные стены полностью слились с дворцом и составляют с ним в конструктивном и архитектурном отношениях одно целое. Толщина внутренних и наружных стен дворца, выполняющих одновременно роль крепостных стен, одинаковая. Кроме того, как внутренние, так и наружные стены снабжены окнами. Подобное положение было немыслимо в замках, выполняющих исключительно оборонные функции.

Дворцово-замковый ансамбль в Ольшанах имеет вид симметрично застроенного четырехугольного карре. Если в Мирском, Несвижском и Гродненском замках XVI в. дворцы занимали только некоторую часть замковых дворов, то в Ольшанском дворец равномерно окружает двор со всех сторон. Несвижский замок, выстроенный во второй половине XVI в., уже в XVII в. не мог удовлетворить потребностей Радзивиллов с их многочисленным двором. Это и вызвало необходимость его расширения.

В Ольшанском же замке, выстроенном на полстолетия позже, когда требования магнатов к дворцам определились, дворец был создан с учетом требований обороны и в то же время возросших потребностей к богатой и роскошной жизни. Таким образом, мы видим, что если архитектура дворца Несвижского замка по существу оттеснила на задний план крепостные сооружения, то дворец Ольшанского замка растворил в своей архитектуре оборонные стены, поглотил их.

В XVIII в. появляется новый вид дворца, богато украшенный снаружи и внутри, с множеством комнат и залов, образующий вместе с подсобными постройками единый архитектурный ансамбль. Освобождаясь от брони замковых стен, башен и валов, архитектура дворца все более сближается с природой, с парком, водными бассейнами, обрастает декоративной архитектурой малых форм и скульптурой. Наиболее яркими в стилистическом отношении архитектурными сооружениями этого периода являются дворцы в Деречине, Щорсах и Ружанах. Вместе с тем по архитектуре и планировке эти ансамбли отличаются друг от друга.

В отличие от дворца Мирского замка дворец в Деречине открыт со всех сторон. Его главный фасад трактован как единая плоскость. Средняя часть фасада акцентирована монументальным колонным портиком. Портик состоит из восьми спаренных колонн, несущих триглифный фриз, увенчанный треугольным фронтоном. С обеих сторон фасад ограничен двухэтажными ризалитами, крытыми трехскатной кровлей.

В целом здание имеет вид растянутого по горизонтали приземистого сооружения. Это подчеркивается не только большой длиной его главного фасада, но и архитектурной обработкой стен. Фасад здания расчленен на две части мощным карнизом, выше которого тянется узкой полосой простенок в виде полуэтажа. Прямоугольные ниши, обрамляющие окна, делят стену фасада на простенки, которые в нижней своей части воспринимаются как широкие пилястры. Очень низко расположены окна. Например, расстояние от нижнего среза окна до земли почти в три раза меньше, чем расстояние от верхнего среза окна до карниза. Чем вызвана эта диспропорция, установить трудно. Приземист и тяжел портик фасада. Его колоннада также непропорционально растянута в длину, придавлена антаблементом и низким треугольным фронтоном.

Иные черты свойственны дворцовому ансамблю в Щорсах. Если дворец в Деречине имеет вид грандиозного, вытянутого в длину прямоугольного корпуса, то дворец в Щорсах состоит из главного корпуса и пристроенных к нему боковых крыльев, образующих в плане букву «П». Средняя часть главного корпуса дворца в Щорсах имеет два этажа с полуэтажом, вследствие чего его средний объем приобрел доминирующее положение в ансамбле. В Деречинском же дворце нет столь решительного выделения средней части; ее высота равна правой и левой половинам дворца. Портик же с треугольным фронтоном, хотя и подчеркивает эту среднюю часть, но не выделяет ее из общего объема корпуса.

В отличие от монументальных и строгих форм Деречинского дворца архитектура дворца в Щорсах отличается легкостью и своеобразной прозрачностью. Большие окна с полукруглыми завершениями, расчлененные узкими простенками с пилястрами, делают стену похожей на аркатуру, придают зданию легкий, ажурный вид.

По своей архитектуре дворец в Щорсах близок к проекту Стрельнинского дворца 1717 г. архитектора Леблона. Средние части главных корпусов обоих этих дворцов приподняты над крыльями и завершены полуовальными кровлями. В обоих случаях стены полуэтажей, надстроенные над вторыми этажами, снабжены во дворце в Щорсах овальными окнами, а в Стрельнинском — квадратными и круглыми. В Стрельнинском дворце окна боковых крыльев имеют полукруглые завершения, создающие, так же как и во дворце в Щорсах, впечатление аркатуры.

В начале XIX в. дворец в Щорсах был расширен. К обоим концам боковых крыльев были пристроены павильоны с колонными портиками в классическом стиле. По своей архитектуре они не гармонируют с основной частью дворца. Вследствие этого стилистическое единство ансамбля было нарушено.

Дворец в Щорсах является последним из

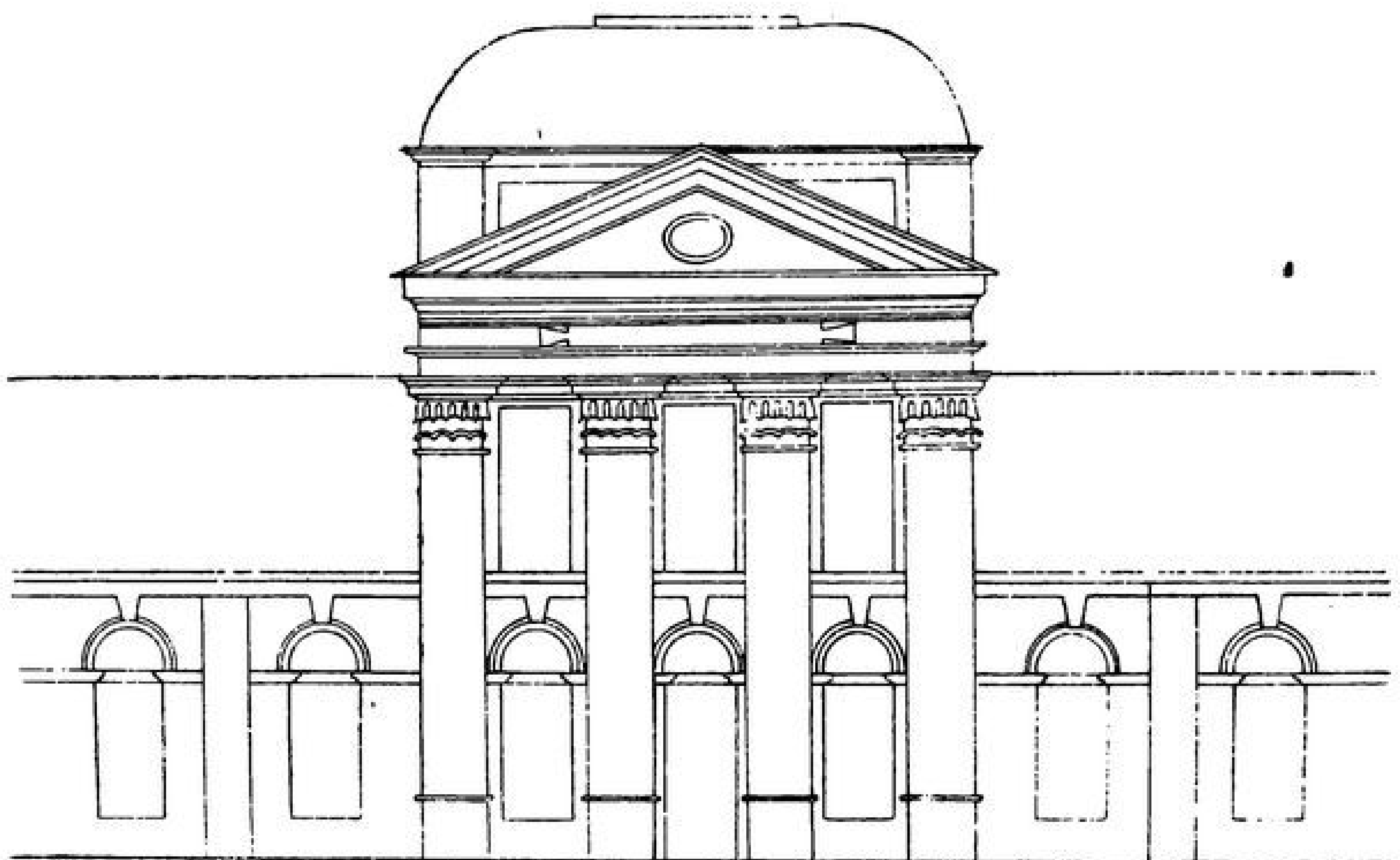

Рис. 31. Главный фасад дворца в Щорсах. XVIII в.

сохранившихся дворцовых сооружений барокко. Начиная с 80-х годов XVIII в. в Белоруссии распространяется стиль классицизма. Как и в церковном зодчестве, распространение архитектуры классицизма в различных городах Белоруссии происходило неравномерно. В Гомеле, в связи с энергичной архитектурно-строительной деятельностью Румянцева, в течение 20 лет с конца XVIII в. возникло большое количество сооружений в стиле классицизма. В это же время там был сооружен дворец в том же стиле. В Щорсах же, как было указано выше, к архитектуре барочного дворца были только пристроены павильоны в классическом стиле. Ряд дворцовых ансамблей барокко был перестроен или в стиле классицизма, или же в переходном стиле от барокко к классицизму.

Наиболее интересным архитектурным ансамблем переходного характера является дворец в Ружанах. О времени возникновения дворца нет точных данных. Исходя из характера архитектуры дворца, можно предположить, что он был выстроен в первой половине XVIII в. В 1788 г. архитектором Яном Самуэлем Бекером был составлен проект перестройки дворца. Вероятно, в это же время был перестроен и дворец. Планировка дворцового ансамбля и ряд мелких сооружений были оставлены без изменений. Главный же корпус, триумфальная арка главных ворот, а также аркатура претерпели значительные изменения. К средней части прямоугольного в плане главного старого корпуса с фасадной и тыловой стороны были пристроены два крыла. При этом был убран четырехколонный портик главного фасада. Таким образом, план главного дворца превратился из прямоугольного в крестовый.

Высота здания, пристроенного к главному фасаду, была увеличена до трех этажей, его торцевая стена обработана в средней части четырьмя спаренными колоннами, а по углам — пилястрами. Колонны и пилястры архитектор поместил на базах, покоящихся, в свою очередь, на высоких постаментах. Увенчана эта часть высоким треугольным фронтоном. Изменена была и обработка главного корпуса. Пилястры главного фасада были сбиты, но при этом богатые обрамления получили окна. В верхнем этаже они были обрамлены рама-

ми с треугольными фронтончиками, а в нижнем — украшены лепными гирляндами.

Полукруглая аркада дворцового ансамбля была обработана спаренными колоннами, несущими на себе мощный триглифный фриз. Большие изменения были внесены в оформление стен триумфальной арки. Ее нижняя часть была обработана рустом, а на уровне импоста разделена карнизом. Таким образом, все изменения, произведенные во дворце, приблизили его архитектуру к классицизму. Вместе с тем следует отметить, что автор не допустил большого стилистического разрыва между старым зданием и проектом перестройки. Внесенные им архитектурные детали и формы, хотя и заимствованы из арсенала классической архитектуры, но выполнены с возможным приближением к существующей архитектурной обработке здания.

Интересна планировка Ружанского ансамбля. Если в дворцовом ансамбле в Щорсах внутренний двор окружен постройками, наглухо отгораживающими его от парка, то в Ружанах значительная часть периметра двора отгорожена от парка двухэтажной открытой аркадой, через которую из любой точки двора открывается вид в парк. В целом архитектура Ружанского дворца производит величественное впечатление. Мощный взлет колонного портика главного фасада, высокая аркатура, несущая триглифный карниз, создают впечатление торжественной приподнятости и величия. Дворец расположен на холме вблизи города. Его ажурная аркада и мощные объемы главного корпуса видны с различных точек города. Весь ансамбль прекрасно вкомпанован в живописный пейзаж окрестностей Ружан.

4. Культовое зодчество XVII—XVIII вв.

В XVII—XVIII вв. в Белоруссии выстроено много культовых сооружений. Только в XVII в. в Могилеве построено несколько православных монастырей и церквей, например, Братский и Николаевский монастыри, Успенская, Покровская, Ильинская и Троицкая церкви и др. Было выстроено также много католических монастырей, костелов и миссионерских коллегиумов. Захватывая в белорусских городах в свои руки земельные участки, эксплуатируя белорусский народ, польские паны и католическое духовенство возводили на этих участках замки и дворцы, католические монастыри и коллегиумы. Пользуясь поддержкой королевской власти, они отнимали у белорусского населения храмы, монастыри, школы и типографии, перестраивали их или разрушали и на их месте строили католические культовые сооружения. Например, до XVIII в. в Минске существовало несколько православных монастырей: Петропавловский, Вознесенский, Козьмодемьянский, Свято-духовский, Николаевский, Троицкий и другие. К XVIII в. большинство их было разрушено и на их месте, в центре города, были созданы католические монастыри: Бернардинский женский, Бернардинский мужской, Доминиканский, Иезуитский коллегиум и другие. Начиная с этих столетий католические монастыри и костелы возводятся на главных площадях или же в центральных частях городов, как это мы видим в Витебске, Минске, Гродно, Полоцке. Православные же культовые сооружения и, прежде всего, монастыри создавались на окраинах или за пределами городов. Так, например, в XVII в. были выстроены два Кутеинских монастыря за Оршей, а недалеко от Витебска — Марков монастырь.

Появление на главных городских площадях и улицах высоких церковных построек, грандиозных монастырей, занимающих целые кварталы, внесли изменения в архитектуру белорусских городов. Следует при этом указать, что, как и в XVI в., основной фонд городской застройки составляли деревянные дома и усадьбы горожан, придававшие городам живописный вид. Основным строительным материалом того времени было дерево. Из него сооружались все усадьбы и дома белорусского крестьянина, городской бедноты, ремесленников и мел-

ких торговцев, а также большинство домов помещиков, городской знати, церквей и монастырей.

При строительстве жилых построек наиболее часто употреблялись сосна и ель, а для строительства хлевов, сараев, навесов — береза, осина, ольха и другие древесные породы. Церкви, костелы, дома господствующей верхушки создавались из толстых сосновых или дубовых брусьев, обработанных топором. Кирпичное строительство было распространено в городах и проводилось, главным образом, представителями господствующего класса. Размер кирпича был довольно разнообразный. Связующим веществом при постройке зданий того времени был известковый раствор с различными примесями.

Наряду с кирпичом в зданиях XVII и частично XVIII в. применялись камни различного размера (от 5 до 10 сантиметров), причем камни образовывали стену не сплошной массой, а вмуровывались в кирпич. Чаще они применялись в нижних этажах, реже в верхних. Показателен в этом отношении так называемый дом Сапеги в Минске. Стены нижнего этажа этого здания на одну треть состояли из камня и две трети из кирпича. В верхнем этаже камень встречался реже. Подобная же конструкция свойственна и другим постройкам.

От белорусской архитектуры XIV—XVI вв. не сохранилось ни одного сооружения из дерева. Поэтому мы не имеем возможности судить о типе и стиле деревянной архитектуры того времени. Наиболее ранние, известные нам памятники деревянного зодчества Белоруссии относятся к XVII в. Сравнивая сохранившиеся деревянные церкви XVII в. с каменными, мы видим, что они развивались в том же направлении. Для памятников деревянной и каменной архитектуры (для одного и того же периода) свойственны, как правило, одни и те же плановые и композиционные решения и стилистические приемы. Исходя из этого, автор считает более правильным не расчленять эти памятники на два раздела.

Наиболее простым видом деревянных храмов XVII в. являлась односрубная церковь, завершенная небольшой главкой или просто небольшим крестом. Строились такие храмы, главным образом, в бедных приходах, так как на возведение их требовались сравнительно небольшие затраты. Прототипом этих церквей надо считать обычную крестьянскую избу, от которой они и заимствовали свой внешний вид и планы. Из всех известных нам церквей подобного типа наиболее древней является Михайловская церковь, изображенная на чертеже гор. Витебска 1664 г.

К более сложному виду относятся трехчастные деревянные церкви, состоящие из прямоугольного сруба, увенчанного главой, и пристроенных к нему абсиды с востока и притвора с запада. Наиболее интересной из построек этого вида является деревянная церковь в Друе. Небольшая по размеру, завершенная низкой главой, церковь эта отличается простотой архитектуры, сдержанностью декора. Состоит она из трех частей: главного объема, крытого высокой кровлей с невысокой главой, пятигранной абсиды и небольшого притвора. В прекрасной отделке храма, в пропорциональном соотношении его главных объемов чувствуется рука большого мастера. Это сказалось в форме полукруглых и круглых окон, удачно вписанных в плоскость стен, в характере карниза, украшенного деревянной резьбой, а также в оформлении главного и тыловых фасадов фронтонами. В архитектуре этого здания наглядно проявился один из характерных принципов белорусского деревянного зодчества — делать красиво и просто. Эта черта свойственна большинству крестьянских хат и домам горожан, а также многим деревянным церквам.

Наряду с рассмотренными храмами в XVII—XVIII вв. создавались прямоугольные в плане шестистолпные храмы с одной абсидой на востоке и двумя башнями на западном фасаде. Наиболее ранней и вместе с тем наиболее интересной среди них является церковь Петра и Павла на улице Островского в Минске, выстроенная в 1612 г.

Строительство Петропавловской церкви и монастыря было вызвано стремлением воспрепятствовать распространить в Минске католицизм и униатское вероисповедание. Когда после Брестской унии 1596 г. архимандрит Вознесенского монастыря

Паисий Стаховский начал распространять в Минске унию, то против него поднялось все белорусское население города. Наиболее влиятельные горожане, обсудив положение, составили акт о том, что с древних времен их отцы и деды придерживались своих обычаев и православной веры, что они не желают принимать унию и остаются православными. Акт этот был подписан в 1611 г. 52 представителями белорусской знати *. В то же время и было решено выстроить Петропавловский монастырь с церковью. В дальнейшем, в течение XVII—XVIII вв., все православные монастыри Минска были или уничтожены и на их месте выстроены католические монастыри, или переданы униатам. Только Петропавловский монастырь, несмотря на неоднократные попытки со стороны униатов и католического духовенства захватить его в свои руки, долгое время оставался в руках православного белорусского населения. В народе церковь Петра и Павла называлась Желтой очевидно потому, что она была окрашена в желтый цвет. С конца XVIII в. по желанию императрицы Екатерины II она была переименована в Катерининскую.

Сравнивая Катерининскую церковь с расположенными рядом костелами Минска, мы видим, что ее архитектура во многом отличается от архитектуры этих сооружений. Внутреннее пространство Петропавловской церкви, вследствие относительно большой толщины столбов, в большей степени разобщено ими, чем в соседнем Доминиканском костеле. Поверхность стен Кафедрального костела Минска расчленена массивными карнизами, нишами, тягами и пилястрами, а Доминиканского костела — колоннами, украшенными лепным орнаментом. Стены же Петропавловской церкви воспринимаются как нерасчлененные плоскости. Слабо выраженные карнизы и тяги не нарушают этого единства. Здесь также сказалась древнерусская традиция. В отличие от большинства костелов Минска стены и столбы Петропавловской церкви были покрыты живописью. В композиционном размещении этих росписей явно ощущается тенденция заполнить живописью всю поверхность внутренних стен храма.

В архитектуре Петропавловской церкви имеется ряд черт, сближающих ее с деревянным зодчеством. Это проявилось в форме башен храма, напоминающих собой деревянную башню теплой церкви Борисоглебского монастыря близ Полоцка, а также в граненой абсиде и в форме двойных окон, как в деревянной Троицкой церкви Маркова монастыря.

Широкое распространение в белорусской архитектуре XVII в. получили однонефные храмы, фланкированные со стороны входа одной башней. Наиболее интересным сооружением этой группы является собор Троицы 1645 г. в Слониме. В прежнее время он был главным храмом монастыря. Монастырь был обнесен стеной и имел ряд жилых и служебных построек. К настоящему времени от монастырских построек сохранились части стен, большой двухэтажный корпус и небольшая брама прекрасной архитектуры.

Храм состоит из основного объема, растянутого в длину, двух боковых пристроек и входного помещения. Ширина полукруглой абсиды почти равна ширине храма. Поэтому алтарная часть слилась с основным его объемом. Храм бесстолпный. Это обстоятельство определило его конструкцию. Для того чтобы уравновесить давление сводов, архитектор принял ряд мер. Прежде всего, он увеличил толщину стен. Но это мероприятие не могло уничтожить силы горизонтального распора. Чтобы сделать храм устойчивым, он укрепил боковые его стены мощными контрфорсами снаружи и внутри. Этой же цели служат пристройки к боковым стенам храма. Башня храма, через которую сделан вход, состоит из четырех ярусов. Два нижних — четырехугольные, а два верхних — восьмигранные. Углы нижних ярусов обработаны массивными пилястрами.

Не подлежит сомнению, что подобная конструкция заимствована от готической архитектуры. Для подтверждения этого необходимо сравнить собор Троицы с готическим храмом Михаила в Гнезно (Гродненская область), выстроенным в начале XVI в. Так же как и церковь Троицы, храм Михаила бесстолпный, в плане продолгова-

* Россия, т. IX, СПБ, 1905 г., стр. 414.

тый и заканчивается с одной стороны многогранной абсидой, ширина которой равна ширине храма, а с другой к нему пристроена башня. По плану, конструкции стен и башни, по их декоративной обработке и общему силуэту собор Троицы напоминает собой храм Михаила. Более того, в архитектуре Троицкой церкви имеются черты, сближающие ее не только с культовой, но и с крепостной архитектурой XVI в. Об этом свидетельствуют ее толстые стены с контрфорсами, узкие и длинные окна полукруглого завершения, тяжеловесная башня, обработанная круглыми и продолговатыми окнами, укрепленная контрфорсами и толстыми пилястрами по углам.

Наряду с трехнефными базиликальными и бесстолпными храмами в белорусской архитектуре XVII в. широкое распространение получили крестовые в плане храмы, которые также можно разделить на два вида: одноглавые и пятиглавые. К первому виду относятся: деревянная Троицкая («Черная») церковь Витебска, кирпичные церкви Оршанского Кутеинского Успенского монастыря, Покровская и Успенская церкви Могилева. Ко второму виду относятся: Ильинская церковь Витебска, Троицкая церковь Маркова монастыря, церковь Духа Кутеинского Оршанского монастыря, церковь села Глухи, Бобруйской области, и другие, выстроенные из дерева.

Из церквей первого вида наиболее интересной является Троицкая («Черная») церковь Витебска. Когда она выстроена, достоверно неизвестно. Известно, однако, что уже в начале XVII в. она существовала. В плане она имеет вид креста; все четыре крыла храма прямоугольные, причем западное и восточное крыло несколько длиннее северного и южного. Кроме того, с запада к храму пристроено одноэтажное помещение (притвор), а с востока, по обеим сторонам абсиды, — ризница и диаконник. Вследствие этого план храма приобрел в общей сложности удлиненную форму, вытянутую с запада на восток. Снаружи Троицкая церковь Витебска имеет ярусный вид. Эта ярусность слагается из трех уступов: нижний уступ образован одноэтажной трапезной с запада и двумя пристройками по сторонам восточного крыла, второй уступ образуют боковые крылья, завершенные треугольными фронтонами, и третий — барабан с главой.

По своей планировке и конструкции, а также наружному виду деревянная Троицкая церковь близка к каменным церквам Могилева XVII в. (Покровская) и Орши (храм Успенского Кутеинского монастыря). Все они имеют планы в виде несколько удлиненных крестов. В соответствии с этим каждый из этих храмов состоит из двух взаимно пересекающихся помещений, завершенных в центре барабаном с главой.

Все четыре крыла храмов завершены двускатными кровлями с треугольными фронтонами. Совершенно одинаково у них сделано соединение коньков кровель с барабаном. Восьмигранные барабаны всех этих храмов завершаются луковичными восьмигранными куполами, увенчанными, в свою очередь, маленькими барабанами с главками. В ряде случаев это сходство идет еще дальше. Так, например, Покровская церковь Могилева имеет с запада одноэтажную пристройку, близкую по плану и наружному виду к трапезной Троицкой церкви Витебска.

Близка к рассмотренной группе храмов каменная Успенская церковь Могилева, заложенная в 1670 г. План храма имеет форму креста и состоит из продольного нефа и трансепта. Средокрестие завершено массивным многогранным барабаном с главой. С востока храм заканчивается тремя полукруглыми абсидами. Обращают на себя внимание две полукруглые пристройки к стене поперечного трансепта храма. По своей форме они напоминают собой боковые абсиды. Поэтому план храма имеет вид веера, заканчивающегося шестью полукруглыми пристройками. Это обстоятельство несколько обособляет церковь Успения от других храмов города.

Можно вполне допустить, что церковь Успения своими источниками связана, с одной стороны, с храмом Богоявления, а с другой — с деревянными храмами Могилева. Об этом говорит, прежде всего, ее конструкция, состоящая из двух пересекающихся под прямым углом прямоугольных объемов, как в деревянных крестовых храмах Белоруссии. Еще более

убеждает нас в этом обрамление ниши на фронтоне, состоящее из двух колонок, покрытых лепным растительным орнаментом. Оно напоминает собой оконные и дверные оформления деревянными резными колонками в отдельных памятниках белорусской архитектуры.

Храмы подобного типа были распространены не только в Белоруссии и в Смоленской области, но и на Украине и в русском деревянном зодчестве севера. Например, церковь села Почеп, б. Черниговской губернии, по плану и наружному виду близка к Троицкой церкви Витебска. Наиболее типичной из крестовых храмов Смоленщины является Успенская церковь в Красном, выстроенная во второй половине XVII в.

Сравнивая рассматриваемую группу крестовых одноглавых белорусских храмов с деревянными храмами русского севера, мы видим, что по планировке и наружному виду к ним ближе всего стоят шатровые, с крестовым планом храмы, как, например, Вознесенская церковь в Концегорье 1752 г., церковь рождества Богородицы в селе Заостровье 1726 г. В данном случае нас интересует не столько сходство перечисленных храмов с белорусскими, сколько их различия. Выяснение этих различий поможет нам более четко выявить характерные черты белорусской архитектуры XVII—XVIII вв.

В белорусских деревянных и каменных храмах барабаны с главами имеют сравнительно небольшие размеры. Соотношение величины главы к объему корпуса примерно такое, как и в каменных одноглавых храмах русского и белорусского зодчества XII—XIV вв. В деревянных же храмах русского севера барабан занимает по своему размеру доминирующее место, а маленькие боковые крылья превратились в незначительные пристройки. Кроме того, если белорусские церкви увенчаны главами, а крылья покрыты двух- и трехскатными кровлями, то церкви русского севера завершены высокими шатрами с главками, а прирубы довольно часто крыты фигурными бочкообразными кровлями. Храмы русского севера более живописны, богаче и разнообразней по своей декоративной обработке.

Большинство деревянных храмов русского севера состоит из прямоугольных или восьмигранных объемов, увенчанных высокими шатрами причудливой формы, бочкообразными фронтонами, поднимающимися иногда друг над другом в несколько ярусов. Довольно часто они окружены пристройками с фигурными главками и другими декоративными деталями. Белорусские деревянные крестово-купольные храмы более просты по своей планировке и строги по композиции. У них теснее ощущается связь между конструкцией и декоративной обработкой, между внутренним объемом здания и его наружным видом. Их композиция проста. Компануется она из простейших форм: куба, прямоугольника и восьмиугольника, четко очерченных в своих границах. Композиция же северорусских деревянных церквей более усложнена; ее отдельные части имеют довольно сложные формы, переходящие друг в друга при помощи таких же сложных форм и деталей.

В белорусской деревянной архитектуре преобладают плоскости, прямые углы, прямые линии. Украинская же деревянная архитектура часто избегает прямых плоскостей. В ней встречаются выпуклые или вогнутые плоскости, прямые линии заменяются закругленными, прямые углы — сложными профилями. Все это делает белорусскую деревянную архитектуру более статичной, спокойной, а ее формы более уравновешенными. По своим пропорциям ее постройки выглядят более законченными, а общая композиция их более замкнутой. Этому впечатлению содействует и то обстоятельство, что постройки, как правило, имеют относительно небольшие размеры и малую высоту, в отличие от более высоких украинских.

В этом нетрудно убедиться, сравнивая Троицкую церковь Маркова монастыря с украинскими крестовыми пятиглавыми церквами. Например, Покровская церковь в Ромнах, перенесенная в 1900 г. в Полтаву, отличается от Троицкой прежде всего тем, что она более высока, завершена волнистой восьмискатной кровлей. Над этой кровлей возвышается вторая волнистая кровля, повторяющая собой нижнюю, над которой, в свою очередь, поднимается небольшого размера барабан с фигур-

ной главой. Все это вместе взятое усложняет наружный вид храма, придает его формам динамичность, устремленность ввысь, что в общей сложности приближает его к памятникам каменной барочной архитектуры Украины.

Троицкая же церковь обнаруживает в своей архитектуре стремление к простоте наружного вида, к статическому расположению архитектурных форм. Каждый из ее шатров воспринимается как самостоятельный объем, но соподчиненный главному, центральному. В обработке поверхности стен шатров, в форме их кровель и галерей господствуют плоские поверхности. Вогнутые и выгнутые линии в обработке поверхностей, за исключением главок, отсутствуют.

По своему наружному виду пятиглавые храмы еще более живописны, чем одноглавые. Их центральные шатры с главками легко поднимаются над корпусом. Это еще больше подчеркивается четырьмя боковыми шатрами, усиливающими вертикальный ритм. Храмы эти прекрасно гармонируют с белорусской природой, с ее всхолмленным пейзажем, покрытым лесом. Выстроенные народными мастерами, они напоминают собой купы деревьев, тянущихся своими ветвями к небу.

Наиболее последовательно этот вертикальный ритм выражен в Ильинской церкви Витебска *. В отличие от Троицкой церкви Маркова монастыря ее шатры более стройные, а центральная глава поднимается значительно выше боковых. Подъем глав еще больше подчеркивается маленькими главками, увенчивающими двускатные крыши трех крылец и абсиду. Таким образом, все девять глав храма подчинены задаче создания постепенного ритмического подъема от маленьких глав, образующих первый полог, к главам боковых крыльев, группирующихся вокруг главной. Благодаря такой группировке глав зодчему удалось создать исключительно живописную композицию, гармонически вписанную вместе с окружающей ее купой деревьев в городской пейзаж Витебска.

Эта особенность сближает Ильинскую церковь с храмом Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Близость эта проявляется в самом факте многоглавия, в системе расположения глав, в постепенном увеличении высоты глав от боковых к центральной, в характере динамически устремленного вверх внутреннего пространства, в сложной системе крылец, связывающих храмы с окружающими строениями. Не подлежит сомнению, что между храмом Василия Блаженного и шатровыми храмами Белоруссии существует определенная связь. Эта связь могла итти по линии заимствования архитекторами храма Василия Блаженного архитектурного образа, конструктивных приемов и стилистических черт от деревянной шатровой архитектуры России, Белоруссии и Украины. Впоследствии, когда храм Василия Блаженного получил всеобщую известность, его живописная композиция оказывала, в свою очередь, влияние на деревянное шатровое зодчество.

Проще по композиции и спокойней по облику пятиглавая Троицкая церковь Маркова монастыря близ Витебска. Она более массивна и приземиста, чем Ильинская. Ее боковые шатры по своему объему, высоте, а также внешней форме мало чем отличаются от главного шатра. Эта приземистость еще больше подчеркивается системой галерей, охватывающих храм с трех сторон.

В XVII в. в ряде белорусских городов было создано несколько базиликальных, центрально-купольных храмов. Состоят они из продольного трехнефного корпуса с трансептом, увенчанного на срединокрестии барабаном с главой, трех или одной полукруглых абсид с востока и двух башен фасада. Наиболее ранним сооружением подобного вида является собор Богоявления в Могилеве, выстроенный в 1633—1636 гг. Богоявленским братством.

---

* Точных сведений о времени постройки Ильинской церкви в Витебске не имеется. Первоначально она была заложена в 1447 г. (Батюшков, Белоруссия и Литва, СПБ, 1890 г., стр. 135). Однако, долго ли существовала эта церковь и какой вид она имела, неизвестно.

Павлинов в статье «Древние храмы Витебска и Полоцка» и Сапунов в «Витебской старине», т. I—III, исходя из стилистических особенностей церкви, относят ее к XVII в. Это же предположение подтверждается и надписью над дверью храма — «1643». В 1887 г. Ильинская церковь была отремонтирована, покрыта железной кровлей. Сгорела церковь в 1904 г.

Рис. 32. Ильинская церковь XVII—XVIII вв. в Витебске.

Сравнивая храм Богоявления с архитектурными сооружениями в других городах Белоруссии, созданными в более ранний период времени, мы видим, что между ними имеется много общих черт. Прежде всего необходимо указать на ступенчатость наружного вида храма. Эта особенность приближает его к Спасо-Евфросиньевской церкви Полоцка XII в., наружный вид которой также имел пирамидальную композицию. Конструкция храма Богоявления определила и его план. Барабану большого диаметра соответствует вместительное подкупольное пространство, доминирующее внутри храма так же, как и в Спасо-Евфросиньевской церкви. Алтарная часть храма Богоявления имеет три полуцилиндрические абсиды, из которых средняя шире и длиннее боковых. Такая форма алтарной части сложилась в архитектуре древнерусского стиля и существовала во многих храмах западнорусской архитектуры, как, например, в Коложской церкви XII в. В стенах храма по обеим сторонам входных дверей имеются два круглых помещения в виде колодца, в которых были винтовые лестницы. Подобные колодцы с лестницами имеются в храме XII—XIII вв. на Замковой горе в Гродно, а также в башнях Сынковичского и Маломожейковского храмов.

Рассматривая план, конструкцию, декоративную обработку, а также организацию внутреннего пространства храма Николая в Могилеве, мы приходим к выводу, что в нем наиболее последовательно развиты архитектурные принципы, впервые сформулированные в храме Богоявления. О постройке храма в «Хронике белорусского города Могилева» сказано: «В сем 1669 г. начато строительство церкви святого чудотворца Николая». Ее план в основных своих чертах повторяет план храма Богоявления. Но между планами этих храмов имеется и разница, заключающаяся в следующем. План храма Николая более компактный, средняя абсида и выступы поперечных трансептов менее выделяются в плане.

Фасад храма Николая имеет вид трехэтажного щита, завершенного козырьком и двумя башнями. Нижний этаж самый высокий. Он обработан тремя высокими, полукруглыми нишами, средняя из которых в три раза шире боковых. Эта часть этажа имеет монументальный вид. Второй этаж ниже первого. Его поверхность также разбита нишами и разъединена пилястрами, украшенными лепным орнаментом. Ниши эти значительно меньше, чем в первом этаже. Ниши третьего этажа еще меньше, чем второго, и оформлены пилястрами и колоннами, покрытыми растительным орнаментом. Над средней частью фасада помещен козырек с волютами, а по сторонам — одноярусные башни. Стены башни завершены треугольными фронтонами, а верх — многогранным барабаном с низкой главой.

Храм Николая отличается массивностью форм, монументальностью наружного вида. Сдержанная обработка фасада, увенчанного низкими башнями, тяжелые карнизы и фронтоны боковых фасадов, завершающие стены здания, массивный, большого диаметра барабан делают его архитектуру тяжеловесной. Это сближает храм с архитектурой предшествующего периода. В то же время в нем имеются черты нового, свойственного архитектуре XVIII в. В XVI в. культовые сооружения были невысокими. Храм же Николая, несмотря на массивность его общего вида, является, как и храмы XVIII в., довольно высоким. В отличие от храмов XVI в., в храме Николая явно ощущается тенденция украсить его снаружи лепными деталями. Это стремление к декорированию наружных стен сказалось в обработке главного фасада, в особенности его верхних ярусов, в форме козырьков боковых нефов, в завершении фасадов фигурными фронтонами, в характере тамбура, украшенного лепными колоннами, и т. д.

Храмы с подобным планом и конструкцией строились в XVIII в. и частично, как, например, в Витебске, в начале XIX в. Разница между соборными храмами XVII и XVIII в. состоит в следующем. Храмы XVII в. были массивней по архитектуре, менее высокими, сдержанней в украшении, чем храмы XVIII в. Архитектурные формы храмов XVIII в. более легкие и богаче украшены скульптурной лепкой. Подобная эволюция наблюдается и в костелах, с той разницей, что в них стремление к декоративности выражено значительно сильнее.

Рис. 33. Успенский собор в Витебске. XVII—XVIII вв.

Необходимо несколько остановиться на взаимосвязи между костелами и церквами, выстроенными на территории Белоруссии. Наиболее полно эта связь проявляется в крестово-купольных базиликах. Как на пример, укажем на близость плана, конструкции, оформления главного и бокового фасадов Успенского собора в Витебске к Фарному костелу в Гродно. Эта близость сказалась в обработке фасада пилястрами, в форме козырьков и глав, в характере слоистых карнизов.

Одновременно следует отметить, что между церковной и костельной архитектурой существует значительная разница. В архитектуре костелов наиболее часто встречаются двухбашенные базиликальные храмы (Бернардинский собор Минска) и однонефные, фланкированные одной башней (Бернардинский мужской костел в Слониме). Следует указать еще на одну важную особенность католической культовой архитектуры XVII—XVIII вв. В отличие от церквей костелы в большинстве были изолированы от городских кварталов, площадей и улиц крепостными стенами

или же окружались двух- или трехэтажными постройками, составлявшими с костелом единый ансамбль. Для иллюстрации этого положения могут служить все костелы, расположенные в городах Минске и Гродно.

Интересен в этом отношении монастырь в Друе. Он состоит из костела и примыкающих к нему монастырских построек. Его планировка рассчитана на создание замкнутого ансамбля, изолированного от окружающего толстыми крепостными стенами, вследствие чего монастырь в Друе напоминает собою феодальный замок. Совершенно ясно, что его строители, миссионеры католического ордена, ставили своей задачей создать архитектурный комплекс, способный, в случае необходимости, выдержать осаду враждебного им белорусского населения.

Существенные различия имеются между церквами и костелами в декоративном оформлении. Наружное и внутреннее оформление церквей проще, сдержанней, теснее связано с конструкцией стен и покрытий, в костелах же оно носит часто самодовлеющий характер, пышнее и не всегда соответствует конструкции самого здания.

Применение скульптуры в церквах было ограничено (за исключением униатских), в то время как костелы в большинстве своем украшались скульптурой. Сама же скульптура в белорусских церквах решена более плоскостно и, как правило, рассчитана на фронтальное восприятие, ей присуща в большей мере статичность, симметричность композиции. В скульптуре же костелов бросается в глаза ее динамизм, раккурсность построения, сложность поз, жестикуляция рук и стремление к эффектности.

То же самое мы имеем и в области монументальной стенной живописи. Церкви чаще расписывались монументальными композициями. Основное внимание в них обращалось на характеристику изображаемого персонажа, в то время как в живописи костелов больше интересовались формальными моментами, как передача движений, изображение фигур в раккурсе. Церковные композиции решались менее пространственно, менее объемно, они в большей степени связаны с плоскостью стен интерьера, живопись же костелов в ряде случаев рассчитана на создание глубокой перспективы, нарушающей цельность стенной поверхности.

Строительство крестово-купольных базилик в Белоруссии было распространено и в XVIII в. Наиболее интересными из них являются Спасо-Преображенская церковь Могилева, Успенский собор Витебска, собор Софии в Полоцке и другие.

Спасо-Преображенская церковь XVIII в. своими истоками связана с Богоявленским и Николаевским соборами Могилева. Об этом свидетельствует ее план, композиция здания, а также характер завершающих частей, воспроизводящих собой с некоторыми изменениями завершающие части могилевских крестово-купольных храмов XVII в. Наряду с этим в ней довольно отчетливо обнаруживается связь с архитектурой русского и украинского барокко. Это проявилось, прежде всего, в обработке окон наличниками, в форме карнизов и в особенности в характере завершающих частей. Спасская церковь относится к типу многоглавых. На средокрестии она увенчана одной большой главой и четырьмя малыми, близко примыкающими к большой. Подобную композицию размещения глав имеют отдельные сооружения Растрелли. Завершение Андреевского храма в Киеве также состоит из одной большой главы и четырех малых, близких по своей форме к главам Спасской церкви. Еще ближе к Спасской церкви завершение собора Смольного монастыря в Ленинграде, построенного Растрелли в 1748—1755 гг. Большой барабан Спасской церкви в основных своих чертах повторяет барабан Смольного собора, с той разницей, что первый проще по своему внешнему виду и беднее в декоративном отношении. То же самое мы можем сказать и о маленьких главах этих храмов. Необходимо отметить, что подобная группировка глав, которую мы имеем в Спасской церкви в Могилеве, встречается в русской архитектуре конца XVII и начала XVIII в., как, например, в церкви Успения на Покровке в Москве и в Строгановской церкви в Горьком.

Выдающимся архитектурным сооруже-

Рис. 34. Собор Софии в Полоцке. XI—XVIII вв.

нием является храм Софии в Полоцке. Сооруженный в XI в., он в течение девятивекового существования не раз горел, разрушался и вновь восстанавливался. Последний раз он был перестроен около середины XVIII в. архиепископом Флорианом Гребницким. В результате этой перестройки Полоцкая София совершенно изменила свой внешний облик и превратилась в барочный двухбашенный базиликальный храм. Подобные перестройки характерны для многих белорусских храмов. От старой постройки сохранились: подвальное помещение со стенами и столбами, части восточной и западной стен, а также восточные абсиды. Для того чтобы сохранить симметричность плана, с западной стороны к стене храма были пристроены три такие же граненые абсиды, которые вместе с восточными выполняют роль трансепта. Длина старого здания определила собой ширину нового и длину трансепта.

Храм Софии расположен на высоком мысу, при впадении реки Полоты в Западную Двину. Его архитектура представляет собой естественное завершение этого холма. Монументальные формы храма прочно срослись с вершиной холма. Этому способствует пирамидальность его композиции, архитектурные массы которой постепенно возвышаются от низких крайних нефов к среднему высокому. Эта же пирамидальность еще ярче выражена в фасаде, нижняя часть которого имеет массивный вид и несколько уширена по сравнению с его верхней частью. Ярусы башен фасада также уменьшаются в своем размере от нижних, более тяжелых, к верхним, более легким. Нижние два этажа фасада Полоцкой Софии имеют простую декоративную обра-

ботку. Верхние же по мере подъема делаются все более легкими и роскошно украшенными.

В отличие от пирамидальной композиции Полоцкой Софии композиция наружных масс Воскресенской (Рынковой) церкви более стройна. Все три ее нефа крыты на одинаковой высоте и имели одну кровлю. Поэтому основной массив храма имел вид прямоугольного блока с высоко поднимающимися стенками. Размеры и форма нижнего этажа мало чем отличаются от верхнего. Таковы и башни фасада. В отличие от башен Полоцкой Софии, резко уменьшающихся в своем размере от нижнего яруса к верхнему, ярусы башен Воскресенского храма имели вид прямоугольных тел почти равного периметра. Вследствие небольшой разницы в размере ярусов, башни приближаются по своему виду к столбам, красиво подымающимся ввысь.

Оба этажа Воскресенской церкви по фасаду объединены пилястрами и колоннами большого ордера. Башни храма имеют стройный вид. Большие оконные пролеты верхних ярусов и тонкие простенки делают формы башен прозрачными и исключительно легкими. Фасад храма обработан колоннами коринфского ордера. Линия карнизов волнистая, плоскость простенков обработана в виде желобов и имеет вогнутый вид. Еще более изящно украшены два верхних яруса храма. По своей архитектуре, в особенности по характеру обработки башен, Воскресенская церковь имеет черты сходства с отдельными храмами Вильнюса, например с костелом Екатерины. Церковь Воскресения выстроена в 1772 г., т. е. в период, когда архитектура барокко доживала свои последние дни, но это полностью барочное произведение. В нем нет и намеков на сближение с архитектурой классицизма, на признаки упадка барочной архитектуры.

В 80—90-х годах в Витебске и других городах создавались храмы уже в переходном стиле — от барокко к классицизму. В этом отношении значительный интерес представляют такие храмы, как Петропавловская церковь, собор Успения, а также Воскресенско-Заручьевская и Семеновская церкви. Из этой группы храмов наиболее полно черты барокко выражены в церкви Петра и Павла. Ее архитектура дает нам яркий пример органического перехода архитектуры барокко в классицизм, накапливание новых стилистических черт в рамках старого стиля.

В плане храм имеет вид прямоугольника и завершен на середине сферой на парусах. Боковые нефы значительно уже и в два раза ниже среднего. Внутреннее пространство церкви решено пластично. Опоры сводов имеют вид пучков, состоящих из мощных столбов, фланкированных пилястрами и спаренными колоннами. Подобными же колоннами оформлены и боковые стены. Капители колонн выполнены схематично, с намеком на волюты, абаки и астрагалы. Церковь имеет хоры, помещенные над входом. Внутри храм расписан. Композиции, расположенные в нижней части стен, подправлены, по всей вероятности, в XIX в. Что касается живописи верхних частей стен, то она сохранилась от XVIII в. Все это придает внутреннему объему храма торжественный вид. Интересен фасад храма. Его стены имеют волнистый профиль. В средней части, по обеим сторонам от входа, стоят по две колонны на высоких базах, поставленных под углом к поверхности стен. Углы фасада и его верхний ярус были также обработаны колоннами. Храм хорошо освещен большими окнами.

По одним источникам храм выстроен в 1743 г., по другим — в 1780 г. Исходя из стиля храма, скорее можно принять вторую дату *. Снаружи стены храма обработаны тонкими пилястрами, едва выделяющимися на глади стен. Карниз также слабо подчеркнут. Все это сближает храм Петра и Павла с Семеновской церковью, выстроенной в конце XVIII — начале XIX в.

По-иному происходило рождение нового стиля классицизма в Успенском соборе. По своей конструкции и планировке Успенский собор относится к архитектуре барокко. Он имеет вид вытянутого в длину прямоугольника, разделенного внутри на три нефа, из которых средний почти наполовину выше боковых; высота поперечного трансепта равна высоте среднего нефа. На средокрестии храма помещен барабан с куполом, а фасад увенчан двумя высокими башнями.

* Витебская старина, т. I—III, Витебск, 1883 г., стр. 663.

Успенская церковь начата строительством в первой половине XVII в. Этим объясняется связь ее плана и конструкции с архитектурой барокко. Выстроен же храм в конце XVIII в., в период, когда барокко в архитектуре уступило место классицизму. Это не могло не отразиться на его архитектуре и декоративной обработке верхних частей стен, в которых явно сказалось веяние архитектуры классицизма. Башни фасада состоят каждая из трех ярусов и фонаря, отделенных друг от друга системой раскреповок и карнизов с кровельными скатами на них. Стены ярусов обработаны спаренными пилястрами, а узкие простенки между ними перерезаны высокими окнами. Благодаря этому башни, несмотря на подчеркнутость горизонтальных членений, не потеряли своей стройности и легкости. Таким образом, Успенский собор представляет пример своеобразного «наслоения» классических приемов в обработке стен храма на барочную основу.

Глава V

Архитектура конца XVIII и первой половины XIX в.

1. Планировка и застройка городов

В XVIII в. Речь Посполитая находилась в состоянии экономического застоя. Беспощадная эксплуатация крестьянства, варварское ведение сельского хозяйства приводили к окончательному обеднению белорусской деревни. Начавшийся в XVII в. процесс упадка городов еще больше усилился в XVIII в. Господство магнатов и шляхты привело к упадку ремесленное производство и городскую торговлю. Это катастрофическое положение Речи Посполитой прекрасно охарактеризовано Ф. Энгельсом: «Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развивали торговлю и промышленность и создавали большие города, — такая страна была обречена на гибель. Аристократия несомненно погубила Польшу» *. Голод был постоянным спутником белорусской деревни. Царский чиновник Энгельгардт, обследовавший восточные районы Белоруссии в 1773 г., писал: «Голод в некоторые годы был настолько велик, что бедные крестьяне сушили в печке молотые желуди, листья с деревьев, кору, всякие корни и растения, в особенности гнилые дубовые колоды; это размалывали и смешивали с незначительным количеством муки; этим жалким питанием они поддерживали свою жизнь. Тем не менее, в некоторых местах многие опухали от голода и умирали».

Исстрадавшийся белорусский народ с надеждой смотрел на Россию, как на силу, способную избавить его от национального и религиозного гнета польских панов и католического духовенства. Городское мещанство неоднократно обращалось к России с просьбой о помощи. Белорусские крестьяне и городские мещане с радостью встречали русские войска, довольно часто появлявшиеся на территории Белоруссии, содействовали осуществлению их военных операций, оказывали помощь в снабжении продовольствием и в передвижении. Наконец, сокровенная мечта белорусского народа объединиться с русским народом в едином государстве была осуществлена. В 1772 г. был произведен первый раздел Речи Посполитой, по которому восточная часть Белоруссии была присоединена к России, а в 1793 и 1795 гг. были присоединены также и западные районы Белоруссии.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. XIII, стр. 159.

Присоединение Белоруссии к России имело большое прогрессивное значение для белорусского народа. Объединение экономики Белоруссии с более передовой в промышленном отношении экономикой России содействовало промышленному развитию Белоруссии. После присоединения Белоруссии к России в ее городах начинает быстрее расти промышленность, развивается торговля не только с соседними городами, но и с заграницей. Открылись более широкие возможности для благотворного влияния передовой русской культуры на белорусскую. Русская культура, созданная Пушкиным и Радищевым, Баженовым и Левицким, Ломоносовым и Ползуновым, стала достоянием белорусского народа.

В особенности больших успехов добился русский народ в области архитектуры и градостроительства. Великие мастера русской архитектуры Старов, Стасов, Захаров, Баженов, Казаков, Росси, Воронихин и другие заняли ведущее место в мировом зодчестве. «Россия была при Александре, — пишет академик И. Э. Грабарь, — единственной страной в Европе, давшей миру действительно великую архитектурную эпоху» *. Под влиянием этой великой русской архитектуры развивалась белорусская архитектура. Мастера русской архитектуры были постоянными учителями белорусских архитекторов. Не случайно самые лучшие архитектурные сооружения Белоруссии, как, например, дворец Румянцевых в Гомеле, собор Иосифа в Могилеве и другие, были созданы под воздействием русской архитектуры.

Отмечая большое прогрессивное значение для белорусского народа факта присоединения Белоруссии к России, необходимо в то же время указать, что и после присоединения крепостной гнет помещиков не был уничтожен. Тяжесть его дополнялась национальным угнетением белорусского народа, осуществляемым царским правительством и его ставленниками. Однако при всем этом присоединение к России создало для белорусского народа возможность более быстрого экономического, политического и культурного развития.

* И. Грабарь. История русского искусства, т. I, Введение, стр. 28.

За время господства польских панов и католического духовенства белорусские города пришли в упадок. Их планировка и благоустройство находились в хаотическом состоянии. Узкие, кривые и грязные улицы, застроенные ветхими хижинами обедневшего мещанства, — таков был облик прежних городов. После присоединения Белоруссии к России проведены большие работы по планировке городов. Созданы регулярные планы городов, в которых было предусмотрено расширение и спрямление улиц, создание просторных площадей. Во многих городах было намечено расширить их территорию, а также перенести целые городские районы из неудобных заболоченных мест в более удобные. Осуществление всех этих мероприятий благотворно сказалось на дальнейшем развитии городов Белоруссии. Недаром планировка многих городов, осуществленная в конце XVIII и в начале XIX в., сохранилась в основных чертах до нашего времени. Большинство планов белорусских городов закончено в 1778 г., когда был накоплен уже значительный опыт работы по составлению планов русских городов *. В России составление и утверждение планов городов началось с 60-х годов XVIII в. Насколько значительна по своим размерам была эта работа, видно из того, что за время с 1762 по 1796 г. были разработаны и утверждены сотни проектов планировки городов.

Планировка, проведенная в конце XVIII в., и мероприятия по изменению прежних планов городов были подчинены интересам господствующего класса. Планы белорусских городов того времени были построены по принципу четкого размежевания районов, предназначенных, с одной стороны, для административных учреждений и жилых домов городской знати и, с другой — для размещения жилищ бедней-

* Планы белорусских городов вместе с планами русских и украинских городов, составленные во второй половине XVIII и в первые десятилетия XIX в., опубликованы в «Книге чертежей и рисунков (планы городов)» в виде приложения к «Полному собранию законов Российской империи», СПБ, 1839 г. Всего в книге помещено 416 чертежей городов Российской империи. Из этого альбома заимствованы чертежи белорусских городов: Витебска, Орши, Городка, Климович, Могилева, Баранович, Минска, Дриссы и др.

Рис. 35. План города Климовичи 1778 г.

шей части населения. Первые размещались в центре городов, на лучших участках, а вторые — в окраинных районах, часто неудобных для жилья.

Новым планам белорусских городов, как и городов других частей России, придавались обычно формы прямоугольников или многоугольников. Кривых линий, неправильной формы контуров, изломов и изгибов улиц по возможности в планах не допускалось. Города делились на прямоугольные или квадратные кварталы, иногда одинаковой величины. Уличная сеть большинства городов образовывалась из улиц, пересекающихся под прямым углом. Принцип геометрической, прямоугольной планировки наиболее полно и последовательно проведен в планах городов Климовичи, Бабиновичи, Городок, Копысь и др.

План города Климовичи состоял из прямоугольника, разбитого на 52 квадратных квартала. В центре города размещалась большая квадратная площадь, равная по своей территории четырем кварталам. Эта площадь предназначалась для строительства присутственных мест и гостиного двора. С юго-запада от нее, на расстоянии двух кварталов, запроектирована прямоугольная площадь «для хлебных и мясных рядов», а с северо-востока, симметрично к ней, располагалась такая же площадь «для гауптвахты и сельского магазина». Таким образом, план города как по продольной, так и по поперечной осям был симметрич-

ПЛАНЪ Губернскому городу МИНСКУ.

Рис. 36. План города Минска 1817 г.

ным. Для фиксации границ город со всех сторон был обнесен небольшим валом и рвом.

Таков же в основном план города Бабиновичи. Разница в планировке этих двух городов состоит лишь в том, что план Климович разделен на равные квадратные кварталы, а план Бабинович — на прямоугольные. До 70-х годов XVIII в. Бабиновичи и Климовичи являлись незначительными по размеру городами. Климовичи состояли из трех частей, расположенных по обеим сторонам реки, а Бабиновичи — из одной улицы. По новому плану оба эти города были отодвинуты на более удобные свободные участки, расположенные рядом с существовавшими в то время поселениями. Это давало возможность создать регулярные планы с симметричным расположением кварталов и площадей.

Подобный подход к созданию регулярных планов городов не являлся новым для архитектуры Белоруссии. Как указывалось в III главе, крепости Сокол, Суша, Туровля, Ситно, замок в Мире имели планы в виде правильных геометрических фигур. В регулярных планах городов конца XVIII в. мы имели разработку того же принципа, но только в более последовательной и строгой форме.

Однако не везде было возможно столь последовательно придерживаться принципа симметрии в расположении городских районов, кварталов и площадей. Там, где предусматривалась перепланировка старого, густо застроенного города с пересеченным рельефом, схема регулярного плана нарушалась.

Это можно проследить на плане города Велижа, старая застройка которого, особенно в его центральной части, была довольно скученной, улицы узкими и кривыми. Центр города пересекали две речки, а также овраги. Так как новый город планировался на месте старого, то составителю плана неизбежно пришлось считаться как со старой застройкой, так и с пересеченным рельефом местности. На окраинах города, т. е. там, где застройка была редкой или совершенно отсутствовала, а рельеф местности был более ровным, удалось образовать прямоугольные кварталы. В центре же города, застроенном домами мещан, замком, монастырями и храмами, автор вынужден был в ряде случаев нарушить эту схему.

Более сложен вопрос с планировкой таких городов, как Полоцк, Витебск, Могилев, Гомель, Минск и другие, имевших к тому времени сложную сеть улиц и площадей. Все эти города расположены на местностях, сильно пересеченных реками, ручьями и оврагами. Сравнительно крупные по своему размеру, они были, в особенности в центральных районах, густо застроены. Наконец, сложившаяся историческая планировка этих городов была закреплена в большей степени, чем в малых городах, рядом монументальных зданий и ансамблей, а также планировочными земляными работами. Например, в Витебске на главнейших узловых точках города, тесно связанных с рельефом местности и с существующей в то время сетью улиц и площадей, был создан в XVII—XVIII вв. ряд зданий, как, например, ратуша, Воскресенская церковь, костел Антония, соборы Успения и Николая, занимавшие возвышенные точки в городе.

Учитывая все это, планировщики XVIII в. должны были искать компромиссные решения с тем, чтобы в известной мере использовать старую планировку города и в то же время осуществить принцип новой регулярной планировки. Но так как рельеф местности и старая планировка города не всегда внимательно изучались, а в отдельных случаях просто пренебрегались, то в новом плане был допущен ряд существенных ошибок, частично исправленных в результате последующих перепланировок и строительства городов в XIX в.

Одним из этих недостатков было отсутствие связи между отдельными районами города и его центра с окраинами. Например, центральный район Витебска, расположенный на месте бывшего замка, не связан с окружающими его частями города. Находящийся к северо-западу от него район с шестигранной площадью в центре также решен изолированно. Со всех сторон к этой площади подходят 8 радиальных улиц, обрывающихся с севера и востока у высоких обрывистых берегов Западной Двины и Безымянной речки. К юго-востоку

от центра расположен довольно обширный район, включающий всю завитбенскую часть города и прилегающие к ней окраинные районы. Его планировка выглядит также изолированно от других районов. Восточная и южная части этого района, имеющие неплотную застройку, разбиты сетью перпендикулярно пересекающихся улиц, образующих прямоугольные кварталы. В наиболее же густо застроенной северной части этого района, примыкающей к замчищу, прямоугольная планировка снова нарушена. Направление улиц и характер площадей в этой части города подчинены старой планировке с ее монументальными ансамблями церквей, монастырей и гражданских сооружений.

Все эти три района города расположены на левом (южном) берегу Западной Двины. Четвертый район Витебска раскинулся на правом берегу той же реки. Эта часть города к концу XVIII в. была застроена менее густо, чем центр. Здесь было меньше каменных монументальных построек, а рельеф местности был более ровным. Это дало возможность более последовательно осуществить в этой части города принципы регулярного планирования.

Подобный же недостаток имеется в плане Орши, составленном в то же время. Оршанский замок был расположен на невысоком мысу, при впадении реки Оршицы в Днепр. С четвертой стороны около замка был вырыт ров, соединяющий Оршицу с Днепром. Таким образом, замок в Орше омывался со всех сторон Днепром, Оршицей и каналом. Кроме замчища, город состоял из трех частей: одна из них была расположена на юго-запад от замка, на противоположном берегу Оршицы, вторая — на север от замка, причем, как и первая, она отделялась от замка каналом; третья часть города размещалась на противоположной стороне Днепра. Перепланировка по регулярному плану Орши, как и Витебска, представляла значительные трудности. Необходимо было, основываясь на старой сложившейся планировке, создать новый, регулярный план города, объединив при этом его в одно целое.

Ни одной из этих задач планировщик не смог решить удовлетворительно. Регулярного плана города не получилось потому, что автор плана отказался производить планировку густо населенных районов заречной части, пересеченной в полосе, примыкавшей к Днепру, холмами и оврагами. Оставлены были нетронутыми также части юго-западного района, примыкающие к замку. Таким образом, регулярная планировка части юго-западного и северного районов не соответствует районам, сохранившим старую планировку, с их кривыми и узкими улицами. Не ликвидирована разобщенность городских районов между собой. Планировка каждого из четырех районов выглядит замкнутой, оторванной от других районов.

В плане многих крупных белорусских городов, расположенных при впадении одной реки в другую, наблюдалось тяготение к радиально-кольцевому направлению улиц и площадей. Наиболее полно эта тенденция проявилась в Могилеве. Возникший при впадении Дубровенки в Днепр, Могилев разрастался довольно равномерно во все стороны. К XVII в. план Могилева имел вид овала, в середине которого были расположены замок, главная площадь и центральный укрепленный район. Улицы районов, примыкающих к центральной части города, были кривыми. Большинство их было направлено к центру. Благодаря такому расположению они образовывали в общей сложности радиальную сеть.

Вал же, сооруженный в первой половине XVII в., а также улицы, идущие параллельно центральной укрепленной части города и замка, образовывали собой кольцевую сеть. Но так как Могилев был расположен на берегу Днепра, имеющего широкую пойму, кольцевая сеть на юго-западе и юго-востоке обрывалась руслом Днепра.

Новый план Могилева, составленный в 1778 г., имел радиально-кольцевое направление, соответствующее в основных чертах существовавшей в то время уличной сети города. Вместе с тем автор придал плану города более регулярный вид. Там, где позволял рельеф местности, он связал центр города с окраинами, продлил и спрямил старые улицы, идущие к центру. Что же касается поперечных улиц, то они хотя и не образовывали непрерывных кольцевых магистралей, все же, в общей сложности, давали возможность довольно бес-

препятственного сообщения окраинных районов между собой.

По-иному произведена планировка Гомеля. Центром Гомеля является главная площадь, расположенная между дворцом и городом. На север от нее идет б. Румянцевская улица (ныне Советская) и ул. Кирова. Кроме того, от площади отходят улицы, связывающие центр города с западной и южной окраинами. Таким образом, план Гомеля построен по принципу лучевого расхождения улиц от центра города. Эта особенность планировки напоминает собой планировку Петербурга, центр которого был связан с южной окраиной города тремя лучевыми улицами. Работая над строительством и планировкой Гомеля, Н. П. Румянцев стремился в ряде случаев подражать столице. Так, например, гостиный двор Гомеля напоминал собой гостиный двор Петербурга.

Выше указывалось, что на планировку городов XVII—XVIII вв. большое влияние оказывали городские укрепления. К концу XVIII в. крепости в Белоруссии в большинстве своем были или разрушены из-за ненадобности, или превратились в руины. Так, в конце XVIII и в начале XIX в. были срыты крепостные валы и засыпаны рвы в Могилеве, Минске, Гомеле, Пинске и других городах. Все это благоприятствовало созданию уличной сети городов, связывающей окраины с центром.

Однако было бы ошибочно делать вывод о том, что белорусские города потеряли к этому времени всякое военное значение. Расположенные на западной границе Русского государства, они рассматривались как опорные пункты для защиты страны на западе. Тем более, что отношения России с западноевропейскими странами, в особенности с Францией, в конце XVIII и в начале XIX в. были крайне обострены. По этой причине на укрепление белорусских городов обращалось большое внимание. В то время в Белоруссии были созданы мощные крепости, окруженные глубокими рвами и высокими валами с системой бастионов и казематов (Дрисса, Борисов, Бобруйск и Брест). Внутри этих крепостей строились казармы, складские помещения, квартиры для офицерского состава и др.

Однако в отличие от укреплений XVI—XVII вв., органически входивших в города в качестве их неотъемлемых частей, крепости конца XVIII и начала XIX в. располагались, как правило, за городом, иногда на некотором расстоянии, как это было в Бобруйске. На планировку города они могли оказывать лишь косвенное влияние. Развитие планировки города и крепости происходило независимо друг от друга.

В том же случае, когда крепость возникала на месте старого города, постройки горожан сносились и уже на освобожденной площади воздвигалась крепость. Военные инженеры, обследовавшие город Брест с целью возведения в нем крепости, нашли, что самым удобным местом для строительства крепости является старый город, застроенный к тому времени мещанскими дворами, монастырями и церквами. Учитывая большое значение Брестской крепости, русское правительство не посчиталось с тем, что на расчистку территории под крепость потребуются большие материальные средства и много труда, и приказало строить ее на указанном инженерами месте. Вследствие этого город Брест был несколько сдвинут со старого места.

Иное взаимоотношение между крепостью и городом существовало в тех местах, где крепость включала в себя основную часть города, как это мы имеем в Старом Быхове.

В отличие от Бобруйской крепости, занимавшей окраинную часть городской территории, крепость Старого Быхова, запроектированная на плане Быхова 1778 г., включала почти весь город. В надписи к плану этого города сказано: «Как город сей полагается быть укрепленным, то и не назначается в нем никакого нового строения, которое будет спрожектировано вблизи с планом крепости». Размещение городских построек, улиц и площадей целиком было подчинено плану крепости. Уличная сеть городских районов, примыкающих с севера и с юга к крепости, была ориентирована к центру крепости и рассматривалась в соподчинении с крепостью.

Крепость Старого Быхова имеет в плане вид полукруга, опирающегося на речку Сапежанку. Помимо валов и рвов, в крепости предполагалось создать 12 бастио-

нов, выступавших из общей линии стен в виде пятиугольников. Планировка внутри крепости повторяла уже сложившуюся схему расположения улиц и площадей Быхова. Однако там, где это было возможно, улицы были спрямлены, площади округлены, а в центральной части города была образована длинная площадь. Площадь эта, вероятно, предназначалась для строевых занятий и парадов гарнизона. Таким образом, Быховская крепость, поглотившая почти весь город, полностью определила собой характер планировки и застройки Быхова. С этой точки зрения она напоминает крепости XVI в. (Сокол, Туровля, Ситно и другие), выстроенные для содержания воинских гарнизонов.

В заключение остановимся на вопросе, в какой степени планы белорусских городов конца XVIII и начала XIX в. были осуществлены в натуре. Сравнивая чертежи планов городов с их застройкой, мы видим, что в большинстве белорусских городов в то время строительство осуществлялось по этим планам. Правда, в процессе дальнейшей застройки и планировки городов в планы вносились изменения, а некоторые из них перерабатывались заново. Однако основная схема размещения и направления улиц и площадей в большинстве осталась без изменения.

Возьмем в качестве примера город Климовичи. Как в конце XVIII, так и в начале XX в. план города имел вид прямоугольника, разбитого перпендикулярно пересекающимися улицами на квадратные, равные по размеру, кварталы. Изменились только форма и назначение площадей. На центральной площади, предназначенной по плану 1778 г. для застройки административными зданиями, был устроен прекрасный парк, составляющий гордость жителей города. По причине ненадобности площадь, предназначавшаяся для гауптвахты и сельских магазинов, застроена. Уменьшена базарная площадь. Рядом с парком была образована новая площадь. В остальном же застройка города, которую можно видеть на плане 1913 г., полностью соответствует плану 1778 г.

Несколько по-иному шла застройка таких крупных городов, как Могилев, Витебск, Полоцк и др. В отличие от Климович, застроенных по регулярному плану, планировка этих городов продолжалась и в последующие десятилетия. Это диктовалось быстрым экономическим ростом городов, расширением их территории, возникновением промышленных предприятий. Вследствие этого схема их планировки, созданная в 1778 г., в дальнейшем претерпела изменения. Однако в отдельных районах этих городов сохранилось расположение и направление уличной сети, созданной на основе планов конца XVIII и начала XIX в.

Сравнивая план Витебска 1787 г. с планом этого же города, сделанным с натуры примерно через столетие, мы видим, что его застройка происходила в основном по плану 1787 г. В конце XIX в. центральная часть Витебска также делилась на четыре района, в планировке которых в основных чертах сохранилась уличная сеть, нанесенная на план в конце XVIII в. Только в отдельных местах она была изменена. Так, вместо имевшейся на плане конца XVIII в. шестиугольной площади, предназначенной для строительства лавок и школы, была создана квадратная площадь. В ряде случаев были удлинены улицы или изменены их направления с целью улучшения связи одного городского района с другим.

Создание новых планов и необходимость восстановления городов, пострадавших в период войны 1812 г., открыли широкие возможности для городского строительства. В городах Белоруссии были развернуты работы по строительству зданий и перепланировке. В Минске, после утверждения плана города, были проведены значительные работы по городскому благоустройству и строительству новых монументальных зданий. На берегу Свислочи был создан парк, получивший название городского. Спланирована площадь (б. Александровская), на которой впоследствии был разбит сквер *.

Еще более значительные работы были проведены по планировке и строительству Гомеля. После утверждения плана города за его перестройку энергично взялся Н. П. Румянцев. Центральные улицы города были замощены, рвы и валы старого замка срыты, распланирована центральная

* Россия, т. IX, СПБ, 1905 г., стр. 419.

площадь. На этой площади, кроме дворца, были выстроены собор Петра и Павла, костел, гостиный двор и др. Кроме того, в различных местах города были построены аптека, казарма, гимназии, приют, начато строительство лицея, план для которого был составлен самим Н. П. Румянцевым, построен мост через реку Сож *.

В Могилеве в это время осуществлялись работы по нивелировке и планировке центра города. Были срыты валы между Воскресенской церковью и семинарией, снесены остатки Королевской и Ветряной брам, заложен сквер, возле которого впоследствии был выстроен городской театр.

В результате реконструктивных работ, проведенных после присоединения Белоруссии к России, белорусские города улучшили свой облик. Улицы стали более прямыми, площади более просторными. В городах появились скверы и парки.

2. Дворцовое зодчество Белоруссии

Во второй половине XVIII в., в период наибольшего упадка экономики, политических неурядиц и острой борьбы магнатских групп между собой за власть, в период крайнего обнищания трудящихся, монументальное строительство в Речи Посполитой было замедлено, а в ряде районов Белоруссии прекращено совершенно. Основное внимание в это время уделялось ремонту и расширению старых зданий. Так, в это время были отремонтированы и частично перестроены дворцы в Ружанах и Щорсах. У польских магнатов не хватало средств возводить новые дворцы. Кроме того, крайняя напряженность политической обстановки не давала уверенности магнатам в прочности их положения, вселяла сомнение в долговечности их господства. Предположения эти, как известно, оправдались. Многие польские магнаты вынуждены были в конце XVIII и первой половине XIX в. бросать свои имения и эмигрировать в западноевропейские страны. Только некоторая часть польских магнатов, сохранившая свои владения и богатства, имела возможность возводить капитальные сооружения. К ним относятся строительство Огинским дворца в Слониме, а также возведение королевского дворца в Гродно. К сожалению, большинство этих дворцов, за исключением Гродненского, разрушено. Это обстоятельство затрудняет их изучение.

Большинство дворцов Белоруссии конца XVIII и начала XIX в. было выстроено русскими князьями и графами, получившими земельные владения в Белоруссии.

После присоединения Белоруссии к России Екатерина II начала раздавать белорусские земли русским графам и князьям. Дубровна была отдана князю Меньшикову, Шклов — Зоричу, Чечерск — Чернышеву, Пропойск (ныне Славгород) — Голицыну, Гомель — Румянцеву. Во всех этих вновь приобретенных имениях были созданы дворцово-усадебные ансамбли с парками, украшенными скульптурой и архитектурой малых форм.

В дарственной грамоте П. А. Румянцеву Екатерина II писала: «Жалуется для увеселения его деревня в 5 тысяч душ в Белоруссии». Деревня эта была не чем иным, как городом Гомелем с земельными угодьями в 293 тыс. десятин *. Для постройки же дворца в Гомеле Екатерина II выдала Румянцеву 100 тысяч рублей, а для его украшения богатую коллекцию картин и других предметов искусства.

Во время присоединения Гомеля к России в нем был сильно укрепленный замок, выстроенный последним гомельским старостой Михаилом Чарторыжским около половины XVIII в. Укрепления замка состояли из глубоких рвов, земляных валов с палисадой. Внутри замка находился рубленый из дуба дворец. Связь замка с наружным миром осуществлялась через подъемный мост, переброшенный через ров.

П. А. Румянцев разрушил этот замок и

* Виноградов. Гомель в его прошлом и настоящем. Москва, 1900 г.

* Виноградов. Гомель в его прошлом и настоящем. Москва, 1900 г.

на его месте начал возводить дворец, расширенный впоследствии его сыном Николаем Петровичем *. В отличие от замка Чарторыжского дворец, выстроенный П. А. Румянцевым, был лишен каких бы то ни было крепостных сооружений. По характеру архитектуры и планировки эти ансамбли резко отличались друг от друга. Планировка и архитектура замка Чарторыжского были полностью подчинены задаче создания мощного крепостного сооружения, изолированного рвами, земляными валами и стеной от окружающей природы и города. Планировка же дворцового ансамбля Румянцева была рассчитана на тесную связь с природой, а его архитектурная композиция — на связь с архитектурой города. Чем же объясняются различия в архитектуре этих ансамблей? В XVIII в. в Российской империи, и в том числе в Белоруссии (после ее присоединения к России), была проведена большая работа по планировке и городскому строительству. Для белорусских городов были созданы регулярные планы согласно требованиям и правилам, выработанным искусством классицизма, рассматривавшего город как единый архитектурный организм. Подобный план был составлен и для Гомеля. Естественно, что строительство дворца происходило по этому регулярному плану и считалось главнейшим градостроительным мероприятием Гомеля. Этим, прежде всего, объясняется столь тесная композиционная связь дворца Румянцева с городом.

Строительство оборонных дворцово-замковых ансамблей было для XVIII в. архаизмом. В западноевропейских странах и в России к этому времени они уступили место дворцовым ансамблям. Однако в Речи Посполитой в XVIII в. наряду с дворцовыми ансамблями продолжали возводить оборонные дворцово-замковые ансамбли. Причина этого заключается в социально-политических условиях Речи Посполитой. Раздираемая социальными и национальными противоречиями, Польша в XVIII в. пришла в полный экономический и политический упадок, ее культура деградировала. Иностранные войска без особых затруднений захватывали города и населенные пункты Речи Посполитой. Естественно, что при таких условиях польские магнаты наряду с роскошными дворцово-усадебными ансамблями стремились создавать оборонные дворцово-замковые ансамбли, в которых они могли бы найти убежище в случае опасности. Тем более, что польские магнаты строили дворцы в Белоруссии, где часто против них поднимались народные восстания.

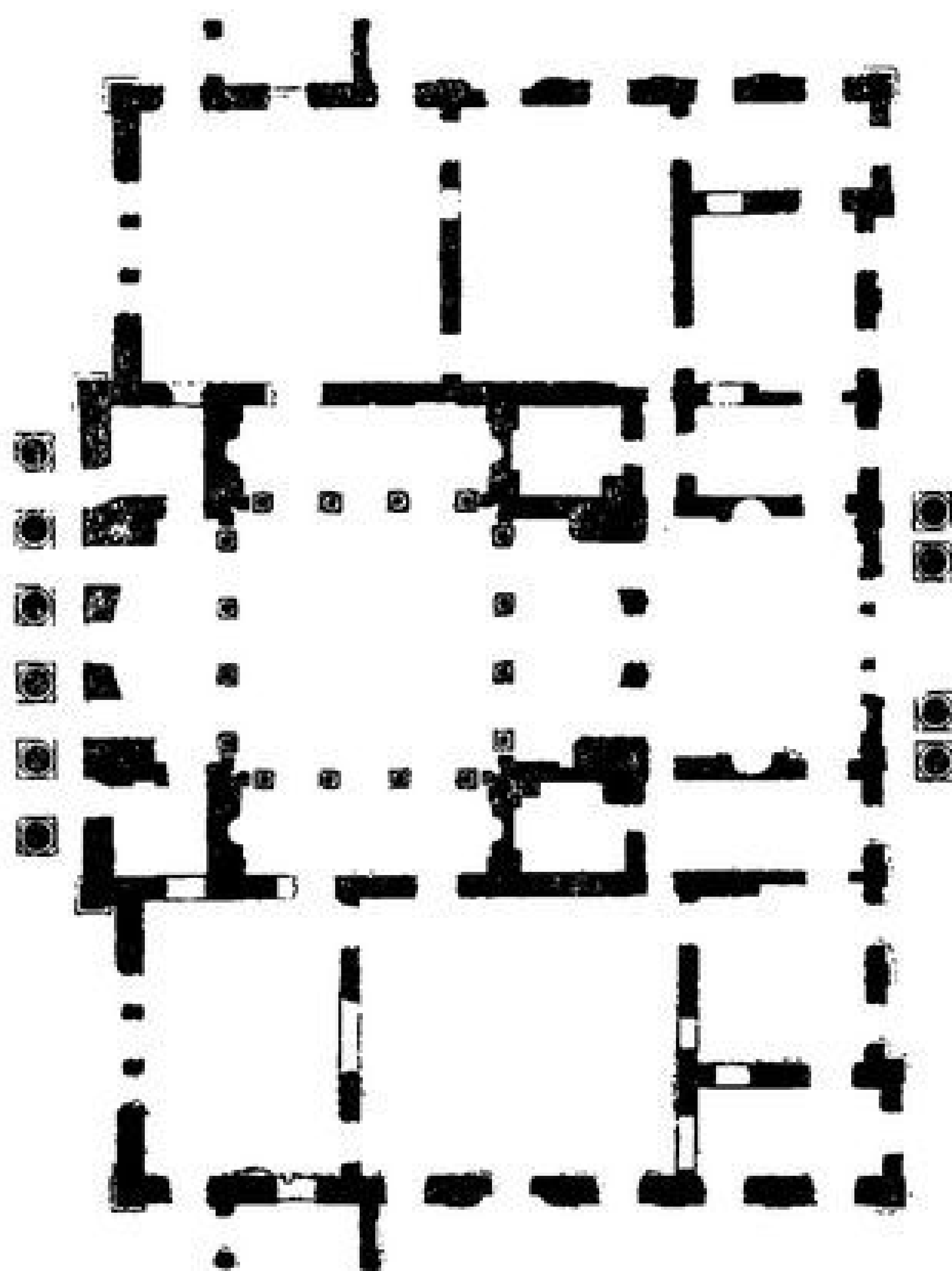

Рис. 37. План первого этажа главного корпуса дворца в Гомеле. XVIII в.

Прежде чем перейти к характеристике Гомельского дворца, необходимо сказать несколько слов об этапах его строительства.

Строительство главного корпуса дворца было начато в 1785 г. и закончено в основном в 1793 г. Это видно из письма

* Гомельский дворец является наиболее характерным и наиболее полно сохранившимся дворцовым ансамблем Белоруссии. Поэтому в предлагаемом исследовании ему уделено главное внимание.

П. А. Румянцева в 1793 г. к некоему Якову Никитичу, в котором он упрекает его за медленные работы по оформлению интерьеров дворца. «Мой гомельский дом, — пишет Румянцев, — только снаружи кажется отделанным был и что обыкновенно, кроме кровли, за внутренней уборкой следует, которую вы мне своими мастерами исправить обещали».

После смерти Петра Александровича Румянцева Гомель вместе с дворцом перешел во владения его старшего сына Николая Петровича, который продолжал и в дальнейшем работы по строительству дворца. По мнению Виноградова, правда, ничем не документированному, он выстроил в усадьбе летний дворец в два этажа и зимний в четыре этажа, называемый «Муро». В противоположность этому утверждению Лукомский в одной из своих статей * пишет, что Нинолай Петрович перестроил дворец, выстроенный его отцом, заново, с тем, чтобы вместить картинную галерею и библиотеку. Какое из этих сообщений правильно, трудно сказать. Во всяком случае, уже в 1805 г. Гомельский дворец-усадьба состоял из трех зданий — главного трехэтажного корпуса и двух флигелей. Кроме того, на территории усадьбы было расположено несколько других жилых, а также хозяйственных построек.

После смерти Николая Петровича в 1825 г. Гомельское имение вместе с Гомелем и его дворцом перешло в руки его брата Сергея Петровича, который мало интересовался архитектурой дворца. Значительную часть своей жизни он провел в путешествиях, долго жил за границей. Вскоре после смерти Николая Петровича Гомельское имение начало приходить в упадок. В 1827 г. оно было заложено в Земельный банк. В 1837 г. Гомельское имение как выморочное поступило в казну. В этом же году Николай I издал указ о передаче Гомеля во владения фельдмаршала Паскевича: «Состоящее в Могилевской губернии казенное местечко Гомель отдаю в беспереоброчное его владение». В 1856 г. фельдмаршал Паскевич умер, и имение перешло к его наследнику князю И. Ф. Паскевичу.

Гомельская усадьба расположена на высоком обрывистом берегу реки Сож. С противоположной стороны от реки к усадьбе примыкает главная городская площадь. От этой площади на север, запад и юг расходятся главные улицы города, связанные перспективно с усадьбой и ее дворцом. Усадьба занимает центральное место в городе. С заречной, низинной стороны усадьба с ее дворцом и массивом парка видна за несколько десятков километров.

Усадьба занимает довольно большую площадь. С трех сторон она огорожена каменной стеной, а с четвертой — ограничена обрывистым берегом реки Сож. В настоящее время парк разделен глубоким рвом на две части. В северной его части расположен дворец. На этой территории, ограниченной с юга оврагом, с востока рекой Сож, а с севера глубоким рвом, идущим по направлению к реке Сож, и возник в древности русский город Гомель. Здесь же был построен Гомельский замок, служивший яблоком раздора между Литвой и Польшей, с одной стороны, и Россией — с другой.

Планировка главного корпуса Гомельского дворца построена по принципу группировки периферийных пространственных объемов вокруг его ядра — центрального колонного зала. По четырем углам этого зала расположены квадратные в плане помещения, предназначенные для связи первого этажа со вторым и третьим. Центральный зал был тесно связан с общей системой планировки дворца. Его симметричная планировка дала возможность создать амфиладные пролеты, объединившие собой оба фасада дворца.

План главного корпуса Гомельского дворца в основных своих чертах сходен с планом главных корпусов белорусских и русских дворцов архитектуры классицизма. Как на пример можно указать на план дворца в Снове (Барановичская область), главные корпуса дворцовых ансамблей в Павловске (под Ленинградом) и в Ляличах (Брянской области). Во всех этих случаях комнаты и залы дворцов группируются вокруг центральных помещений: в Павловске вокруг многоугольного в плане зала, в

* Георгий Лукомский. Гомельская усадьба князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского, журнал «Столицы и усадьбы» № 1, 1913 г.

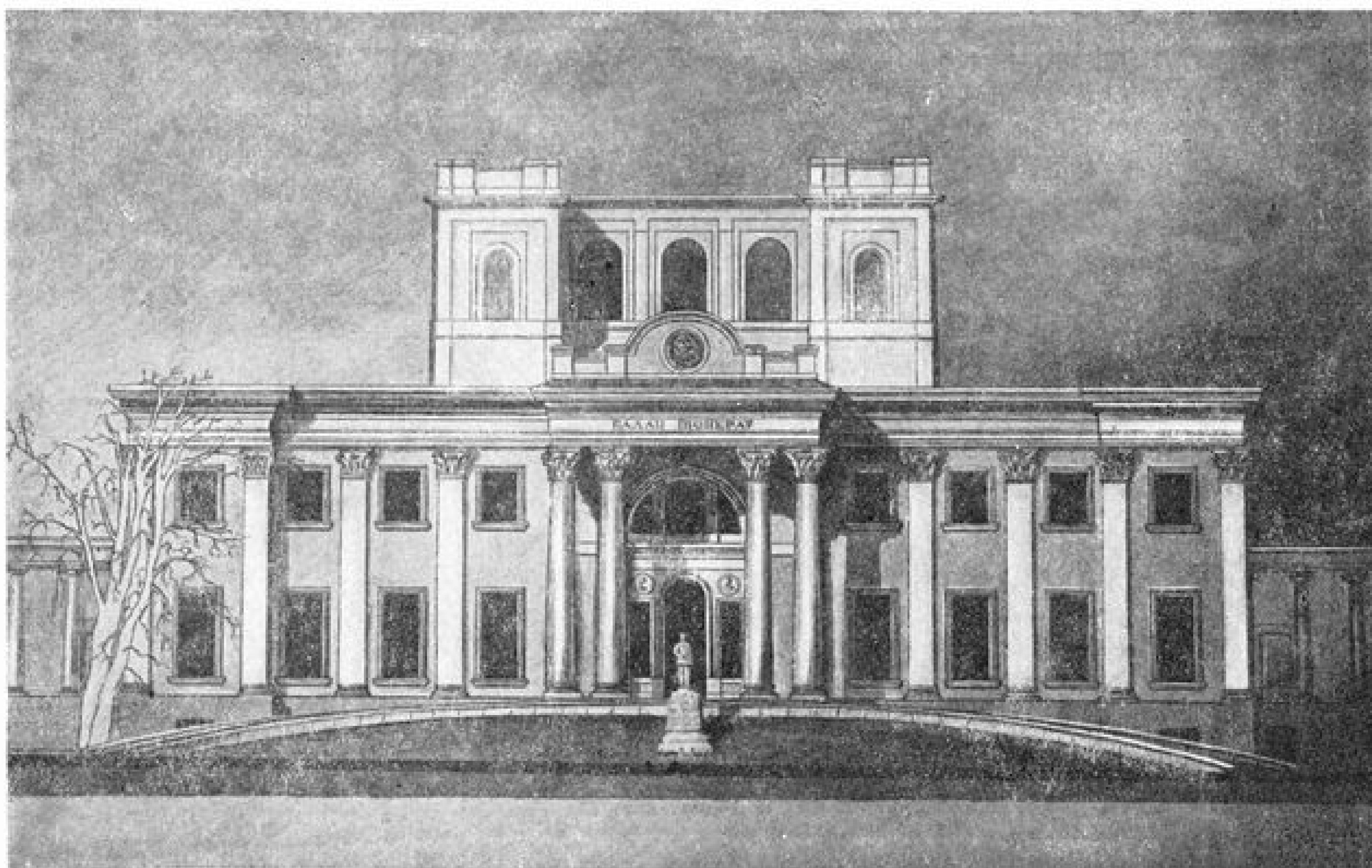

Рис. 38. Фасад главного корпуса дворца в Гомеле. XVIII в.

Ляличах — около круглого, а в Гомеле — вокруг зала с крестовым планом. Вместе с тем следует указать, что планировка центральных частей дворцов в Павловске и в Ляличах страдает некоторой схематичностью. Центральные помещения этих дворцов занимают самодовлеющее положение. Они слабо связаны с окружающими комнатами и залами. Так, во дворце в Павловске центральный многоугольный зал имеет двое дверей, связывающих собой осевые входы главных фасадов. С комнатами же, расположенными от него справа и слева, центральный зал по существу не связан. Чтобы попасть в смежную комнату, необходимо пройти коридор. Сходна с ней планировка центральной части дворца в Ляличах. Недаром в обоих этих дворцах, для более удобного сообщения, центральные залы окружены с четырех сторон коридорами, ослабляющими до некоторой степени изолированность залов от окружающих их помещений. В отличие от рассмотренных выше дворцов центральный зал в Гомельском дворце непосредственно связан с окружающими его помещениями. Кроме того, он группирует вокруг себя, как уже указывалось, лестничные клетки, связывающие нижний этаж с верхними. Планировка этих лестничных клеток довольно оригинальна. Располагаясь в центральной части дворца, они создают благоприятные условия для сообщения нижнего этажа с верхними. В то же время они не загромождают собой центральный зал. Две из них имеют по два входа: один с улицы — на случай, если понадобится пройти на верхние этажи непосредственно из парка, второй — от входных частей центрального зала.

Своеобразно в Гомельском дворце устройство купола и стены над арками. Учитывая большую высоту центрального зала и большую нагрузку, которую создает его завершение, архитектор принял ряд мер для облегчения купола и верхних частей стен. Стены верхнего этажа он делает значительно тоньше. Своды и надарочные

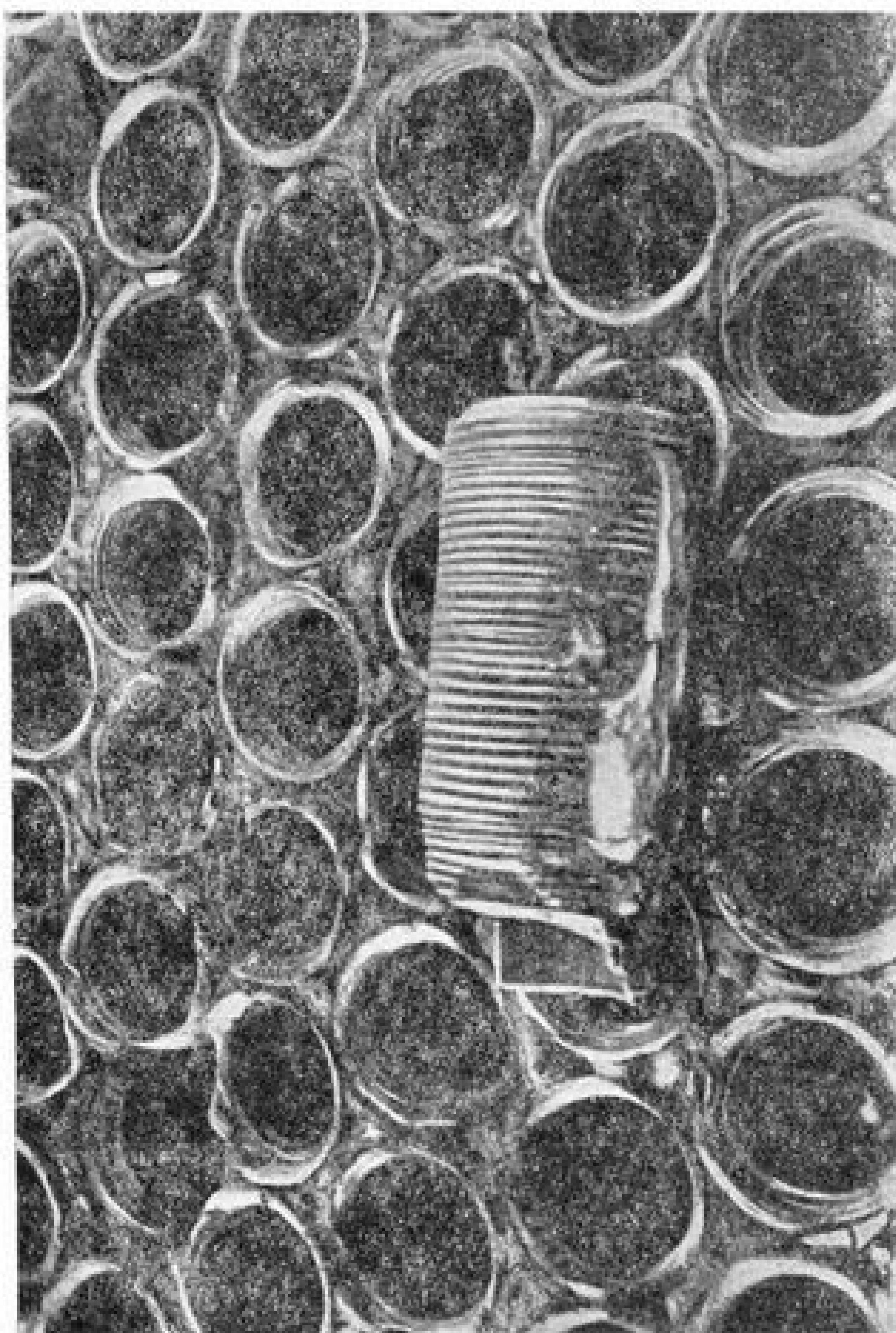

Рис. 39: Керамический купол дворца в Гомеле. XVIII в.

стены выстроены из гофрированных труб. В стенах керамические трубы положены плашмя: один ряд в продольном направлении, другой — в поперечном. Купол же сконструирован из труб, поставленных вертикально, с некоторым наклоном их осей к центру полусферы. Промежутки между трубами залиты известковым раствором. Снизу трубы имеют донышки, а сверху они завинчивались крышечками. Диаметр труб одинаковый по всей их длине. Чтобы более крепко связать трубы с известковым раствором, в каждой из них сделано небольшое отверстие, куда во время заливки входит некоторая часть извести, образующая как бы штыр, скрепляющий трубу с известковым раствором. Применение керамических труб дало возможность создать легкое и в то же время конструктивно устойчивое завершение центрального зала дворца.

Главный корпус Гомельского дворца имеет ярусный вид. Он состоит из двух объемов: двухэтажного корпуса и надстроенного третьего этажа с куполом. Стены главного фасада расчленены пилястрами с коринфскими капителями, несущими карниз. Средняя часть оформлена четырехколонным портиком с карнизом, имеющим козырек (парапет), над которым поднимается третий этаж с куполом. Основное внимание при оформлении главного фасада зодчий уделил его средней части, выделив ее посредством колонного портика, парапета и третьего этажа с куполом. Боковые же части стен фасада подчинены средней; расчлененные пилястрами, они подчеркивают взлет средней части фасада.

Несколько по-иному оформлен фасад, обращенный к реке Сож. Его средний объем подчеркнут еще решительнее. Перед колонным портиком этого фасада расположена полукруглая веранда с гростом, стены которой прорезаны круглыми и квадратными окошками. Колонный портик фасада состоит не из четырех колонн, как на главном фасаде, а из шести, фланкированных по обеим сторонам пилястрами. Средний объем дворца выдвинут здесь несколько вперед из общей плоскости стен, а пилястры поставлены только по углам главного корпуса и выступающей вперед средней части. Середины же обоих флангов фасада обработаны сложными, большого размера окнами. Каждое из этих окон разделено колоннами в нижней части на три проема и завершено сверху полуциркульным окном, разделенным также на три части перемычками. Таким образом, акцентируя среднюю часть, зодчий в то же время не обезличил фланги фасада, оформил их большими окнами, благодаря чему боковые части стен выглядят композиционно завершенными, но в то же время подчиненными средней части фасада.

Пропорции фасада, обращенного к реке Сож, более легкие и стройные, чем главного. Кроме того, если со стороны города дворец воспринимается как трехэтажный, то от реки Сож, благодаря уклону местности, он воспринимается как четырехэтажный. В этом имеется определенный компо-

Рис. 40. Б. губернаторский дворец конца XVIII в. в Витебске.

зиционный смысл. Дворец стоит на высоком берегу реки, на противоположной стороне которой расположен низменный берег — пойма, растянутая на несколько километров. Высокие стены дворца, их легкие пропорции являются прекрасным оформлением этого живописного уголка г. Гомеля. Густо поставленные окна средней части фасада в первом, втором и третьем этажах, большие окна боковых стен придают фасаду ажурный вид. Эта ажурность еще больше подчеркивалась легкой полукруглой верандой, обрамленной чугунными стойками, а также боковыми колонными галереями, примыкающими к главному корпусу с обеих сторон.

Архитектура 40-х годов XIX в. многим отличалась от архитектуры предшествующего периода. Если конец XVIII и первые десятилетия XIX в. характеризуются расцветом архитектуры классицизма, то начиная с 40-х годов классицизм в Белоруссии постепенно приходит в упадок, теряет свою монументальность, простоту, четкость форм. Наблюдается отход от симметричного решения как ансамбля в целом, так и здания. Архитектурные формы зданий измельчаются, постройки перегружаются лепными деталями, усложняется композиционное построение зданий. Появляются признаки эклектики, беспринципного подражательства архитектурным сооружениям различных стилей и стран.

Архитектура классицизма с ее гармоническими величественными формами,

простотой и ясностью часто казалась людям того времени вульгарной. Архитекторов, придерживавшихся классических форм, упрекали в отсталости, рутине. Многие считали, что классицизм слишком односторонен, беден формами, ограничен в средствах выражения и что поэтому необходимо обращаться к архитектуре различных стран и стилей и создавать новую архитектуру, соответствующую духу времени. Подобная постановка вопроса привела во второй половине XIX в. к появлению архитектурных сооружений, воспроизводящих различные стили: готический, мавританский, древнерусский, византийский и т. д. Погоня за экзотичностью, вычурностью заменила собой классическую ясность, строгость форм. Увлеченные романтизмом заказчики, так же как и исполнители-архитекторы, начали обращаться к давно отжившему искусству средневековья. В дворцовых ансамблях рядом с классической архитектурой строятся здания, воспроизводящие формы крепостной архитектуры. Примером подобного сооружения является так называемый Пищаловский замок в Минске, выстроенный в 1825 г. По своей архитектуре это сооружение является запоздалым повторением дворцово-замковой архитектуры XVII в. Замок состоит из высоких крепостных стен, образующих замкнутый двор, посредине которого стоит большой дворец, фланкированный по углам круглыми, крепостного типа башнями. Оформление наружных стен дворца было произведено с использованием классических форм и приемов. Несмотря на грандиозность размеров, Пищаловский замок лишен монументальности и напоминает скорее не совсем удачную модель замка, чем дворцово-замковый ансамбль XVII в.

Подобный же вид имеет и башня Гомельского дворца, выстроенная архитектором Модзелевским в 1848 г. Несмотря на свои исключительно большие размеры, башня не производит впечатления монументальной. Это произошло вследствие перегруженности ее наружных стен архитектурными деталями, а также несоответствия размеров башни характеру ее декоративной обработки. Рустованный нижний этаж, создающий впечатление массивности, следует считать наиболее удачной частью башни. Что касается трех верхних этажей, украшенных с каждой стороны тремя узкими, длинными окнами с полукруглыми завершениями, то они делают башню похожей скорее на сооружения технического назначения, чем на произведение дворцовой архитектуры. Башня выглядит массивной, тяжеловесной, давящей на окружающий пейзаж и дворцовый ансамбль. Простые, пропорционально законченные, легкие и в то же время строгие и монументальные формы дворца чужды массивному тяжеловесному объему башни. Архитектор Модзелевский не сумел уравновесить архитектурный объем башни по отношению ко дворцу. Строительство башни Гомельского дворца представляло собой наиболее неудачный пример перестройки старых ансамблей, включения в их организм чуждых им сооружений.

Планировка гомельского дворцового ансамбля в первоначальном его виде была симметрична. Главный корпус дворца фланкирован с обеих сторон одинаковыми по размеру и по наружному виду флигелями. Симметричность являлась одним из необходимых условий дворцовых ансамблей классицизма. В подавляющем большинстве дворцовые ансамбли Белоруссии периода расцвета архитектуры классицизма были симметричны по своей композиции. Во второй четверти XIX в. начали появляться дворцовые ансамбли асимметричной композиции. Первый шаг в этом направлении был сделан в ново-белицком дворцовом ансамбле. Основная часть дворцового ансамбля в Ново-Белице образует симметричную композицию. Однако эта симметричность была нарушена постройкой у его южного торцевого фасада двухъярусной башни, завершенной открытой верандой с балюстрадой. Постройка башни изменила композицию дворцового ансамбля, сделала ее асимметричной. То же самое произошло и в гомельском дворцовом ансамбле. Выстроенная в 1848 г. у южного торцевого фасада высокая башня нарушила первоначальную симметричную композицию дворца.

3. Церковная архитектура конца XVIII и первой половины XIX в.

Наиболее ранними храмами архитектуры классицизма в Белоруссии являются церкви-ротонды в Чечерске, выстроенные в 70—80-х годах XVIII в. графом З. Чернышевым. Церкви Пречистенская и Спасская, выстроенные во второй половине 70-х годов XVIII в., в плане круглые. Их корпуса имеют вид ротонд, завершенных низкими полусферами. Стены зданий внутри и снаружи расчленены пилястрами и украшены полукруглыми и прямоугольными нишами, а сверху завершены мощными карнизами. По планам, архитектуре и декоративной обработке эти здания симметричны как в продольном, так и в поперечном направлениях. Все четыре сегмента стен этих храмов обработаны одинаково, с непременным повторением мотивов пилястр и ниш. Оба здания приземисты. Они выглядят вросшими в окружающий городской пейзаж. Вследствие повторения одних и тех же форм их архитектура несколько скучновата. В то же время они пленяют простотой форм, четкостью архитектурного объема и монументальностью своего вида.

Несколько иной вид имеет церковь Рождества Богородицы *, выстроенная в 1787 г. В основе ее архитектуры лежит также ротонда, образующая главный объем храма. Однако основной объем церкви Рождества усложнен пристройками — с востока абсидой, а с запада притвором — с башнями. Кроме того, с юга, севера и запада входы в храм оформлены колонными портиками. Все это вместе взятое делает его архитектуру более богатой, чем в храмах Вознесения и Преображения. Кроме этих храмов, Чернышевым был выстроен костел, близкий по своей архитектуре к церкви Богородицы.

Рассмотренные четыре храма были выстроены по четырем углам центральной части города, в центре которой стоит ратуша. Таким образом, они ограничивали центр города с четырех сторон. Возникновение этих храмов было тесно связано с планировкой города, проведенной в Чечерске в конце XVIII в. Их архитектура и положение в городе были подчинены регулярному плану города. В данном случае мы имеем прекрасный пример, дающий возможность судить о застройке городов Белоруссии на основе регулярных планов конца XVIII в.

Для белорусской архитектуры XVIII в. храмы-ротонды не являются новшеством. В Гродно в XVI в. существовал храм-ротонда, состоящий из двух ярусов. Известны случаи существования храмов-ротонд и в XVIII в. Как на пример можно указать на шатровую многоглавую церковь Бориса и Глеба в Могилеве, которая состояла из нескольких цилиндрических корпусов, увенчанных конусообразными кровлями. Более широкое распространение храмы-ротонды получили в русской архитектуре. Много подобных храмов было выстроено гениальным русским зодчим Казаковым. Вполне возможно, что храмы-ротонды Белоруссии XVIII в. своим происхождением связаны с архитектурной школой Казакова.

Значительным архитектурным сооружением этого периода является собор Иосифа в Могилеве, выстроенный в 1781 — 1798 гг. по проекту архитектора Н. А. Львова *. План основного объема

* Обозрение Могилевской губернии за 1910 г., Могилев, 1910 г., стр. 88; Россия, т. IX, СПБ, 1905 г., стр. 573.

* Львов Николай Александрович (1751 — 1803) был всесторонне образованным человеком. Он проявил себя как архитектор, художник, музыкант, поэт и переводчик.

Из архитектурных сооружений, выстроенных им, известны собор Иосифа в Могилеве (1781 — 1798), собор Борисоглебского монастыря в Торжке (1785—1796), церковь в Арапчееве, Новоторжского уезда, церковь-ротонда, выстроенная в своем родовом имении, а также собственный дом. Им же был выстроен дом для Державина в его имении Званка на реке Волхове. В Петербурге Н. А. Львов выстроил в 1782—1789 гг. здание почтамта (Григорович. «Канцлер Безбородко», т. I, 1879 г., стр. 141—142). Наряду с проектированием архитектурных сооружений Н. А. Львов занимался исследованием в области строительных материалов. В 1797 г. в Гатчине им было выстроено здание из земли по специальному, составленному им самим рецепту.

Творчество Н. А. Львова до настоящего времени остается неизученным. Наиболее обстоятель-

храма квадратный. Внутри этого квадрата вписан второй квадрат, образованный мощными пилонами, несущими сферический купол. С востока к этому квадрату примыкает полукруглая абсида, а с запада — притвор. Главный объем храма состоял из квадратного в плане тела здания, увенчанного низким, большого диаметра барабаном со сферической кровлей. Стены храма с трех сторон украшены колонными портиками с треугольными фронтонами.

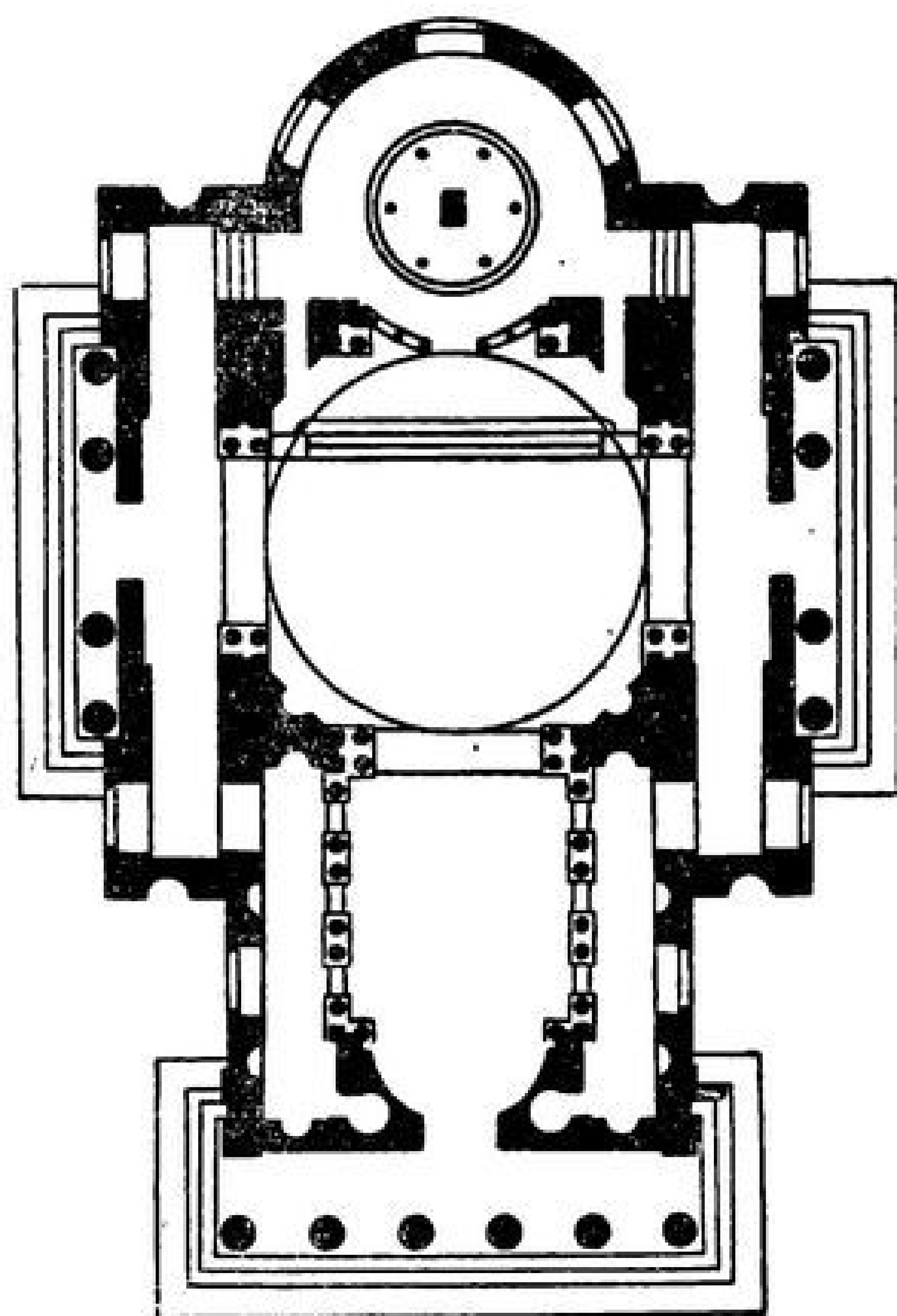

Рис. 41. План собора Иосифа в Могилеве. Конец XVIII в. Архитектор Львов Н. А.

Выстроенные по правилам ордерной системы, со строгим соотношением ширины и длины к высоте, здания периода классицизма всегда делались менее высокими, но более растянутыми по горизонтали, чем здания предшествующего периода. Характерным в этом отношении является собор Иосифа в Могилеве. Строгая и монументальная архитектура этого собора несколько не свойственна для своего времени. Архитектор Львов предвосхитил развитие архитектуры классицизма начала XIX в. На эту особенность храма было указано И. Э. Грабарем: «Это строгое, с дорическим портиком и дорическими лоджиями по сторонам, здание, кажется, выстроено в 1820—1830 гг., и с трудом верится, что проект сочинен в 1781 г.» *.

При создании собора архитектор применял только простые геометрические объемы (квадрат, прямоугольник, круг и треугольник). Квадратный план центрального объема храма, в который вписано квадратное подкупольное пространство, круглый барабан, круглая в плане алтарная сень, полукруглая абсида, круглые окна барабана, прямоугольный в плане притвор, прямоугольные окна и, наконец, треугольные фронтоны — все это в корне отличает храм Иосифа от архитектуры барокко, которая избегала простых геометрических форм, прямоугольных объемов, стремилась всякой форме, всякому объему придать сложный вид, украсить поверхность стен декоративными деталями. В стремлении оперировать простыми геометрическими объемами нельзя не уловить определенной реакции на отживающий к тому времени стиль барокко с его вычурными формами, сложными переходами от одного объема к другому.

Сказанное выше относится скорее к наружной архитектуре храма, чем к внутрен-

---

ная характеристика его дана в книге И. Э. Грабаря «История русского искусства», т. III, стр. 469—473.

Архитектурные чертежи Н. А. Львова хранятся в Эрмитаже и частично в Военно-историческом архиве в Москве.

Как переводчик Львов известен переводами Анакреона, а также трудом «Четыре книги Палладиевской архитектуры», напечатанным им в 1798 г. в Петербурге.

История постройки собора в Могилеве следующая. В честь своего свидания в Могилеве с австрийским императором Иосифом в 1780 г. Екатерина II решила построить в Могилеве собор Иосифа. После того как проекты, представленные архитекторами, были отвергнуты, А. А. Безбородко поручил составление проекта собора Иосифа Н. А. Львову. Составленный Львовым проект и был положен в основу строительства собора.

---

* И. Грабарь. История русского искусства, т. III, стр. 472.

Рис. 42. Собор Петра и Павла в Гомеле. 1819 г. Архитектор Кларк.

ней. Внутри собор оформлен богаче и разнообразнее. На эту разницу указывал сам архитектор в своей надписи на чертеже собора: «Дорической важной и твердость изображающей Орден, составляющий внешность церкви, не мог уже употреблен быть внутри оной, где требуются красоты легкости, и для того трапеза и средина церкви украшена ионическим, а алтарь богатым Коринтическим Орденом».

Следующий этап в развитии архитектуры классицизма представляет собой собор Петра и Павла в Гомеле. Заложен собор в 1809 г. по проекту архитектора Кларка *.

* Жудро, Сербов, Довгало. Гомель. Записки северо-западного отдела императорского русского географического общества, кн. 2. Вильно, 1911 г., стр. 311—313.

Его строительство длилось десять лет. Таким образом, он строился примерно в одно время с галереями Гомельского дворца. Вполне возможно, что архитектор Кларк принимал участие и в строительстве этих галерей, так как, помимо собора Петра и Павла, им были выстроены и другие сооружения города Гомеля.

План собора имеет вид удлиненного креста. Однако в отличие от базиликальных крестово-купольных храмов XVII—XVIII вв. его продольный неф укорочен и одновременно удлинены трансепты, вследствие чего храм приобрел центрическую композицию. Эта центричность подчеркнута и в самой архитектуре мощным барабаном с высокой главой, увенчивающей средокрестие храма. В прежнее время

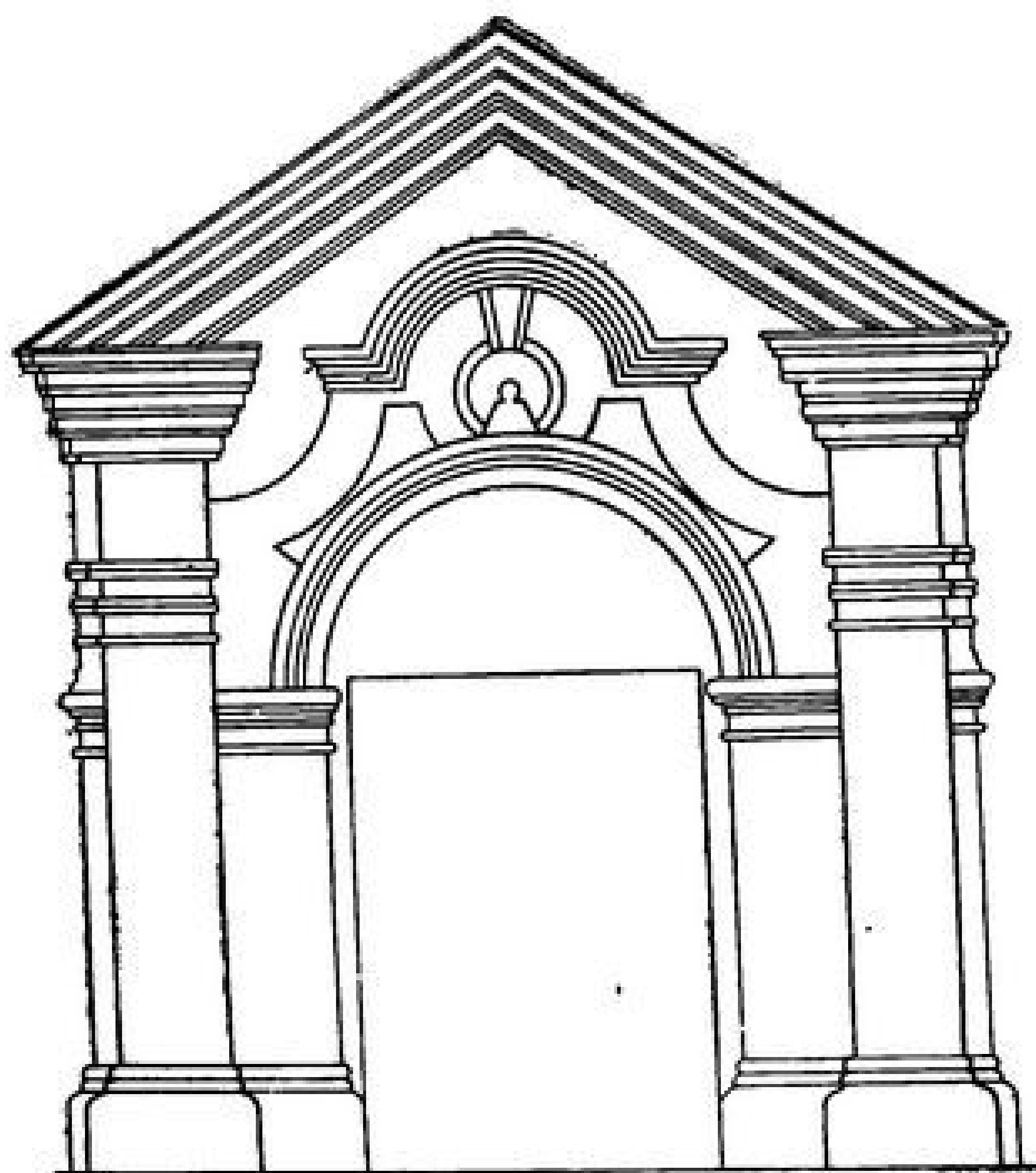

Рис. 43. Портал собора в Княжицах. XVII в.

над притвором храма стояла четырехгранная, двухъярусная невысокая шатровая башня. Однако она, вследствие своих небольших размеров и скромного наружного вида, не нарушала доминирующего значения главы в архитектуре храма, а скорее подчеркивала ее композиционную значимость.

План и архитектура собора просты. Весь декор состоит из колонн и полуколонн, окружающих стены храма со всех четырех сторон. Благодаря большому количеству колонн дорического ордера, несущих мощный триглифный карниз, архитектура храма приобрела простой, но в то же время пластический вид, она прекрасно вписана в зеленый массив Гомельского парка.

Расположен собор на высоком мысу, ограниченном с востока рекой Сож, а с севера глубоким оврагом. С юга к нему примыкает парк с дворцом, а с запада главная городская площадь. Таким образом, собор Петра и Павла занимает в Гомеле довольно выгодное место. С городом он связан, так же как и дворец, системой улиц, расходящихся от главной площади веером. Его архитектура вместе с дворцом господствует над всей низменной поймой реки Сож. Как и собор Иосифа, собор Петра и Павла монументален. Он так же приземист и тяжеловесен.

На первый взгляд кажется, что тип храма, подобный собору Петра и Павла, возник в XIX в. и не имеет корней в белорусской архитектуре. На самом же деле это не так. Если мы вспомним архитектуру крестовых одноглавых храмов XVII—XVIII вв., то нам станут ясны истоки формирования архитектуры собора Петра и Павла.

В Гомеле в 1793 г. была выстроена деревянная Ильинская церюовь, близкая по своему плану и архитектуре к собору Петра и Павла. Ее центральный объем также увенчан мощным барабаном с главой, а над притвором находится двухъярусная башня. С трех сторон Ильинская церковь окружена колонной галереей. Все это не оставляет сомнения в близости их архитектуры.

Близка по своей архитектуре к собору

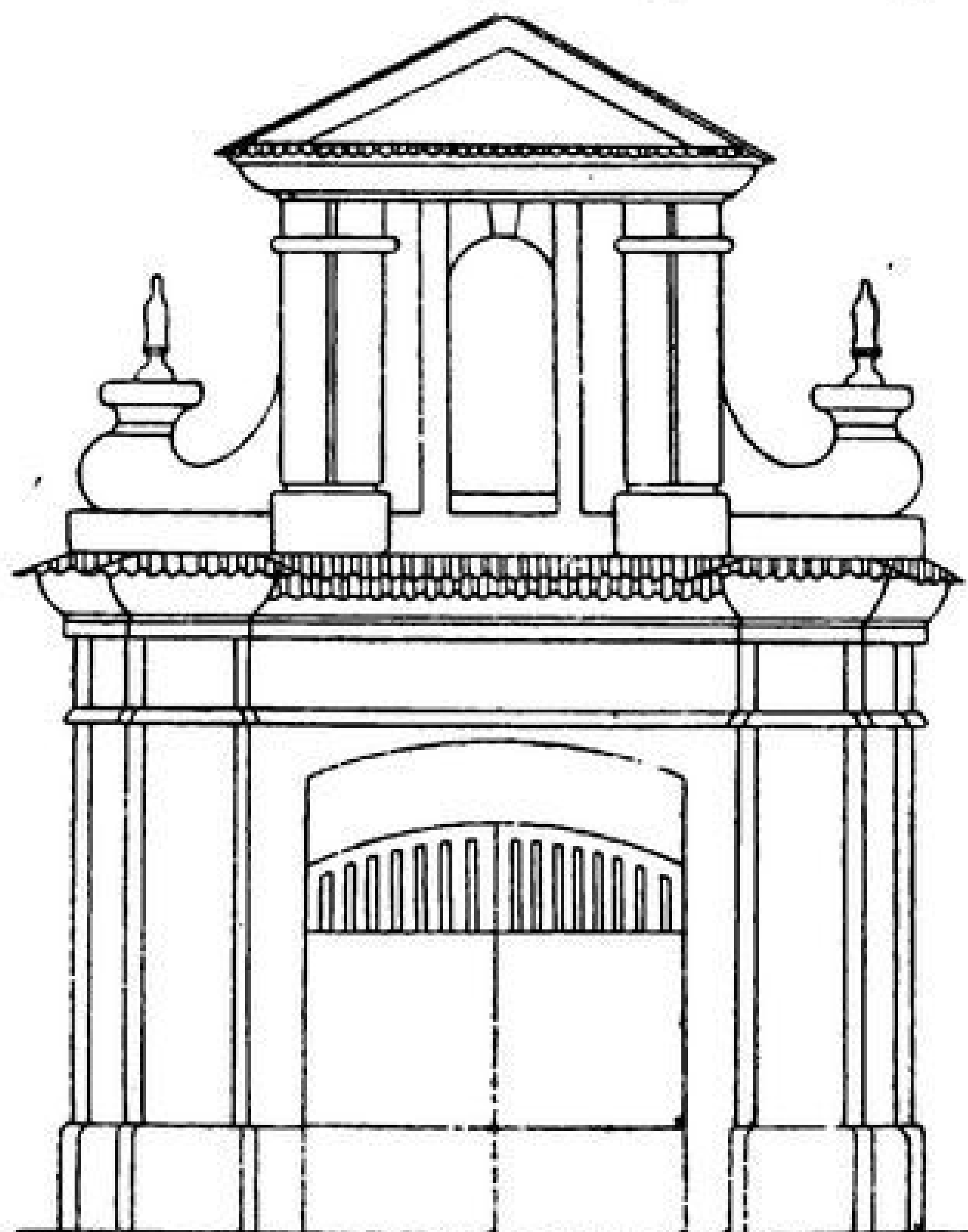

Рис. 44. Брама в г. Слониме. XVIII в.

Петра и Павла деревянная церковь Николы в Витебске, выстроенная в 90-х годах XVIII в. Ее продольный неф так же удлинен, как и в соборе Петра и Павла. Средокрестие увенчано мощным барабаном с главой, а над притвором надстроена башня значительно меньших размеров, чем глава. Приведенные примеры красноречиво свидетельствуют о тесной связи архитектуры собора Петра и Павла с белорусской архитектурой XVII — XVIII вв., и в первую очередь с деревянной. Все это говорит о том, что архитектура белорусского классицизма своими истоками связана с белорусской архитектурой предшествующих столетий.

Церковные сооружения классицизма оказали значительное влияние на архитектуру костелов, расположенных на территории Белоруссии. В качестве примера можно назвать храмы-ротонды начала XIX в. в городах Лиде и Щучине. В отличие от базиликальных костелов XVII — XVIII вв. эти храмы приземисты, центричны по своей композиции. Их главные объемы увенчаны низкими главками, а фасады обработаны колонными портиками, несущими треугольные фронтоны.

Значительный интерес для истории белорусской архитектуры представляют брамы, башни, каплицы и колокольни. Назначение их довольно разнообразное. Брамы оформляли въезды в город, на площади, в монастыри, во дворцы или усадьбы зажиточных горожан. Таким образом, они выполняли одновременно декоративную и функциональную роль.

Наиболее широкое распространение получили брамы в виде щитов. К подобному типу относятся брамы на главной площади в Слониме и Друе. Фасады этих брам расчленены по вертикали пилястрами, а по горизонтали — карнизами с кровельными скатами. Верхние этажи, расположенные над воротами, фланкированы по бокам волютами, а сверху завершены фигурными или треугольными фронтончиками. Брамы отличаются законченностью архитектурного образа, легкостью форм и изяществом обработки.

Ко второму виду относятся брамы типа Слуцкой в Несвиже. Это довольно сложное по плану и архитектуре сооружение состоит из двух помещений для стражи, расположенных по обеим сторонам ворот, и помещения для каплицы во втором этаже над воротами. Подобные брамы были широко распространены в крепостном зодчестве и выполняли роль проезжих ворот в город. Иногда они были укреплены бойницами и имели крепкие железные или дубовые ворота.

Рис. 45. Каплица в гомельском парке. XIX в.

Не менее интересны звоницы и башни. По своей архитектуре они также довольно разнообразны. Так, деревянные башни в Леонполе и Друе состоят из двух ярусов, разделенных кровельным скатом. Крыты башни четырехскатными кровлями.

Более сложна по конструкции и архитектуре колокольня в Бытене. В отличие от подавляющего большинства колоколен с квадратными планами, четырехгранными или многогранными корпусами, она имеет продолговатый план с закругленными торцовыми сторонами. Ее тело, покоящееся на высоком цоколе, расчленено массивными пилястрами, раскрепованными в верхней части. Кровля башни увенчана фонарем. Башня состоит из нескольких этажей, соединенных между собой винтовой лестницей, помещенной в ее левой части.

Не менее интересны по своей архитектуре каплицы. Так, каплица в Слониме имеет вид башенки, разделенной волнистым карнизом на два яруса. Стены каплицы имеют вогнутые поверхности в виде глубоких ниш, а ее верх завершен двухъярусной главкой сложной формы.

* * *

Социально-исторической основой развития белорусской архитектуры конца XVIII и первой половины XIX в. явился подъем экономической и культурной жизни, наступивший в Белоруссии после присоединения к России. Включение Белоруссии в состав России дало толчок развитию культуры, ремесленной деятельности, торговли и росту городов, создало более широкие предпосылки для развития капитализма. Однако это присоединение не уничтожило и не могло в условиях феодализма уничтожить господства феодалов и городской верхушки над трудовым народом.

Как и в предшествующий период, трудовой белорусский народ был лишен политических прав и изнывал под гнетом непосильного крепостного труда и тяжелого налогового бремени. Произошло только изменение внутри господствующего класса. В связи с оживлением торговли, ремесленной деятельности и возникновением мануфактур усилилась в общественной жизни роль купечества, организаторов мануфактурного и ремесленного производства. Все это не могло не оказать влияния на архитектуру и планировку белорусских городов и других населенных мест.

В связи с тем, что старая планировка городов не удовлетворяла новых запросов экономической, политической и культурной жизни страны, встал вопрос о необходимости перепланировки. Составление планов городов и последовавшие за этим работы по благоустройству городских районов, спрямлению и расширению улиц, создание новых площадей, скверов и парков, а также строительство жилых и общественных зданий изменили облик белорусских городов. Прогрессивность этого периода в области архитектуры состоит, прежде всего, в том, что в это время было положено начало регулярной застройке городов, подчиненной общему замыслу, воплощенному в заранее составленный план. По-иному начали относиться к вопросу о возведении в городе монументальных сооружений (дворцов, общественных зданий, монастырей, усадеб знати).

Если в XVII — XVIII вв. всесильные магнаты, представители королевской администрации и духовенства, в особенности католического, строили свои здания на захваченных (главным образом в центрах городов) участках, не считаясь при этом с общими интересами города, то после утверждения планов городов в конце XVIII в. и первой половине XIX в. этот произвол в некоторой мере был ограничен наличием утвержденного плана. Показательной в этом отношении является застройка Гомеля в конце XVIII и начале XIX в., проведенная после утверждения регулярного плана. Архитектура выстроенных в это время в Гомеле зданий (дворец, аптека, собор Петра и Павла, костел, торговые ряды и другие) была тесно увязана с общегородской планировкой. Например, архитектура дворца и собора были решены, как главные архитектурные сооружения центральной площади. В то же время, они были увязаны с планом общегородской застройки посредством системы улиц, радиально расходящихся от площади.

Монументальные сооружения XVII — XVIII вв., в особенности ратуши, церкви, костелы и башни, делались высокими. Их строили рядом с низкими, преимущественно одноэтажными домами, составляющими основной фонд городской застройки, что придавало архитектуре городов контраст-

ный характер. Здания классицизма, построенные по пропорциям ордерной системы, были относительно ниже, массивней, чем сооружения предшествующего периода, в них скорее подчеркивалась горизонтальная протяженность, чем вертикальная. Показательно в этом отношении сравнение высокого здания собора Николая в Могилеве XVII в. с расположенной рядом с ним низкой, как бы придавленной к земле церковью Онуфрия. Уменьшение высотности зданий, а также возникновение в центрах городов двухэтажных каменных построек, например в Полоцке и Гомеле, привели к смягчению контрастности в городской застройке. Застройка городов XVII—XVIII вв. была неравномерной. Густо застроенные центральные районы и кварталы соседствовали в них с разреженной усадебной застройкой. После же проведения планировки и ограничения территории городов застройка стала более уплотненной; пустыри занимались парковыми насаждениями, рыночными площадями или застраивались.

После присоединения Белоруссии к России многие имения польских магнатов были конфискованы и переданы русским князьям и графам. Получив в свои руки поместья, они начали возводить новые дворцовые ансамбли и перестраивать старые. То, что дворцы и культовые сооружения этого времени строились русскими князьями и графами по проекту архитекторов, приехавших из России, не могло не внести изменения в архитектуру того времени. В результате всего этого усилилось влияние передовой русской архитектуры на белорусскую.

Архитектура классицизма Белоруссии, так же как и других европейских стран, имеет свои национальные особенности. Эти особенности были обусловлены традиционными связями белорусской архитектуры конца XVIII и первой половины XIX в. с деревянным народным зодчеством, монументальным зодчеством предшествующих столетий и с архитектурой русского классицизма.

В ряде поместий Белоруссии в это время возникают двухэтажные каменные дворцовые сооружения, как, например, дворцы в Ольсе, Новой Белице (Витебской области), связанные своей архитектурой с деревянным зодчеством. Эта связь ощущается в характере колонн портиков, в форме карнизов, напоминающих собой деревянные конструкции. Если деревянное зодчество оказывало влияние на каменное, то каменное, в свою очередь, влияло на деревянное. Красноречивым подтверждением этого факта являются такие деревянные сооружения, как усадьба Ваньковича в Минске, так называемый дом Багратиона в Волковыске, церковь Николая в Витебске и ряд домов, расположенных между площадью Свободы и рекой Свислочь в Минске. Отдельные детали этих построек: колонные портики, окна, карнизы, обработка стен рустом заимствованы от сооружений классицизма, выстроенных из камня.

Отличительной особенностью белорусской архитектуры этого времени является ее тесная связь с русской. Эта связь обнаруживается не только в деревянной архитектуре, но и в монументальных дворцовых и культовых сооружениях, как, например, дворец Румянцевых в Гомеле, и в ряде сооружений, воздвигнутых в этом городе в начале XIX в., в дворце в Снове, дворце Чернышева в Чечерске, соборе Иосифа в Могилеве и других. Это проявилось в грандиозности самих сооружений, простоте и строгости их наружного вида, в сдержанности декоративного оформления наружных стен зданий и монументальности их облика.

В России становление архитектуры классицизма падает на 60—70-е годы. В Белоруссии, в связи с рядом социально-исторических обстоятельств (политический, экономический и культурный упадок в Речи Посполитой и трехкратный раздел Речи Посполитой), процесс становления архитектуры белорусского классицизма был усложнен и в связи с этим отодвинут по сравнению с Россией на два десятилетия. Этим объясняется и то, что большинство памятников белорусской архитектуры 80—90-х годов, за исключением дворца Румянцевых в Гомеле и собора Иосифа в Могилеве, носило переходный характер от архитектуры XVII—XVIII вв. к архитектуре классицизма.

Все эти обстоятельства — тесная взаимосвязь каменной и деревянной архитекту-

ры, усиление влияния русской архитектуры на белорусскую после присоединения Белоруссии к России, живучесть традиций архитектуры XVII — XVIII вв. в белорусской архитектуре конца XVIII и первой половины XIX в. — определили характер белорусской архитектуры этого времени.

Архитектура классицизма Белоруссии конца XVIII и первой половины XIX в. наряду с народным творчеством представляет собой наиболее ценное звено архитектурного наследия белорусского народа. Вместе с архитектурой русского классицизма она является хорошей школой для белорусских советских архитекторов, строителей белорусских сел и городов.

Глава VI

Архитектура второй половины XIX и начала XX в.

После реформы 1861 г. Белоруссия встала на капиталистический путь развития. В городах и помещичьих имениях возникают промышленные предприятия, на крупных фабриках и заводах вводятся машины. Развитие промышленности, расширение торговли, проведение железных дорог явилось основой для роста городов *, возникновения новых районов, расположенных на их окраинах. Около вокзалов в Минске, Полоцке, Могилеве и других городах возникают привокзальные районы, которые уже к началу XX в. сливаются с общей городской застройкой. Образуются новые площади, улицы и кварталы. В связи с проведением железных дорог ряд незначительных по размеру местечек превращается в крупные центры городского типа (Барановичи), возникают новые местечки (Богушевичи).

Рост городов происходил стихийно. Попытки их планировки тормозились частной собственностью на землю. Административные мероприятия, направленные на урегулирование застройки, приводили лишь к ее частичному улучшению. О стихийном характере застройки свидетельствует следующий факт. После проведения железной дороги в Гомеле возникает, помимо привокзального района, густо заселенный район за железной дорогой, уличная сеть которого не была связана с центральной частью Гомеля. Предприятия в городах создавались без всякого плана, иногда в их центральных густо населенных частях, они затрудняли движение, загрязняли улицы и площади отбросами.

На низком уровне стояло благоустройство белорусских городов. Улицы были замощены только в центральных районах, большинство домов было выстроено из де-

* Показательным в этом отношении является развитие города Минска. После проведения железных дорог через город (1871—1874 гг.), в конце столетия, в Минске уже было 47 предприятий с числом рабочих более полутора тысяч, а население города возросло до 91 тысячи. Быстрый рост промышленности и торговли вызвал к жизни возникновение ряда учреждений. Организуются Коммунальный банк и Общество взаимного кредита, Общество взаимного страхования, Крестьянский банк, отделение Петроградского коммерческого банка.

Все это определило характер и темп городского строительства. Расширяется территория города. В центральной части города, на современной площади Свободы и прилегающих к ней улицах было создано в это время много двух- и трехэтажных домов.

рева, что часто являлось причиной опустошительных пожаров. Улицы были освещены только в центральных районах, водоснабжения и канализации, как правило, не было, и население вынуждено было употреблять недоброкачественную воду.

Однако следует указать, что по сравнению с предыдущим периодом в эпоху капитализма в застройке и благоустройстве городов произошли значительные изменения. Увеличилось, в особенности в конце XIX и начале XX в., число каменных многоэтажных зданий, в городах возникают скверы, организуются музеи, школы, открываются театры, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения. Например, в Гомеле в начале XX в. существовало 32 школы. По времени организации они распределялись следующим образом: вновь было организовано 14 школ, от XIX в. сохранилось 17 школ и одна от XVIII в. Из этого видно,. какой прогресс в деле школьного образования был достигнут после присоединения Белоруссии к России. Для школ в ряде случаев воздвигаются многоэтажные здания. Так, в Гомеле в 1894 г. была выстроена трехэтажная гимназия. В 1890 г. был выстроен театр в Минске, а несколько раньше в Могилеве. Большинство зданий для культурных учреждений создавалось на средства, собранные общественностью. Правительство же не всегда оказывало горожанам в этом деле помощь, более того, государственные чиновники нередко тормозили полезные начинания передовой общественности.

Рост промышленности и торговли, появление в связи с этим новых типов зданий дали значительный толчок развитию строительной техники. Создаются металлические конструкции из прокатных балок для мостов и перекрытий зданий, железные и чугунные лестницы и балконы, опорные столбы внутри зданий и для оформления главных подъездов. Появление в начале XX в. железобетонных конструкций нашло широкое применение в строительстве промышленных, торговых и общественных зданий. Возникают плоские и ребристые железобетонные перекрытия, получившие широкое распространение в зданиях с большими пролетами, как, например, в заводских цехах и залах общественного назначения. Создаются новые отделочные материалы: разноцветный облицовочный кирпич, плитки для полов.

Указывая на успехи городского строительства в период капитализма, необходимо в то же время отметить, что оно носило классово ограниченный характер и было направлено на обслуживание интересов господствующих классов. В школах в основном учились дети помещиков, купцов, промышленников и государственных служащих; благоустроенные здания возводились представителями господствующего класса для личных целей, городское благоустройство проводилось, главным образом, в аристократических кварталах. Трудовой же народ жил в бедных лачугах, в кварталах, лишенных благоустройства. Улицы здесь были узкие, кривые, грязные, захламленные отбросами.

«Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран, — говорил И. В. Сталин на XVII съезде ВКП(б), — являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груду темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютится неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу» *. Подобные трущобы имели не только белорусские города, но и города других стран, прежде всего наиболее высоко развитых в промышленном отношении.

Царское правительство проводило в Белоруссии колониальную политику. «В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке. Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов» **.

---

* И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. изд. 11-е, стр. 457.

** История ВКП(б), Краткий курс, Госполитиздат, 1951 г., стр. 6.

Рис. 46. План центральной части Витебска второй половины XIX в.

Несмотря на колониальную политику, царское правительство не смогло задержать развития белорусской культуры. Благодаря помощи братского русского народа во второй половине XIX в. в Белоруссии развиваются архитектура, живопись, литература, театр, музыка и народное творчество.

В развитии белорусской культуры этого периода существовало два направления. Демократическое направление, объединявшее прогрессивные силы белорусского народа, развивалось под влиянием идей революционных демократов — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Горького. Главнейшими его представителями являются Кастусь Калиновский, Ф. Богушевич, Янка Купала и Якуб Колас.

Наиболее передовым течением в белорусской архитектуре было то, которое в своем развитии опиралось на традиции архитектуры классицизма. Особенно отчетливо эта связь проявилась в архитектуре здания на углу проспекта им. Сталина и улицы Урицкого, выстроенного в начале XX в. Простая и четкая трактовка фасадных стен, расчлененных полуколоннами, четкая линия карниза, простота обрамления оконных проемов выгодно выделяют это здание из круга архитектурных сооружений того времени. В 1948 г. оно было включено архитектором Парусниковым в ансамбль административного здания, выстроенного на основе использования архитектурных традиций классицизма.

Русская архитектура второй половины XVII в., богато украшенная снаружи лепкой, архитектурными деталями и разноцветной керамикой, привлекла внимание архитекторов Белоруссии. В духе этой архитектуры на территории Белоруссии было создано несколько богато декорированных лепкой, керамикой и глазурью живописных сооружений. Наиболее интересными из них являются собор Петра и Павла (1850—1857 гг.) в Минске, Георгиевская церковь в Чаусах, усыпальница князей Паскевичей в Гомеле, мемориальный храм в Лесной, выстроенный к двухсотлетию разгрома шведской армии Петром I, и другие сооружения.

По композиции и декоративной обработке собор Петра и Павла в Минске напоминал собой храмы русской архитектуры 70—80-х годов XVII в. (церкви в Хамовниках, Останкине, Георгия Неокесарийского на Полянке в Москве и др.). Собор состоял из трех частей: основного объема, увенчанного пятью главами, трапезной и шатровой башни. Низ барабанов башен обработан кокошниками, а стены первого яруса башни — кассетами, наподобие кассетов церкви в Филях. Форма шатровой башни, ее арочных пролетов и их обрамлений напоминает собой шатер церкви Георгия Неокесарийского. Небольшая по размеру, стройная, обработанная снаружи керамическими деталями усыпальница князей Паскевичей является наиболее совершенной постройкой из числа сооружений этой группы. Ее живописные формы прекрасно гармонируют с древесными насаждениями парка. Внутренние стены склепа усыпальницы украшены глазированными плитами растительного орнамента.

Реакционное направление, выражавшее интересы помещиков и буржуазии, по своему характеру делилось на несколько течений. Одно из них ориентировалось на связь с польскими панами и католическим духовенством и рассматривало Белоруссию как польскую провинцию, а белорусскую культуру как часть буржуазно-помещичьей польской культуры. Представители этого направления стремились распространить католическое и униатское вероисповедание среди белорусского народа, закрепить навечно эксплуатацию польскими помещиками трудового белорусского народа, оторвать белорусскую культуру от демократической русской культуры. Конечной их целью было восстановление Речи Посполитой, реставрация ее институтов национального и социального угнетения. В архитектуре это направление нашло свое отражение в строительстве, главным образом, костелов в готическом стиле. Подобные костелы были выстроены на «Золотой горке» (угол проспекта им. Сталина и Долгобродской в Минске), а также в Молодечно, Полоцке и многих других городах Белоруссии.

Другое реакционное направление отражало колониальную политику царского правительства. Представители этого направления стремились насадить в Белорус-

сии архитектуру, за основу которой был взят византийский стиль, получивший свою интерпретацию в многочисленных проектах архитектора Тона, а также в позднейших разработках этого направления. В белорусских городах были выстроены по прямому указанию царского двора десятки храмов в так называемом византийском стиле. Ярким примером подобной архитектуры являлась церковь, выстроенная в районе, прилегающем к вокзалу в Минске. Массивная, с тяжелыми пропорциями, обработанная снаружи громоздкими лепными деталями, она воспроизводила собой худшие черты храма Христа Спасителя в Москве. Здания подобного типа были сооружены в то время в различных городах Белоруссии: в Полоцке, Витебске, Борисове и других.

Для многих зданий того времени характерна потеря монументальности, простоты архитектурного образа. Типичным в этом отношении является б. Дом металлистов (1912 г.), расположенный в настоящее время по Советской улице, против Дома правительства. Более четко эта тенденция проявилась в здании Академического театра им. Янки Купалы в Минске, выстроенном в 1883—1890 гг. Состоит театр из нескольких объемов, сгруппированных вокруг основного. Каждый из этих объемов был обильно украшен архитектурными деталями: пилястрами, карнизами, тягами, оконными обрамлениями различной формы и величины. Положительным в архитектуре театра является сравнительно удачная увязка сцены с залом, хорошая слышимость, а также мастерская обработка архитектурных деталей наружных стен. Фасад здания на углу улиц Советской и Володарского сплошь покрыт лепными деталями: орнаментом, оконными обрамлениями, карнизами и т. п., причем эти детали не связаны с конструкцией здания. Например, пилястры второго и третьего этажей трактованы как чисто декоративные, их формы расплываются на поверхности стен. В целом фасад имеет вид ковра, украшенного орнаментом и изображениями архитектурных деталей.

Многие здания этого времени делались без побелки и имели поэтому, в зависимости от цвета глины, красный, желтый или охристый цвет. В таких условиях кирпич использовался не только как строительный материал, но и как декоративное средство для создания фактуры стен здания и декоративных деталей. Из кирпича делались оконные обрамления, карнизы, тяги и балконы. Характерно в этом отношении здание № 5 по улице Кирова, фасад которого оформлен декоративными деталями из кирпича. Довольно часто для этих целей употреблялся лекальный (фигурный) и глазированный кирпич. В конце XIX и в начале XX в. в области производства кирпича были достигнуты значительные успехи. Кирпич многих зданий этого времени хорошей формы, прочен и имеет приятную окраску.

В конце XIX и в начале XX в. в Белоруссии распространяется упадочный стиль модерн. Правда, он не имел столь широкого распространения, как в центральных городах России. Чаще всего здания в стиле модерн встречаются в таких городах, как Минск, Могилев, Гомель. Наиболее отчетливо черты этого стиля выражены в здании на углу улиц Кирова и Володарского. В прежнее время это здание называлось «Диким домом». Закреплению этой клички за домом в значительной мере содействовал характер его архитектуры. Тяжелое и неуклюжее, с грубо обработанной фактурой первого этажа, расчлененное пазами, это здание производит мрачное впечатление. В трактовке фасада здания, в особенности в форме завершающих щитов, ощущается некоторая связь с готикой, что делает его похожим на замковое сооружение средневековья.

Несмотря на рост промышленности, Белоруссия оставалась аграрной страной. Больше половины земельных угодий принадлежало помещикам. Остатки крепостничества, колониальная политика царского самодержавия задерживали рост капитализма, тормозили развитие производительных сил в стране. Господство крепостников-помещиков в деревне приводило к разорению крестьянства. Росла задолженность крестьянского хозяйства. Малоземелье, эксплуатация крестьян помещиками окончательно разоряли бедняцкое население деревни. В конце 80-х годов XIX в. бедняцкие хозяйства составляли 57 процен-

тов белорусской деревни. Выделялась зажиточная кулацкая верхушка, эксплуатировавшая бедняцкое и середняцкое население деревни.

Формы расселения белорусской деревни были различны: деревня (вёска) в 20—40 домохозяев являлась наиболее распространенным типом населенного пункта. Широко была распространена, в особенности в XX в., поселковая и хуторская система. Наряду с этими деревнями в Белоруссии довольно часто встречались села с населением в 100 и более домохозяев. Строились белорусские деревни на берегах речек или просто на поляне. Крестьянские усадьбы располагались двумя параллельными рядами, с улицей посредине. Улицы, если позволяла местность, были прямыми, длиною от полкилометра до километра. Дома крестьян одной из своих стен выходили на улицу. Хозяйственные постройки (хлевы, амбары, сараи), как правило, располагались с ними рядом. За усадьбой шли огороды.

Планировка крестьянских усадеб Белоруссии была различной. Она могла быть замкнутой, с одним или двумя дворами, открытой, с постройками, разбросанными вокруг дома или выстроенными в один ряд, перпендикулярно улице.

Замкнутый крестьянский двор образовывался сплошной цепью построек, выстроенных вокруг него. Все они своими воротами или дверьми были обращены во двор. С наружным миром такой двор был связан двумя воротами, одни из которых выходили на улицу, а другие на огород. Замкнутые усадьбы более зажиточной части крестьянства иногда состояли из двух дворов, расположенных по обеим сторонам дома. Чистый двор был окружен такими хозяйственными постройками, как амбар, помещение для хранения овощей (истопка), навес для сельскохозяйственного инвентаря. К нему же примыкал одной из своих сторон дом. Второй двор, расположенный в противоположной стороне от дома, был окружен хлевами: коровником, конюшней, свинарником и овчарней. Такой двор имел одни ворота, выходящие на улицу.

В открытых усадьбах постройки группировались также вокруг дома, но композиционно они были меньше связаны с ним; между хозяйственными постройками и домом располагался двор, открытый как со стороны улицы, так и со стороны огорода. Довольно часто в белорусских деревнях встречались усадьбы с постройками, расположенными в один ряд, перпендикулярно улице. Подобные усадьбы строились малоземельными крестьянами, обладавшими небольшими, узкими усадебными участками, не дававшими возможности возводить постройки вокруг дома.

Если деревни образовывали одну прямую улицу и не имели центра, то села состояли из нескольких улиц, сходящихся к центральной площади. В деревнях, как правило, не было построек общественного назначения. В селах же строились школы, церкви, корчмы. Иногда в них создавались мельницы. Здесь чаще селились ремесленники по обработке дерева. Если село было центром волости, в нем имелось волостное правление. Вследствие всего этого архитектура села была более богатой, а планировка более сложной. Наличие центра, застроенного зданиями общественного назначения, приближало села к поселениям местечкового типа.

Основным, а в большинстве единственным строительным материалом крестьянской усадьбы, и в том числе хаты, являлось дерево: сосна, ель, дуб, осина, береза и другие древесные породы. Для фундаментов домов и печей употреблялись камень, кирпич и глина, а для крыш — солома. В основе постройки лежала подклеть в виде венца из толстых бревен, покоящихся на фундаменте. В более ранних хатах фундаменты были простыми и состояли из камней или деревянных столбов, поставленных под углы. Нижние части стен иногда засыпались землей и укреплялись тонкими бревнами или плетнем из хвороста. Эта часть дома, называемая завалинкой, защищала дом от проникновения холода и в то же время являлась любимым местом отдыха крестьянской семьи. Размер окон был небольшой. Крыши были соломенные, двухскатные или четырехскатные.

Дома крестьян по своей планировке делились на несколько видов. Наиболее простыми, принадлежащими бедняцкой

части населения, были дома из одного сруба с сенями или без сеней. К более сложному виду относятся пятистенные дома, состоящие из четырехугольного сруба с трехстенной пристройкой к нему и сеней. К наиболее богатому виду относятся дома из двух срубов, соединенных сенями. Одно из таких помещений служило для повседневной жизни семьи, а другое предназначалось для приема гостей. Окна, двери, фронтоны и карнизы крестьянских хат оформлялись деревянной орнаментальной резьбой, что придавало им живописный вид.

Застройка белорусских деревень в основном была скученной, бедные усадьбы примыкали вплотную друг к другу, улицы были узкими, их ширина определялась необходимостью проезда на телеге и прохода скота на пастбище. В деревнях, расположенных на больших проезжих дорогах, улицы были более широкими.

Отличительной особенностью крестьянской хаты и двора является устойчивость их планировки, строительных приемов и стиля. Медленная эволюция крестьянского хозяйства, темнота крестьянина, консерватизм в быту обусловили живучесть форм и приемов сельского строительства, повторяющихся в неизменном виде от столетия к столетию. Эта особенность дает нам право считать, что в планировке и архитектуре белорусской деревни в большей мере, чем в монументальном зодчестве, сохранились черты, сложившиеся в предшествующие столетия.

ЛИТЕРАТУРА

Батюшков П., Белоруссия и Литва, С.-Петербург, 1890 г.

Без-Карнилович, Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии, СПБ, 1885 г.

Бессонов С. В., Архитектура Западной Украины, Изд. Академии архитектуры, Москва, 1940 г.

Бессонов С. В., Белорусские художественные мастера в Москве в XVII столетии, «Известия Академии наук БССР», № 1, 1947 г.

Большая Советская Энциклопедия, т. V. Белоруссия, Москва, 1927 г.

Брунов Н. И., Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в 1923 г. (Реконструкция Спасо-Евфросиньевской церкви в Полоцке и ее подробное описание), 1926 г.

Брунов Н. И., Архитектура Белоруссии XI—XII вв., Сборник статей по белорусской культуре, Минск, 1928 г.

Виноградов, Архитектурные памятники Западной Украины и Западной Белоруссии, «Архитектура СССР», № 9, 1939 г.

Виноградов, Гомель в его прошлом и настоящем, Москва, 1911 г.

Воронин Н. Н., Крепостные сооружения. История культуры древней Руси. Домонгольский период. Том I. Под редакцией Воронина, Каргера, Тихоновой. Москва, 1948 г.

Воронин Н. Древнее Гродно. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, Москва, 1954 г.

Говорский К., Исторические сведения о Полотском Софийском соборе, «Вестник юго-западной России» за 1864 г., февраль.

И. Грабарь, История русского искусства, т. I—VI, Москва (1909—1915 гг.).

Грязнов, Коложская Борисоглебская церковь в Гродно. Труды Виленского отделения Московского Предварительного комитета по устройству IX археологического съезда в Вильно, Вильно, 1893 г.

Дембовицкий, Опыт описания Могилевской губернии, кн. II, Могилев-на-Днепре, 1882 г.

Долматов Н., Супрасльский Благовещенский монастырь, СПБ, 1892 г.

Древняя Коложская церковь во имя святых князей Бориса и Глеба в городе Гродно, Гродно, 1908 г.

Ю. Егоров, Градостроительство Белоруссии, Москва, 1954 г.

Живописная Россия, под редакцией Семенова, т. II, «Белоруссия», ч. II, С.-Петербург, 1882 г.

Жудро Ф., Спасский монастырь в Могилеве, Могилев-на-Днепре, 1892 г.

Записки Игумена Ореста. Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси, изданный при Управлении Виленского учебного округа, т. II, Вильно, 1867 г. и т. V, Вильно, 1871 г.

Иодковский И., Церкви, приспособленные к обороне, в Литве и Литовской Руси, «Древности», т. VI, Москва, 1915 г.

Иодковский И., Замок в Мире, «Древности», т. VI. Москва, 1915 г.

Кайгородов Н., Полоцк и его церковно-исторические древности, «Светильник», № 2, 1914 г.

Кацер М., Архитектура города Могилева, «Известия Академии наук БССР», № 6. 1948 г.

Кацер М. Белорусский орнамент, «Беларусь», № 5—6, 1946 г.

Кацер М. Архитектура белорусских городов XVII—XVIII вв. Инст. истории искусств АН СССР. (Доктор. дис.), 1951 г.

Краснянский, Чертеж города Витебска, Записки отдела гуманитарных наук, т. I, кн. 6, Минск, 1928 г.

Краснянский В. Г., Г. Мстиславль. Его настоящее и прошлое, Записки северо-западного отдела Императорского русского географического общества, кн. 3, Вильно, 1912 г.

Красовицкий П., Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение, Витебск, 1911 г.

Лебедев Н. И., Жилища и хозяйственные постройки Белорусской ССР (Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам), Москва, 1929 г.

Георгий Лукомский, Гомельская усадьба князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского, «Столица и усадьба», № 1, 1913 г.

Милашевский, Очерки истории Турова, Киев, 1880 г.

Орловский Е., Основание города Гродно и его история до 1241 г., Труды IX археологического съезда в Вильно в 1893 г., Москва, 1895 г.

Памятники старины в западных губерниях Империи, издаваемые П. Н. Батюшковым, вып. I—2, СПБ, 1868 г.

Павлинов, Древние храмы Витебска и Полоцка, Труды IX археологического съезда в Вильно в 1893 г., Москва, 1895 г.

Покровский Ф., Археологическая карта Гродненской губернии, Труды IX археологического съезда в Вильно в 1893 г., т. I—II, Москва, 1895 г.

Полное собрание законов Российской Империи, СПБ, 1839 г.

Полное собрание русских летописей, т. XVII.

Покрышкин П., Благовещенская церковь в Супрасле, СПБ, 1874 г.

Рисунки крепостей, построенных... Иваном Грозным в Белоруссии, Полоцко-Витебская старина, вып. II, 1912 г.

«Россия», под редакцией В. П. Семенова, т. IX, С.-Петербург, 1905 г.

Романов Е. Р., К истории Лукомского монастыря, «Витебский календарь», 1908 г.

Сапунов А., Губернский дворец в Витебске, Витебск, 1907 г.

Сапунов А., Витебский Успенский собор, «Витебские губернские ведомости», № 9, 11, 1894 г.

Сапунов А., Церковь имени пророка Ильи в Витебске, Витебск, 1904 г.

Сапунов А., Краткий очерк исторических судеб Полотской епархии с древнейших времен до половины XIX в., Витебск, 1889 г.

Сапунов А., Полотский Софийский собор, Витебск, 1888 г.

Сапунов А., Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии, Витебск, 1903 г.

Сапунов А., Чертеж города Витебска 1664 г., Витебск, 1910 г.

Сапунов А., Витебская старина, т. I—III, 1883 г.

Сапунов А., Витебская старина, т. IV, Витебск, 1885 г.

Сементовский А., Полоцкая Софийская церковь. Памятная книжка Витебской губернии на 1878 г.

Сигов, Замок князя Паскевича в Гомеле, Исторический вестник, кн. 1, 1915 г.

Стасов В. В., Православная церковь Западного края, Сборник археологического института, кн. III, отд. II.

Тарасенков В., К истории города Минска, «Известия Академии Наук Белорусской ССР», № 6, 1948 г.

Харузин Ал., Славянское жилище в Северо-Западном крае, Вильно, 1907 г.

Хозеров И. М., К исследованию конструкции Спасского храма в Полоцке, Минск, 1928 г.

Хроника белорусского города Могилева, собранная и писанная Александром Трубницким, регентом Могилевской Магдебургии, во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолженная его сыном, губернским секретарем Михаилом Трубницким. Переведена с польского подлинника статским советником Николаем Гортынским.

Шероцкий К., Софийский собор в Полоцке, В книге Дмитрию Васильевичу Айнолову от учеников к двадцатилетию его ученой деятельности, Петроград, 1915 г.

Ярославцев С. И., Климовичи, Записки северо-западного отдела Императорского русского географического общества, кн. 4, Вильно, 1914 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *проф. А. П. Воинов*
Художник *Л. Прагин*
Художественный редактор *Н. Широков*
Технический редактор *А. Труханова*
Корректор *Л. Бавдей*

АТ 04009. Подп. к печати 14/XI 1955 г. Тираж 3000 экз. Формат 84×108/16.
Физ. печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,3. Уч.-изд. л. 11,1. Цена 8 р. 55 к. Зак. 476.

Типография им. Сталина. Минск, проспект им. Сталина, 105.

Замеченные опечатки

Страница	Колонка, строка	Напечатано	Следует читать
34	2, 6 сверху	1578 г.	1579 г.
36	2, 3 снизу	XII в.	XIII в.
52	1, 18 сверху	ниши	бойницы

Зак. № 476